

Владимир Контровский Мы возвращаем Землю! Остановившие Зло

«Мы возвращаем Землю! Остановившие Зло»: Издательства: Яуза, Эксмо; Москва; 2009
ISBN ISBN: 978-5-699-38324-5

Аннотация

Великую Отечественную войну не зря нарекли Священной. Фронтовики знают: заглянув в глаза смерти, трудно остаться материалистом. В горниле войны, когда ворота в Рай и Ад распахнуты настежь, а реальность и чудо образуют невероятные сплавы, каждый твой выстрел отзывается в Вечности, павшие встают плечом к плечу с живыми, за оскалом эсэсовских «мертвых голов» и паучьими лапами свастики клубится нездешнее Зло, а огненные трассы «катюш» подобны божественному мечу, прорубающему путь Свету.

Небо держится на твоих плечах, солдат. И Солнце восходит лишь потому, что русская пехота, истекая кровью, рвется на Запад и гусеницы наших танков возвращают Землю...

Самый неожиданный, самый поразительный и яркий роман о Великой Отечественной войне! Больше, чем «военная проза». Больше, чем боевая фантастика. Удивительный сплав жестокой «окопной правды» и славянской мистики. МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ Второй Мировой.

Владимир Контровский МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ! ОСТАНОВИВШИЕ ЗЛО

Пролог. Завещание Хранителя

...Истинно вам говорю: война — сестра печали, горька вода в колодцах ее.

Враг вырастил мощных коней, колесницы его крепки, воины умеют убивать.

Города падают перед ним, как шатры перед лицом бури.

Говорю вам: кто пил и ел сегодня — завтра падет под стрелами.

Говорю вам: война — сестра печали, и многие из вас не вернутся под сень кровли своей.

Но идите. Ибо кто кроме вас оградит землю эту...

В. С. Шефнер, «Сестра печали»

Багровое зарево заливало полгоризонта.

Зарево шевелилось, подрагивало и расползлось — там горела земля, и поджаривалось небо, бессильное погасить голодный огонь слезами дождя. И не было, казалось, такой силы, способной остановить пожар, пожиравший землю людей. Небо беззвучно плакало...

На вершине безлесного холма — невысокого, но далеко видимого на плоской спине степи, — стоял седобородый человек в длинном белом одеянии. Он был стар, но могуч: не утратив еще силы телесной, ведун обрел уже силу мудрости, приходящей с годами. Старик смотрел на зарево, и в темных глазах его отражались красные сполохи. Но сухи были глаза эти, и не было в них страха: человек этот умел видеть далеко, дальше, чем достигает простой взгляд человеческий. Ведун не только видел — он знал, и потому взор его был спокоен.

В опущенных руках, перевитых жгутами жил, старик держал длинный обоюдоострый меч: одной рукой — за рукоять, другой — за лезвие возле острия. По клинку шириной в ладонь живой водой, истекавшей из рукояти, пробегали волны голубого огня, смывавшие багровые блики — отсветы далекого зловещего зарева. На неподвижном лице ведуна жили одни только пронзительные глаза — он знал, и потому взор его был холоден.

У подножия холма всхрапывали и переступали кони, чужавшие запах близкой битвы и большой крови, а перед ведуном полукругом стояли десять молодых светловолосых воинов в клепаных шлемах и кожаных куртках с нашитыми на них железными пластинами. Короткие копья, боевые топоры и круглые щиты в руках юношей не были праздным украшением — их оружие тоже чувало битву и жаждало напоить иссушенную землю алой влагой, чтобы вернуть ей, земле многострадальной, радость рождающейся жизни.

Над холмом бесшумной тенью мелькнул ворон, птица вещая, и сжатые губы ведуна разомкнулись.

— Зло явилось. Идите, — не снимая рук с меча, старик кивнул в сторону зарева, — и остановите его. И знайте, завтрашнюю битву переживет лишь один из вас. Кто — этого я вам не скажу, чтобы не лишать вас силы духа, но будет так — по-другому нельзя.

Русичи молчали. На их гордых лицах не дрогнул ни один мускул, хотя никто из них не усомнился в словах ведуна. Воины знали — так и будет, и были готовы встретить свою судьбу, какой бы она не была. А потом старший из них, русобородый и статный, спросил: — Ты дашь нам Меч, отец?

— Нет, — ведун отрицательно покачал головой. — Это Зло вы остановите простыми мечами — если очень захотите. А Меч — Меч будет ждать, ждать своего часа. Зло многолико — оно будет возвращаться на нашу землю снова и снова. Оно придет Словом, пленяющим души. Оно придет Зверем, пирующим на костях и алчущим нашей крови. И оно придет Соблазном — сыном Черного Бога, и это будет самый страшный лик его. Но пройдя через муки многие и принеся жертвы бесчисленные, сможет земля наша осилить Зло и остановить его раз и навсегда. И когда весь Мир наш будет на краю гибели, придет время Меча, время обновления. А до той поры Меч будет ждать, и тот из вас, кто выживет завтра, передаст детям и внукам своим тайну его, и сохранит изреченную волю неба во исполнение ее. Идите, дети мои...

Воины склонили головы, повернулись и, звеня оружием, пошли вниз, к ожидавшим их

лошадям. Слово сказано — дело сделано.

Ведун подождал, пока они сели на коней, проводил взглядом, исполненным печали, удалявшихся всадников и поднял глаза к небу.

— Тяжек груз предвидения... — прошептал он, глядя на рваные облака, убегающие от зарева на горизонте. — Но нет иного пути во мраке, кроме пути к свету... Падут девять из десяти, и девяносто из ста, и девятьсот из тысячи, но сохранится память. И придет час, и Меч проснется. А пока...

Он отпустил рукоять и, придерживая оружие за клинок, упер его в землю острием вверх. Потом оперся грудью — напротив сердца — на голубое лезвие, чуть помедлил, глубоко вздохнул и резким движением сильного своего тела насадил себя на Меч, омыв холодный металл горячей кровью.

Темное небо рассекла слепящая молния.

Земля дрогнула.

Вершина холма раздалась, расступилась текучей водой и приняла падающего ничком Хранителя. И снова сомкнулась, скрыв и ведуна, и насквозь пронзивший его Меч. А затем холм стал оседать, сглаживаться, пока не сравнялся с безмолвной вечерней равниной, не оставив ни следа, ни бугорка, ни малой ямки-отметины.

Небо беззвучно плакало...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРВЫЙ БОЙ

*...войну выиграли молодые лейтенанты и капитаны.
Это они вместе с солдатами ели из одного котелка,
спали в одной землянке, прятались в одном окопе,
вели бойцов в атаку, стреляли из пушек, водили танки в бой,
сидели за штурвалами боевых самолетов и кораблей
и, жертвуя собой, добывали победу...*

П. М. Демидов, «В прицеле черный крест»

Впереди, за горизонтом, там, где находилась Мга, погромыхивало.

Глинистая дорога раскисла от недавнего дождя; сапоги, копыта и колеса орудий расквашивали ее в жидкое месиво, в котором вязли ноги. Люди шли молча: близость фронта — черты, где ежечасно обрывались человеческие жизни, — давила на нервы и серой тенью ложилась на построжевшие лица солдат. По обочинам грунтовок тут и там зияли воронки, валялись обломки повозок и трупы лошадей с раздувшимися животами; на задранных кверху конских ногах тускло поблескивали стертые подковы. Здесь поработала немецкая авиация — к кислому запаху сгоревшего тола примешивался сладковатый запах мертвечины. Это была уже настоящая война...

«Малой кровью на чужой земле, — с горечью думал двадцатилетний лейтенант Павел Дементьев, получивший свои пару «кубарей» ускоренно, по окончании только первого курса Ленинградского артиллерийского училища. — Немцы рвутся к Ленинграду, а крови — ее на одной этой дороге пролилось немеряно. И двое моих друзей-однокашников — Миша Новиков и Володька Петров — уже погибли на Лужском рубеже вместе со многими другими нашими ребятами, когда курсантов бросили навстречу немецким танкам...».

Васька, серый в яблоках орловский рысак, словно прочел невеселые мысли всадника. Осторожно ступая по скользкой дороге, он тихонько фыркнул и слегка помотал головой, как будто желая сказать — ничего, хозяин, не журись. Конь этот сразу, еще при формировании восьмьсот пятьдесят шестого артиллерийского полка в Череповце, признал Павла и остался с ним, несмотря на попытки начальства изъять красавца у зеленого лейтенантика. Васька не терпел общества своих четвероногих сородичей, и когда командир дивизиона майор Векилов подъехал на нем к группе командиров, рысак тут же проявил норы — устроил форменную драку, активно применяя копыта и зубы. Комдив вылетел из седла, а Васька разогнал всю

кавалькаду и описал круг почета. Векилов, матерясь сквозь зубы и прихрамывая, подошел к Дементьеву и бросил:

— Забирай своего зверя, лейтенант. Но уговор — не попадайся мне на глаза со своим конем.

С тех пор Васька и Павел были неразлучны, вот только ни человек, ни конь не знали, что роковая пуля, предназначенная красавцу-рысаку, уже заправлена в снаряженную ленту немецкого МГ, и что жить Ваське осталось совсем недолго...

Двести восемьдесят шестая стрелковая дивизия, в состав которой входил арtpолк, высадились в районе станции Назия и шла в сторону Мги, навстречу немецкому танковому клину, стальным зубилом продвигавшемуся к Ладожскому озеру.

* * *

К вечеру батарея остановилась на полянке в небольшом лесочке. Полянка была вздыблена маленькой высоткой, с которой отлично просматривалась единственная дорога, бурой змеей уходившая к фронту. Кругом — бескрайний лес, по обочинам дороги — болото.

«Вот тут они и завязнут, — подумал Павел, оглядывая позицию. — Хорошее место. И елочка вон та пушистая, у дороги, в самый раз — отличный ориентир. Так и порешим...».

Темнеющее небо на западе подкрашивалось багровым, и лейтенанту Дементьеву вдруг почудилось, что он когда-то уже видел такое зарево, пожирающее родную землю. Но где и когда — этого он вспомнить не мог.

— Командуй тут, лейтенант, — командир батареи, старший лейтенант Веселов, описал рукой широкий полукруг. — А я с взводом управления пойду вперед, эн-пэ устрою. К утру чтоб все у тебя было готово к открытию огня, понял?

— Так точно, товарищ командир.

С самого начала Дементьев был назначен в 1-ю батарею командиров огневого взвода, но потом выяснилось, что кадровых офицеров в батарее всего двое — он да Веселов, — и тогда комбат сделал перестановку: своего заместителя Речкова, пожилого лейтенанта запаса, явно не тянувшего этот воз, поставил на взвод, а Павла назначил замом. Приглядевшись к Павлу, Веселов понял, что тот в пушках разбирается — как-никак, за плечами Дементьева был не только год ЛАУ, но и три года артиллерийской спецшколы. И потому Веселов оставлял на него батарею — сейчас, когда на них шли немецкие танки.

Солдаты работали всю ночь, прислушиваясь к гулу канонады, и к утру отрыли окопы для пушек и ровики для людей. Лошадей отвели в укрытия, метров за четыреста от огневой; возле орудий горками выложили снаряды, заботливо протертые ветошью.

И пришел рассвет. Несмело пискнула какая-то птица, дробной очередью простучал в лесу дятел.

— Вот чертяка, — крикнул ездовой Тимофеев, вытирая потный лоб, — как из автомата садит. Я уж было подумал, — он криво улыбнулся, — парашютисты немецкие на нашу голову.

— Каркай больше, старый, — отозвался кто-то из бойцов, — накаркаешь.

Из низин ползли струи белого тумана, размывая силуэты деревьев. Раздвинув ветви маскировки, Павел посмотрел на темную ленту дороги. Все было тихо — пока...

Хотелось спать. Батарейцы прикорнули прямо у орудий на разостланных шинелях. Дементьев, поживаясь от утреннего холода, еще раз оглядел позицию, доложил на НП о готовности батареи и уже примерялся, где бы устроиться передохнуть, но зуммер полевого телефона распорядился по-своему.

«Противник пошел в наступление, — сообщил голос комбата на том конце провода. — Неподвижный заградительный огонь один, четыре снаряда, беглый, огонь!».

Четыре орудия выплюнули первые снаряды, взрыв сошниками мягкую землю. По ушам хлестнула невидимая плеть: «УСВ» — семидесятишестимиллиметровые дивизионные пушки, принятые на вооружение перед самой войной, — били резко и звонко.

Орудийный грохот густел. Там, впереди, за стеной леса, было жарко — не прошло и получаса, как Веселов приказал Дементьеву отправить к нему одно орудие для стрельбы прямой наводкой по прорвавшимся танкам. Артиллеристы сноровисто подцепили к пушке передок и шестерку лошадей, прядавших ушами при каждом выстреле, и орудие покатилося по дороге.

«Лучший расчет батареи, — подумал Павел, провожая взглядом упряжку, — жаль». Он не мог сказать, почему ему пришло в голову именно это слово — молодой лейтенант не мог знать, что всего через полтора часа его орудие номер один сожжет два немецких танка и погибнет вместе со всем расчетом под гусеницами третьего...

А потом оборвалась связь — эбонитовая трубка телефона безмолвствовала. К счастью, лейтенант Графов, однокашник Павла и командир второй батареи, стоявшей в километре от первой, прислал связного с приказом командира дивизиона: встретить танки, прорвавшие нашу оборону и двигавшиеся к нам в тыл.

Связь с НП восстановить не удалось — посланный связист не вернулся. Дементьев поставил три оставшиеся у него орудия на прямую наводку, и тут на дороге появились люди, которых становилось все больше и больше. Но это были не немцы — по дороге в беспорядке отходила наша потрепанная пехота. Катились в тыл хозяйственные повозки с перепуганными возницами, полевые кухни, санитарные двуколки с ранеными, поодиночке и небольшими группами тянулись отступавшие солдаты. По угрюмым лицам своих солдат лейтенант понял, что этот всеобщий драп действует им на нервы, и все-таки бойцы стояли у орудий и ждали приказа — его приказа.

К полудню поток отступавших иссяк. Немцы не появлялись, только гремели далекие — пока? — разрывы бомб и снарядов. Солнце палило вовсю, раскаляя небесную синь бабьего лета — не верилось, что под таким небом люди могут беспощадно убивать друг друга.

Канонада оборвалась, и в наступившей тишине Павел услышал шум моторов. «Танки — вот и дождались» — подумал он и вдруг услышал сознанием произнесенное непонятно кем: «Зло явилось — идите, и остановите его!». Лейтенанта Павла Дементьева обдало холодом, но холодок страха быстро превратился в холодную бойцовскую злость: «Остановим».

Первым из-за поворота дороги показался пятнистый броневичок. Покрутил башенкой, поводит пулеметным стволом, принохиваясь, и сыпанул длинной очередью, прощупывая притихший лес. Лейтенант ждал, ждали и его бойцы, присевшие за орудийными щитами.

Не обнаружив ничего подозрительного, броневичок двинулся вперед, поравнялся с приметной елочкой, и...

— Огонь! — выдохнул Дементьев свою первую в жизни не учебную команду и рубанул ладонью воздух.

Триста метров — для дивизионных пушек это стрельба в упор. Броневик подпрыгнул, словно козел, получивший между рогов поленом, — в босоном деревенском детстве видел Павел как-то раз такую картину, — встал поперек дороги и загорелся, выбросив в синее небо маслянистый шлейф черного дыма.

— Первый... — прошептал Павел, ощущая внутри себя пружинящую уверенность, гибкую и прочную, словно упругая сталь боевого меча. У него, лейтенанта Красной Армии Дементьева, было оружие, он умел им пользоваться, и поэтому железные звери, приползшие сюда от западной границы, топча разлапистыми гусеницами его землю, дальше не пройдут: они останутся здесь — гнить, ржаветь и рассыпаться трухой.

Через пару минут на дорогу вылез танк и попер напролом, обходя горящий броневик. И не прошел — его зажгли вторым залпом. На дороге образовалась пробка из двух горящих машин; два дымных столба переплелись, свиваясь в косматую черную колонну. Таясь за этой завесой, незаметно подошел второй танк и начал садить по высотке, где стояла батарея. И сумел таки не зря продать свою бронированную шкуру — накрыл одно из орудий, прежде чем остальные подожгли его двумя снарядами.

Получив отпор, немцы притихли. Павел, воспользовавшись передышкой, побежал к

замолчавшему оружию. Добежал — и остолбенел.

Пушка была разбита прямым попаданием. Возле нее лежали четверо убитых и трое раненых; снаряды и снарядные ящики разбросало взрывом, везде валялся порох, вырванный из гильз. Но не это потрясло молодого лейтенанта, пусть даже впервые увидевшего зрелище смерти в бою.

Пушка горела — целиком. Горели бронированный щит и станина разбитого орудия, расплавленный металл стекал с них на землю сине-белыми огненными каплями. Вся земля на огневой кишела разбросанными повсюду маленькими кострами. Оглянувшись назад, где стояла толстая сосна, Павел увидел, что ее ствол тоже горит таким же всепоглощающим вселенским адским огнем. «Голубой огонь — звездный огонь, — очень отчетливо прозвучало в сознании лейтенанта, — огонь, пожирающий звезды...». Он помотал головой, стряхивая морок и смиряя сердце, бешено заколотившееся при виде этого странного и жуткого зрелища и при этой непонятной фразе, всплывшей в его мозгу неизвестно откуда.

Позже Дементьев узнал, что немцы применили на фронте новинку — термитные снаряды. Горящий термит разлетался во все стороны жгучими струями, давая температуру свыше трех тысяч градусов, — железо плавилось и текло, как вода.

Но таинственная фраза о «звездном огне», явственно им услышанная, так и осталась для него загадкой. И появилась у Павла странная мысль: война, сотрясавшая планету, идет не только на Земле...

* * *

Танки на дороге больше не появлялись, зато все чаще стали сыпаться снаряды — немецкая артиллерия нащупывала позицию упрямой батареи, перекрывшей дорогу. Часть из них падала неподалеку от орудий, и тогда солдаты вжимались в землю, мысленно заклиная урчащую смерть, вспарывавшую воздух стальными рылами: «Только бы не в мой ровик... Только бы не в меня... Только бы...».

Тем временем немцы вновь зашевелились. Ведя «цейсом» по придорожным кустам, Дементьев по дергавшимся верхушкам деревьев засек третий танк, который пытался обойти горевшие на дороге машины, но завяз в трясине — слышно было, как надывается его мотор. Наводя панораму ниже качавшихся веток, оба орудия выпустили по нескольку снарядов, и к трем подбитым машинам добавилась четвертая.

— Горят... — прошептал Павел. — Горят, как миленькие, — не так страшен черт...

Солнце жарило нещадно, хотелось пить, но молодого командира куда больше мучило отсутствие связи. Его батарея дала противнику по зубам, однако лейтенант не обольщался: пехотного прикрытия у него не было, и как только подойдет оторвавшаяся от своих танков немецкая пехота, все очень быстро кончится — артиллеристов обойдут по болоту и сомнут в считанные минуты. Он ждал подкрепления, но напрасно — похоже, в сумятице отступления о пушках лейтенанта Дементьева попросту забыли.

А потом в небе появился вражеский самолет-разведчик «Хейнкель-126», прозванный за торчавший в хвостовом оперении амортизатор «костылем» или «кривой ногой», сделал круг, и земля заходила ходуном: немцы взялись за дело всерьез. Снаряды падали густо, с корнем выворачивая деревья; осколки рубили листву и звонко тюкали в орудийные щиты.

Когда налет кончился, Павел не сразу поверил в то, что его батарея еще жива. Но над лесом снова показалась уродливая стрекоза — разведчик уточнял результаты обстрела. Снять его было нечем, и Дементьев хорошо понимал, что еще одного артналета им не выдержать: маскировка с орудий содрана близкими разрывами, на траве от стволов пролегли длинные проплешины — следы выстрелов — с воздуха пушки видны как на ладони. И вот-вот должна была подойти вражеская пехота, и тогда...

«Пока «костыль» развернется, пока осмотрится, пока будет передавать информацию на землю, — лихорадочно размышлял Павел, — у нас есть минут десять. Да, жаль отступать, но бессмысленно гибнуть — это еще хуже».

— Передки на батарею! Орудиям отбой!

Солдаты разом задвигались. Быстро, но без суеты выкатили орудия, прицепили их к передкам, погрузили на станины раненых и убитых. И вовремя: не успели упряжки отъехать на сотню метров от покинутой позиции, как высотку свирепо распахали немецкие снаряды. Разрывы слились в сплошную стену — на полянке не осталось живого места.

И лейтенант, принявший свой первый в жизни бой и выигравший его, почувствовал молчаливое одобрение своих бойцов: «Ты правильно поступил, командир».

* * *

Отъехав километра на полтора, Павел остановил колонну для короткого отдыха. На остатки батареи было страшно смотреть — более половины людей убито или ранено, часть лошадей погибла, и пушки везли не по шесть коней, как положено, а по три-четыре, причем многие из них были ранены. Солдаты, усталые и грязные, с почерневшими лицами, сидели, висели, кто как мог, на передках и станинах орудий. Лейтенант пристроился на передке переднего орудия и видел, как левый коренник — сильный, здоровый тяжеловоз, раненый в левый бок, — при каждом шаге припадал на левую ногу, а из раны в такт шага выливалась очередная порция крови, словно внутри животного работал маленький насос, — за лошадью тянулась тоненькая красная дорожка. А люди с надеждой смотрели на двадцатилетнего лейтенанта Дементьева, как будто он был богом, державшим в руках их судьбы. Хотя, если разобраться, так оно и было...

Вскоре впереди открылась полянка, похожая на предыдущую и вполне пригодная для новой огневой позиции. Павел осмотрелся. Невдалеке текла небольшая речушка, за которой стоял густой лес. «Вот туда нам и надо, — подумал лейтенант, — танки реку не перепрыгнут, а на переправе мы их причешем». Он уже собирался отдать приказ переправляться, но тут на поляну выкатились наши легкие танки «БТ». Вокруг машин бегал маленький полковник, суматошно размахивая руками и энергично матерясь, но было видно невооруженным глазом, что он растерян и не знает, что происходит на фронте, и что ему делать.

К поляне мало-помалу подтягивались пехотинцы из какой-то разбитой части — злые и угрюмые; многие из них раненые. Людей становилось все больше, вот только командовать ими, похоже, было некому — ощущение неразберихи и бестолковщины усиливалось. Тяжело вздохнув, Дементьев направился к полковнику-танкисту — как-никак, тот был здесь старшим по званию.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться!

— Чего тебе?

— Разрешите переправить мои пушки на тот берег реки. Позиция там...

— Твоя фамилия, часом, не Ворошилов? — зло скривился танкист, щуря покрасневшие глаза. — Полководцев развелось, маршалов, только воевать некому, вашу мать! Норовишь в лесочек смыться и под шумок дать драпа? Стой, где стоишь, и умри за Родину! Вон там тебе позиция, — он махнул короткопалой рукой в сторону дороги, — понял? Выполняй!

— Есть! — Павел козырнул, четко, по уставу, повернулся и пошел к своим орудиям, мучимый тяжелым предчувствием.

Предчувствие не обмануло — не прошло и получаса, как накрыли их немецкие танки, на это раз шедшие в сопровождении пехоты. Они хищно вырвались из леса, с ходу охватили поляну, и начался бой, очень быстро превратившийся в бойню. Лязг гусениц, взрывы, треск пулеметов заглушили многоголосый вой людей, расстреливаемых в упор. «Бэтэшки» один за другим вспыхивали факелами; люди бежали к реке, падали, изредка вставали, снова падали и оставались лежать неподвижно.

Павел и его прошедшие крещение огнем артиллеристы были одними из немногих не потерявших голову в этой кровавой мясорубке, простроченной свинцом. Его орудия были готовы к стрельбе в считанные секунды, и первым же выстрелом они подбили шедший на

них немецкий танк. Машина вздыбилась, словно конь, на скаку схваченный за узду, и осела, расстелив перед собой железную ленту перешибленной гусеницы. Второй выстрел орудия и выстрел второго танка прозвучали одновременно.

Дементьева швырнуло на землю, по ушам как будто с размаху ударили доской. Он поднял голову, не до конца понимая, жив он еще или уже нет. Танк чадно дымил, но и от пушки осталась только грудка бесполезного железа. Снаряд ударил по центру орудия, и хотя расчет уцелел, делать им здесь было уже нечего.

— К реке! — скомандовал лейтенант, мельком увидев, как немецкий танк со скрежетом подмял под себя второе орудие, стоявшее поодаль, и развернулся, давя его гусеницами.

...Они бежали к реке, обгоняя смерть, дышавшую им в затылок. Спасительный берег был уже рядом, когда в спины бегущим ударил пулемет. Павел упал ничком и распластался на земле, заморожено глядя на ползущую к нему огненную змею, сшитую из трассирующих пуль — выбитые их ударами фонтанчики сухой земли взметывались все ближе и ближе.

В этот миг лейтенант не вспомнил всю свою жизнь, как это обычно пишется в книгах. У него вообще не было никаких мыслей — был только страх, подавляющий и поглощающий, полностью растворивший в себе человека по имени Павел Дементьев.

Но змея не доползла — она погасла в двух шагах от головы лежавшего человека. То ли немецкий пулеметчик решил, что тот уже мертв, то ли у него кончилась лента. Как бы то ни было, Павел вскочил, одолел оставшиеся до реки метры одним броском, возвращаясь от смерти к жизни, и с разбегу плюхнулся с крутого берега в воду, пахнувшую тиной и торфом.

* * *

Через реку они перебрались впятером — из батарейцев, утром этого очень долгого дня принявших бой, в живых остался один их десяти. Грязные и ободранные, они долго шли по лесу, пока не наткнулись на остатки двести восемьдесят шестой стрелковой дивизии. Здесь же был и ее командир, пытавшийся сколотить из разношерстной толпы боеспособную часть. Поставив в строй всех: стрелков разбитых батальонов, танкистов, потерявших свои машины, связистов, обозников и поваров полевых кухонь, он повел их через редколесье навстречу наступавшим немцам в отчаянную и безнадежную контратаку. Сколько их было, таких атак, в первые месяцы войны, да и потом, когда война уже переломилась...

Немцы успели оседлать высоты, подтянули артиллерию и встретили атакующих шквальным огнем, начисто выкашивая пулеметами густые цепи. Дементьев бежал вместе со всеми, сжимая в руке пистолет и ясно сознавая, что каждый следующий шаг может стать для него последним. И все-таки он бежал, раздирая рот надсадным криком, и залег только тогда, когда атака захлебнулась, и солдаты приникли к спасительной земле, не в силах превозмочь бьющий им в лица огненный ветер.

Волна атаки разбилась и откатилась назад, оставляя на обожженной земле, вдоволь напившейся русской крови, капли мертвых тел. Комдив был тяжело ранен, и некому было снова поднять бойцов. Да и не было никакого смысла в еще одной атаке — дивизия полегла бы на этом смертном поле вся, до последнего человека, не продвинувшись вперед ни на шаг.

...Они шли через лес, стиснув зубы и слушая частые хлопки немецких разрывных пуль, врезавшихся в стволы деревьев. Шли, обливаясь потом, но оружия не бросали, хотя патронов ни у кого уже не было. К удивлению Павла, все его бойцы, вышедшие с ним из боя у реки, уцелели в самоубийственной контратаке — никто из них не был даже ранен.

— Бог спас... — негромко сказал ездовой Тимофеев, внимательно рассматривая дыры на своей простреленной шинели.

«Бог? — удивился лейтенант. — Для нас бог — Сталин, на него молится весь народ и вся страна! А тут — бог спас...».

Потом он этому уже не удивлялся. На дорогах войны Павел видел не раз, как под бомбежкой или под артобстрелом солдаты осеняли себя крестным знаменем и шептали побелевшими губами Господне имя. Когда смерть подступала совсем близко и заглядывала в

глаза, о Сталине никто уже не вспоминал...

ГЛАВА ВТОРАЯ. БОЛОТНОЕ СИДЕНИЕ

*Будут веками на веки прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявино
наши полки подо Мгой
Вспомним и тех, кто неделями долгими
Мерзнул в сырых блиндажах,
Бился на Ладогe, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг
Ленинградская застольная (Застольная Волховского фронта)*

Батарею не расформировали. В тихом лесу между Мгой и Назией, где остатки двести восемьдесят шестой стрелковой дивизии приходили в себя после разгрома, Дементьев узнал, что скоро к ним придет пополнение, и он получит новые пушки.

Пушки действительно прибыли, но когда лейтенант со своими батарейцами поехал на станцию их получать, то был ошарашен, увидев допотопные трехдюймовые орудия образца 1890 года. «Где только выкопали этих мамонтов? — потрясенно размышлял он, рассматривая вверенную ему материальную часть. — Они последний раз стреляли на сопках Манчжурии! И что я буду делать с этим чудом военной техники?».

Однако командир дивизиона не разделял пессимизма своего подчиненного.

— Скажи спасибо, что хоть такие дали, — философски заметил он. — Калибр тот же, ствол есть, значит, стрелять можно. А попадешь или нет — это, брат, уже от тебя зависит.

Стрелять из ветеранок русско-японской действительно было можно — это выяснилось по мере освоения батарейцами этих экзотических артиллерийских систем. Противооткатным устройством у трехдюймовок служили резиновые шайбы, надетые на шток. После каждой стрельбы приходилось менять две-три шайбы, и потому огневая позиция батареи несколько напоминала бакалейную лавку под открытым небом: на деревьях возле пушек висели связки черных резиновых «баранок» (к сожалению, несъедобных).

Немецкое наступление выдохлось, и фронт стабилизировался. Батарея стреляла, хотя и не часто — количество выделяемых боеприпасов было мизерным. Но вскоре и эти редкие стрельбы пришлось проводить с большой осторожностью: немцы подвезли к линии фронта звукоуловители. Эти хитрые машины по выстрелам засекали огневые позиции советских батарей, и через пятнадцать-двадцать минут прилетали немецкие бомбардировщики или начинала бить их дальнобойная артиллерия. Чтобы не попасть под раздачу, приходилось сразу после стрельб менять позицию — солдаты перекачивали орудия, матерясь и проклиная болотистую местность и немецкую технику.

Павел долго ломал голову над тем, как обдурить немецких слухачей, и вот однажды, рыская на коне по окрестностям, набрел на солидный участок густого леса, со всех сторон окруженный болотом. Сверившись с картой, лейтенант с удивлением обнаружил, что на ней обозначено сплошное болото — лесистого островка на карте не было. «Вряд ли немецкие карты точнее, — подумал лейтенант. — Не знают они про это берендеево царство. Правда, дороги к острову нет, но можно замостить гать. Зато какое место — если нас засекут, то будут долбить по краю болота: по всем правилам военной науки пушки в болоте стоять не могут — они там утонут».

Гать соорудили быстро, хотя попотеть пришлось. Но не зря — батарея простояла на острове всю зиму, регулярно стреляла, а немцы в ответ методично обкладывали снарядами берега болота — точность их звукоуловителей была невысокой.

За сентябрьские бои Павел был представлен к ордену Красного Знамени. Лейтенант помнил, как горели немецкие танки, подожженные снарядами его батареи, и знал, что честно заслужил эту награду. И он хотел получить этот орден не только как опаленный войной солдат, но и как любой двадцатилетний мальчишка, мечтавший о подвигах.

В июле, в городе Вологде, где молодые лейтенанты-артиллеристы ждали отправки на фронт, случилась с Дементьевым первая любовь — предметом его страсти стала медсестра из расположенного там госпиталя. Павел пару раз провожал ее домой, прихватив с собой палку, чтобы отбиваться от собак, которых этой части Вологды было видимо-невидимо, но очень скоро любовь кончилась, так и не начавшись. Как-то раз Павел увидел свою возлюбленную под руку с выздоравливающим офицером, на груди которого поблескивал орден Красного Знамени, и понял, что ловить ему уже нечего. А тут еще его приятель, лейтенант Михайлов, с которым отвергнутый воздыхатель поделился своим «горем», вместо сочувствия долго донимал несостоявшегося Ромео романсами о несчастной любви, а под занавес изрек:

— Видишь, Паша, какое значение имеет в наше время боевая награда? Будь у тебя хотя бы медаль, разве случился бы с тобой такой конфуз? Нет, надо срочно на фронт, а то немцев скоро разобьют, все ордена достанутся другим героям, а нас с тобой девушки будут обходить стороной.

Однако орден лейтенант Дементьев так и не получил. На то была своя причина, и звали эту причину комиссар полка Вайнштейн.

К политработникам Павел относился скептически. Как и все мальчишки поколения двадцатых, он восхищался комиссарами гражданской, с пением «Интернационала» геройски умиравшими под белогвардейскими шашками, но реальные политруки оказались немножко иными людьми. На вопросы солдат, почему Красная Армия отступает и сдает врагу город за городом, они отводили глаза, отмалчивались или рассказывали о «внезапном нападении» и о «подавляющем численном превосходстве немецко-фашистских захватчиков». Дементьев, от природы смывленный и развитый парень, не находил логики в этих объяснениях. «Внезапное нападение» случилось в июне, а советские войска продолжали пятиться и три, и четыре, и пять месяцев спустя. И не понимал молодой лейтенант, что же это за внезапное нападение такое, одним махом сокрушившее армию огромной страны, жившей с песней «Если завтра война, если завтра в поход». И насчет численного превосходства врага у него сложилось свое мнение: Павел видел, что немцы воюют не числом, а умением, и что их вполне можно бить, если противопоставить их умению свое, которого, увы, слишком часто не хватало. После всего этого Дементьев, выросший в крестьянской семье, привыкший к честности и остро чуввавший фальшь, уже не мог относиться всерьез к комиссарам сорок первого года, так не похожим на книжных комиссаров года восемнадцатого.

Конечно, были политруки, не щадившие себя в бою и честно делившие с солдатами все тяготы войны, однако частенько попадались среди них и другие экземпляры. В основной своей массе политработники были полными дилетантами в военном деле, и хорошо, если они это понимали и ограничивались только лишь «политико-воспитательной работой с личным составом». Но когда обуреваемый амбициями комиссар лез в то, в чем он ни уха, ни рыла, это нередко оборачивалось немалой кровью. Положение усугублялось тем, что единоначалия в Красной Армии фактически не существовало: любой приказ командира должен был быть скреплен подписью комиссара, без которой этот приказ не имел силы.

Вайнштейн принадлежал к категории людей, страдающих повышенной самооценкой. Заявившись однажды на батарею Дементьева, он долго осматривал островок, а потом вдруг вздумал учинить Павлу экзамен.

— Как будешь действовать, лейтенант, если с фронта появятся немецкие танки? — спросил он свысока.

Павел обстоятельно изложил несколько вариантов, заготовленных им на случай боя и с танками, и с пехотой противника, однако все его «углы обстрела», «зоны поражения» и

прочую артиллерийскую премудрость Вайнштейн пропустил мимо ушей, поскольку она не укладывалась в его сознании.

— Так, лейтенант, — попытожил комиссар, с трудом дослушав доклад. — От каждого орудия надо сделать отдельную гать, чтобы в случае опасности быстро вывезти пушки в тыл.

— Я не собираюсь отступать, — сдержанно ответил Дементьев. — Здесь мы хорошо замаскированы, а на дороге батарею в момент расщелкает немецкая авиация. У нас есть одна гать, этого достаточно. А если делать мосты от каждого орудия, это будет слишком заметно с воздуха.

— Ты не умничай, а выполняй! — комиссар побагровел.

— Я буду делать то, что считаю нужным, — твердо заявил Павел. — Я отвечаю за своих людей и за свои орудия!

В пылу спора он случайно коснулся кобры пистолета, и Вайнштейн, заметивший это движение, истолковал его по-своему.

— Мальчишка... — зло прошипел он, а потом бочком отступил, резво вскочил на коня и покинул батарею.

Дементьев вытер вспотевший лоб. Он вновь почувствовал молчаливое одобрение солдат, видевших эту сцену, и был готов отстаивать свою правоту перед кем угодно, хоть и понимал, что его горячность может выйти ему боком. И вышла — мстительный Вайнштейн вычеркнул строптивного лейтенанта из наградных списков.

* * *

Пришла зима, холодная и голодная. Немецкие снаряды и бомбы падали теперь куда реже, но голод был рядом, и от этого врага не спрятаться было в сырых землянках, тускло освещаемых похожим на лезвие ножа пламенем коптилок из снарядных гильз или тлеющими фитилями из телефонного провода, к утру покрывавших изможденные лица солдат густым слоем сажи. От голода кружились головы; люди вываривали мясо павших лошадей и жадно глотали воздушно-мягкую безвкусную массу, и праздничным блюдом казался суп из ворон, на которых шла настоящая охота. Бойцы, похожие на бледные ходячие тени, мерзли в летних шинелях и сапогах — телогрейки, ушанки и валенки подвезли только в январе сорок второго, когда немцев выбили из Тихвина, — но бросали и бросали в чавкающие затворами орудийные утробы полупудовые унитары, в кровь обдирая руки о холодный металл.

А немцы, сытые и здоровые, зачастили по ночам на наш передний край. Они резали часовых, брали пленных и швыряли гранаты в блиндажи, а однажды ухитрились угнать из расположения пехотного батальона сорокапятимиллиметровую пушку: выгнали из землянки сонный расчет и под дулами автоматов заставили его впрячься в лямки и тащить орудие на себе.

После такого конфуза на весь фронт начальство рвало и метало, проверяя бдительность боевого охранения. Исполненному служебного рвения комиссару батарее показалось, что ездовые недостаточно рьяно исполняют приказ командования о повышении бдительности, и он решил устроить им проверку.

Дождавшись, когда часовой отошел задать корм отощавшим лошадям, ретивый политрук прокрался в землянку, вытащил пистолет и в слабом свете печурки заорал:

— Хенде хох!

После этого он вывел из землянки еще не совсем проснувшихся и полуодетых людей и битых полчаса распекал их на морозе, называя изменниками Родины и пособниками врага.

Узнав о случившемся, Дементьев отозвал комиссара в сторонку и в кратких, но очень энергичных выражениях высказал ему все, что он о нем думает.

— Ты издевался над людьми и не подумал, что любой из них мог спросонок схватить карабин, да пристрелить тебя за милую душу! — закончил Павел свое внушение, добавив про себя: «Жаль, что никто этого не сделал». — И что тогда? Трибунал солдату? Про тебя самого я уже не говорю — покойнику уже без разницы.

Комиссар смолчал, но доложил Вайнштейну, и Павел не получил положенного ему по занимаемой должности звания старшего лейтенанта, несмотря на то, что требовавшиеся для этого три месяца пребывания на фронте давно истекли.

* * *

— Пушкари, едрить вашу распротак! — бушевал начальник артиллерии дивизии полковник Коробченко, невысокий украинец с круглым лицом и объемистым животом. — Вы собьете наконец этот гондон или нет, артиллеристы хреновы?

Причиной праведного гнева начарта был привязной аэростат, уже три недели подряд регулярно взмывавший в небо над передним краем противника. Рассмотрев наши позиции, «гондон» вызывал огонь немецкой артиллерии, а сам быстренько нырял вниз, к земле. Сбить аэростат оказалось не так просто: задачу встречи снаряда с целью приходилось решать не на плоскости, а в трехмерном пространстве, и пока батарейцы пристреливались, он уже уходил.

И все-таки Дементьеву удалось его подловить. Немцев подвела их пунктуальность: лейтенант заметил, что аэростат поднимается в воздух в одно и то же время, хотя и в разных точках. Дальнейшее было уже делом артиллерийской техники — «колбаса» лопнула в небе на глазах сотен солдат и офицеров.

— Ну, ты у меня прямо снайпер, Дементьев, — похвалил его Коробченко. — Не только танки умеешь дулетом бить, факт!

Прямое следствие удачной охоты на аэростат явилась еще одна боевая задача весьма деликатного свойства, выполнение которой было поручено батарее лейтенанта Дементьева.

Разведка обнаружила в деревне Вороново, в ближайшем немецком тылу, публичный дом, организованный завоевателями. Туда для них свозили русских девушек из окрестных деревень, чтобы доблестные солдаты фюрера могли почувствовать себя победителями, а заодно и расслабиться. И батарее Павла было поручено ликвидировать этот «дом отдыха».

На совещании офицеров доблестный комиссар батареи, нахватавшийся услышанных от артиллеристов умных слов вроде «массированный налет» и «стрельба по площадям», впал в раж и требовал «выжечь начисто это фашистское гнездо», подразумевая под «гнездом» всю злополучную деревню. «Дай тебе волю, — подумал Дементьев, слушая воинственную речь политрука, — так ты ради десятка фрицев расстреляешь все местное мирное население этой деревушки».

К необычной операции лейтенант подготовился основательно. Его старые орудия не могли достать цель с острова, и поэтому пришлось скрытно оборудовать огневую позицию ближе к линии фронта. Настелили гать и осторожно, без лишнего шума, перекатали туда трехдюймовых «старушек». Сверившись с картой, Дементьев подготовил данные для стрельбы — все было готово, а противник ничего не подозревал и чувствовал себя в полной безопасности.

Обстрел начали под утро, когда сон сладок и крепок, особенно если под боком теплая женщина.

— По бардаку, гранатой, первому — взрыватель фугасный, второму — осколочный! Прицел... Уровень... Буссоль... Огонь!

В морозном утреннем воздухе ахнули выстрелы, со звоном упали на подмерзшую землю стреляные гильзы. Первые два снаряда легли недолетом, но следующие два десятка гранат накрыли цель — «дом отдыха» вспыхнул ярким пламенем, разваливаясь от прямых попаданий. Добавив для верности еще несколько шрапнелей, лейтенант скомандовал отход, не дожидаясь ответного удара немецкой артиллерии.

Батарея вышла из боя без потерь, и настроение у бойцов было приподнятым.

— Как мы их, а? — возбужденно твердил конопатый солдат-заряжающий, поминутно оглядываясь на столб дыма, ясно различимый в прозрачном зимнем небе. — Фрицы, небось, без кальсон на мороз высказивали!

— А то! — поддержал его другой боец. — Все причиндалы себе поморозили!

— Чему радуетесь, молодые, — угрюмо отозвался ездовой Тимофеев, сосредоточенно глядя перед собой. — Там ведь не только германцы были, но и наши русские девчата. Силком их туда сволокли, не сами они под немцев легли, а мы их — снарядами...

— Так уж и силком, — возразил ему подносчик, крепкий парень с наглыми глазами и повадками блатаря с Лиговки. — Бабы — они такие: как в передке засвербит, так они и бегут, подол задирая.

— Что ты знаешь о бабах, сопля, — отрезал Тимофеев. — Русские бабы — они последний кусок хлеба от своих детишек отнимут да нам, солдатам, отдадут, лишь бы мы их от врага заслонили. А мы их не заслонили, оставили баб наших на потеху немцу, герои... — Он зло сплюнул и без нужды хлестнул вожжами коренника: — Н-но-о-о, волчья сыть!

Слушая Тимофеева, пожилого и по-крестьянски мудрого мужика, Павел вдруг зримо представил себе растерзанные его снарядами женские тела, оставшиеся там, в разрушенном «доме отдыха» вместе с трупами немцев, беззащитные в жизни и в смерти, и почувствовал, что у этой его победы очень горький привкус. И даже когда его в очередной раз — за сбитую «колбасу» и за разрушенный публичный дом — представили к награде, горечь эта не исчезла.

* * *

Но и на этот раз Дементьев не получил ни ордена, ни даже медали — Вайнштейн ничего не забыл. И Павел понял, что житья ему здесь не будет, и начал подумывать о том, как бы ему перевестись в другую часть. Легко сказать, да трудно сделать — шла война, и служебные неурядицы простого лейтенанта-артиллериста никого не волновали.

Помог случай: как-то раз на батарею заехал полковник Коробченко в сопровождении своего адъютанта Юры Забегайлова, однокашника Дементьева по училищу. Пока полковник, приняв в землянке фронтовые сто грамм с прицепом (Павел спиртное не уважал и законные свои порции сливал во фляжки для угощения гостей), общался с батарейцами, Дементьев поведал приятелю о своих трениях с полковым комиссаром и попросил помочь с переводом в другую часть.

Юра обещал помочь, и слово свое сдержал: в конце февраля позвонил на батарею и сообщил Дементьеву, что есть возможность откомандироваться в Москву, в Артиллерийское управление. «Должность комбата во вновь формируемой части тебе гарантирована, Паша» — заверил Забегайлов, и Дементьев с радостью согласился.

Приказ об откомандировании пришел быстро, однако Павлу пришлось пережить пару неприятных минут, когда его вызвал командир полка подполковник Деркач и сказал, что не хочет отпускать из своей части толкового офицера.

— Чего ты забыл в Москве, Дементьев? — спросил он напрямик. — Служи здесь, чем плохо? Я тебя помню еще по сентябрьским боям — будет тебе повышение, помани мое слово.

Пришлось открыться и выложить начальству все как на духу. Выслушав лейтенанта, Деркач покачал головой:

— Так вот в чем заковыка... То-то я смотрю, Вайнштейн все норовит тебя обойти — предлоги пустяковые, а не подкопаешься. Здорово ты ему на мозоль наступил... Ладно, коли так, езжай. Захвати только от меня письмо жене — с тобой оно до Москвы быстрее доедет.

В отличие от Деркача, Коробченко историю злоключений лейтенанта Дементьева уже знал, и потому удерживать его не стал. Наоборот, посоветовал, «ежели что», обратиться в Москве к начальнику управления полковнику Гамову — мы с ним, мол, старые знакомцы: мужик он хороший, скажешь, что ты от меня, и он для тебя все сделает. А в качестве услуги «не в службу, а в дружбу» начарт попросил отвезти в Москву «мимо цензуры» два письма — жене и любовнице, причем если первое письмо достаточно было просто бросить в любой московский почтовый ящик, то второе требовалось доставить адресату лично и передать кое-что на словах.

— Саша (так звали пассию полковника) бомбардирует меня письмами, — разъярил Коробченко, — хочу, мол, к тебе на фронт, и все тут, А мне это, сам понимаешь, не с руки — война, какая тут любовь. Так что вот тебе боевая задача: отговори ее от этой идеи, лейтенант, напугай, в конце концов. В общем, — закончил инструктаж бравый полковник, — чтоб духу ее тут не было: мне лишняя головная боль ни к чему.

Дементьев понимал, причем понимал больше, чем сказал ему Коробченко. В сложной иерархической армейской системе, сильно напоминавшей феодальную лестницу со всеми ее обязанностями и привилегиями, существовал целый свод неписанных правил. Вызови начарт на фронт законную жену или заведи шашни с какой-нибудь связисткой или медсестрой, ему бы и слова никто не сказал — как-никак, полковник. Но вызывать из тыла любовницу — это уже другое дело, по штату не положено. Вот станешь генералом — тогда пожалуйста, тащи к себе в блиндаж хоть киноактрису, хоть солистку балета Большого театра. А пока — знай, сверчок, свой шесток. Вайнштейн знал все эти тонкости и не преминул бы устроить начарту какую-нибудь соответствующую пакость, если бы Саша приехала к Коробченко на фронт.

Однако Павел не счел нужным выказывать полное понимание деликатной ситуации, в которую попал Коробченко, — зачем обижать хорошего человека, к тому же оказавшего ему, Павлу, содействие?

Поблагодарив начарта и пожав руку Забегайлову, Дементьев в то же день отправился на попутных машинах на станцию Жихарево, откуда ходили эшелоны на Москву.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ ВЕСНА

*Ночь коротка,
Спят облака
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука...*
Офицерский вальс (Случайный вальс)

Теплушка. Это уютное слово-понятие не понаслышке знакомо поколениям русских людей века двадцатого — страшного, кровавого века, нещадно корежившего судьбы России и ее народа. Обычный грузовой железнодорожный вагон, переоборудованный для перевозки людей: двухъярусные нары с настеленной на них соломой или лапником, вещмешки в качестве подушек, всепогодные шинели в роли одеял. Посередине вагона постоянно горела печь-буржуйка, деловито пожиравшая заботливо припасенные дрова и уголь, и воины, ненадолго вырвавшиеся из смертной круговерти боев, обретали в теплушках призрачное подобие дома, который нужен каждому человеку, будь он даже завзятый бродяга перекаати-поле. Впереди всех их ждала неизвестность — долгая ли, краткая ли, — но в теплушках не думали о будущем, наслаждаясь спокойным настоящим и безмятежным сном-отдыхом под мерный перестук колес.

В первых числа марта в такой вот офицерской теплушке, прицепленной к поезду с ранеными, лейтенант Дементьев ехал в Москву. И все бы хорошо, если бы не одна «мелочь»: Павла мучил голод. Трехдневный паек, полученный в части, он благополучно истребил еще на станции, ожидая оказию, а в его продовольственном аттестате писарь при оформлении сделал исправление. Из-за этой помарки бдительные тыловые снабженцы сочли аттестат поддельным, и лейтенант нигде не мог получить продукты. В теплушку офицера-фронтовика пустили, но попутчики отнюдь не собирались его кормить, а пары сухариков, заблудившихся в вещмешке Дементьева, было явно недостаточно для пропитания молодого здорового парня в течение нескольких суток. А тут еще ехавшие в теплушке штабные офицеры, державшиеся особняком, извлекли из своих походных чемоданчиков деликатесы — белый хлеб, рыбные консервы, американскую тушенку, настоящий индийский чай, — и Павел понял: надо что-то делать, пока его кишки не завязались морским узлом.

Один раз его выручила симпатичная медсестра из вагона с ранеными, снабдившая

оголодавшего лейтенанта котелком каши, но Дементьеву было совестно обедать раненых, и он не стал обращаться к ней снова. Однако живот возмущенно урчал, требуя пищи, и Павел приуныл.

Его выручил всемогущий случай.

На очередном полустанке он познакомился с моряками-балтийцами из соседнего вагона. Узнав, что лейтенант едет с Ленинградского фронта, они радушно пригласили его к себе. «Морские души» были изрядно навеселе и первым делом поднесли Дементьеву полную кружку спирта. Пригубив скверно пахнущее пойло, Павел ловко переключился на закуску — к счастью, гостеприимные морячки пребывали уже в таком градусе, что маленькая хитрость лейтенанта осталась незамеченной. Наевшись, он безмятежно уснул.

Поутру Павел обнаружил, что банкет продолжается. «И как они умудрились запасти столько водки?» — недоумевал он, глядя на красные лица матросов. В ходе застолья моряки живописали свои подвиги на море и на суше, и весьма позитивно восприняли рассказ Дементьева о его бое с немецкими танками. «Да он свой парень! — заплетающимся языком произнес один из балтийцев. — По такому случаю нальем ему еще!». Душевный контакт был налажен, и в конце концов моряки решили «поделиться с артиллерией» и открыли Павлу страшную «военную тайну» — рассказали об источнике спиртного изобилия. Оказалось, что к эшелону был прицеплен товарный вагон, в котором стоит цистерна из-под спирта-сырца. Она считалась пустой, но пытливый морской ум не принял эту информацию на веру. Опыт показал, что если опустить в горловину котелок на веревке, то при определенной сноровке можно начерпать ведро спирта, плескавшегося на дне емкости. Сноровки у моряков хватало, они обеспечили себя выпивкой до самой Москвы, и в приступе пьяного добродушия решили облагодетельствовать Павла.

Вернувшись в свою теплушку, Дементьев здраво рассудил, что флотская закуска — оно, конечно, неплохо, но моряки будут кормить Павла только под спирт, чего ему совсем не хотелось. С другой стороны, балтийцы уже затарились спиртом под завязку, и потому им не будет большого убытку, если лейтенант тоже навестит их Клондайк. И Павел, посвятив в свой замысел соседа по нарам, тоже лейтенанта и тоже артиллериста, под покровом ночи пошел вместе с ним на дело.

Всю промысловую снасть — ведра, котелок, веревку, — добытчики припасли заранее, пломбу на дверях вагона сорвали «первопроходцы», и два лейтенанта прошмыгнули внутрь. К ржавому боку цистерны была прислонена лесенка в аккурат напротив горловины — черпай, не хочу. Правда, Дементьев впервые пожалел, что у него нет противогаза, выброшенного еще осенью, в лесу подо Мгой, — от едких спиртовых испарений кружилась голова. Стойко преодолевая трудности, лейтенанты начерпали два ведра вонючей жидкости и с величайшей осторожностью доставили «продукт» в офицерскую теплушку.

Продовольственный вопрос был решен — стол сервировали по принципу общака, «что есть в печи, все на стол мечи», и Павел с чувством исполненного долга наелся от пуза. Одно ведро пассажиры теплушки разлили по фляжкам, а второе поставили посередине вагона для свободного черпания. Офицерский вагон гудел сутки — оставшееся до Москвы время прошло незаметно.

* * *

Москва встретила Павла суровостью прифронтового города: противотанковые «ежи» на перекрестках и патрули на улицах, пустевших с наступлением комендантского часа. Врага отбросили от столицы, но война продолжалась, и немецкие самолеты появлялись порой в небе Москвы — воздушные тревоги в марте сорок второго были обычным явлением.

Прямо с вокзала Павел направился к своей сестре Моте, жившей в Москве. Увидев брата, Мотя всплеснула руками, прослезилась и захлопотала вокруг него. От нее он узнал, что мать, к счастью, успела выехать из Ленинграда в родную рязанскую деревню до начала блокады. У Дементьева отлегло от сердца: он знал, что творилось в городе на Неве лютой

зимой сорок первого — сорок второго годов. Подаренную Павлом фляжку со спиртом сестра в тот же день обменяла на хлеб, хозяйственно рассудив, что хлеб — полезнее.

Наскоро приведя себя в порядок, лейтенант отправился в Управление артиллерии. Мотя опасалась, что Павла тут же пошлют на фронт, но ее опасения оказались напрасными. В кадрах Дементьева принял штабной майор, исполненный сознания собственного величия. Взяв документы Павла, майор скользнул по ним скучающим взглядом, выдал Дементьеву талоны на питание в столовой штаба артиллерии, повелел зайти через два дня и захлопнул окошечко-«амбразуру». «Вот же сволочь, — подумал лейтенант. — В окопы такого и калачом не заманишь, а после войны будет бить себя в грудь: мы пахали!».

Однако нет худа без добра: получив неожиданно-негаданно двухдневный отпуск, Павел мог без помех выполнить поручения своих бывших начальников. Опустив в почтовый ящик письма женам Деркача и Коробченко, он поехал на трамвае к сударушке начарта, рвавшейся на фронт к другу сердечному, благо ее адрес был указан на конверте.

Саша оказалась миловидной черноглазой и черноволосой женщиной лет двадцати пяти, приветливо встретившей почтальона. «А у Коробченко губа не дура, — подумал Павел, — какую кралою отхватил, черт пузатый». Узнав, от кого прибыл лейтенант, она обрадовалась, но заметно погрузтелла, прочитав письмо. Отгустив, Саша организовала чай с вареньем и даже украсила стол бутылкой вина, припасенной, по всей видимости, для особых случаев.

Поначалу оба чувствовали себя неловко, но вскоре смущение прошло, и Дементьев приступил к выполнению «боевой задачи», возложенной на него начартом. Павел размяк в довоенном уюте тихой московской квартиры; свет изящной люстры рождал на стенах теплые тени, и вся обстановка беседы принадлежала другому миру — миру, где не было войны, не было грязи, вони, трупного смрада, где не вздрагивала земля от далеких и близких разрывов, и где рядом с ним, на расстоянии протянутой руки, сидела молодая красивая женщина — не девушка-сверстница, а взрослая женщина, изведавшая любовь. Ее присутствие волновало и пьянило больше, чем выпитое вино, горячило кровь, и лейтенант говорил, говорил, говорил, удивляясь собственному красноречию.

Памятуя инструкцию отца-командира — «Напугать!», — Павел нещадно сгущал краски. Он рассказывал о страшных боях под Ленинградом, в которых ежедневно гибнут тысячи людей, о тучах немецких бомбардировщиков, о граде бомб и снарядов, падавшем на головы бойцов, о ливне пуль, выкашивающих траву и оставляющих деревья без листьев и сучьев. Он рассказывал о невероятном героизме полковника Коробченко, без сна и отдыха водящего солдат в атаку и чуть ли не голыми руками сворачивающего в рукопашной башни немецким танкам. Не забывал он и себя, и по его рассказу выходило, что немцы до сих пор не взяли Ленинград только лишь потому, что отважный лейтенант Дементьев — под командованием не менее отважного полковника Коробченко, разумеется, — со своей батареей не дал им этого сделать. И получалось, что в этот ад крошечный Саше ехать совсем не с руки, тем более что ее возлюбленный не имеет ни минуты свободного времени и не сможет уделить ей должного внимания.

Саша слушала его внимательно, ахала, прикрывая рот ладошкой, и по ее испуганным глазам Павел понял, что задание командования выполнено более чем успешно. Однако она не забывала и обязанности хозяйки — Дементьев с замиранием сердца следил за движениями ее белых рук, пододвигавших к нему вазочку с вареньем или наливавших чай в опустевшую чашку, и не мог оторвать взгляд от Сашиной груди, обтянутой ситцем домашнего платья.

— Жаль, — сказала она, выслушав все ужасы, — я собиралась поехать к нему на фронт. Мы ведь с ним старые друзья, и давно не виделись. Но раз там сейчас так страшно, подожду, пока не станет поспокойнее. Спасибо вам, Павел.

За разговором Дементьев и не заметил, что уже стемнело, а это значило, что наступил комендантский час. Извинившись, он начал торопливо собираться, но Саша воспротивилась:

— Куда же вы пойдете? Вас заберут в комендатуру — нужны вам эти неприятности? Переночуете здесь, у меня две комнаты, я постелю вам на диване. И не возражайте!

Сердце Павла сдвоило удары и зачастило. Он для виду отнекивался, хотя знал, что уже не уйдет отсюда даже под угрозой расстрела на месте. Саша постелила ему постель и ушла в другую комнату, оставив дверь приоткрытой, «чтобы можно было разговаривать».

Павел слышал шуршание платья, когда она раздевалась, представил себе, как ткань покидает ее соблазнительное тело, и от этой картины у него закружилась голова. Теперь он примерно догадывался, что чувствует грешник на раскаленной сковородке: простыня жгла, и одеяло душило. Его била нервная дрожь; сквозь гулкий шум крови в ушах он слышал, как Саша что-то ему говорит, но не мог разобрать ни слова и отвечал невпопад.

Свет в комнате хозяйки погас, однако дверь так и осталась приоткрытой, и до Павла наконец-то дошло, что незапертая дверь — это недвусмысленное приглашение к любви. Но он не знал, что ему делать, и с чего начать — ведь тема взаимоотношений мужчины и женщины считалась аморально-запретной и в школе, и в училище. В конце концов он все-таки сумел невнятно пробормотать что-то вроде «идите ко мне, вдвоем будет теплее». «Нет, лучше вы идите ко мне» — ответила Саша и тихо засмеялась.

Павел поднялся с дивана, словно в атаку, под пули — ощущение было очень похожим. Паркет под его босыми ногами казался ему тонким льдом; лейтенант натыкался на мебель и на стены, и считанные метры до двери в Сашину комнату обернулись километрами. Он шел на Сашин голос как путник, увидевший в бесприютной ночи огонек ожидавшего его жилья, и когда дошел, его встретили мягкие и теплые женские руки, взметнувшиеся ему навстречу.

Он тонул в кольце этих ласковых рук, падал в жаркую пропасть и наслаждался этим падением. Растеряно и неумело шарил он по Сашиному телу, путаясь в ее ночной рубашке; уши его горели от стыда за свою беспомощность перед великим таинством природы, и Павел был рад, что в темноте этого не видно. По его скованности Саша догадалась, что перед ней мальчик, но не засмеялась, а бережно и осторожно помогла ему, словно мать, помогающая ребенку сделать первый и такой трудный шаг. И нежная ночь марта тысяча девятьсот сорок второго года укрыла их своим черным крылом...

Утром Саша проводила Дементьева по-доброму. Она ни словом не обмолвилась о том, что произошло между ними, и приглашала заходить еще, но Павел никогда больше не переступал порог этого дома, хотя ему очень хотелось снова видеть Сашу, целовать ее губы и обнимать ее податливое тело. Павел стыдился своей юношеской растерянности в постели — ему казалось, что он опростоволосился и невольно обманул женщину, ожидавшую увидеть в нем настоящего опытного мужчину, знающего толк в любви.

* * *

Через два дня Дементьев дисциплинированно явился в Управление артиллерии, где все тот же майор-кадровик брюзгливо объявил ему, что вакантных должностей командиров батарей в настоящее время нет, и что лейтенанту Дементьеву надлежит отправиться в резерв артиллерии, расположенный под Москвой, и там терпеливо ждать решения своей судьбы.

Павел покинул отдел кадров в расстроенных чувствах. «Придется идти к полковнику Гамову, — размышлял он, — не зря ведь Коробченко назвал его фамилию и советовал просить у него помощи, если припрет. Но для начала неплохо бы узнать, кто он такой, этот Гамов, и чего от него ждать».

Разговорившись с таким же, как и он сам, молодым лейтенантом, тоже добивавшимся направления в часть, Павел выяснил, что Гамов — местный артиллерийский бог, от которого зависит все. «Только он нами, лейтенантами, и не занимается, — добавил собеседник Павла, сопроводив это откровение тяжелым вздохом, — у него генералы сидят в приемной и дрожат, как солдаты-первогодки перед старшиной. А резерв — это тихий ужас, если туда попадешь — пиши пропало, офицеры стараются оттуда выбраться всеми способами, в любую часть и на любую должность. Я торчу там уже второй месяц и знаю, о чем говорю».

Переважив эту информацию, Павел понял, что без помощи Гамова ему не обойтись. Оставалось только попасть к этой очень важной персоне, и задача эта не выглядела простой

и легкой — найденная в дебрях Управления приемная «артиллерийского бога» напоминала укрепрайон, обороняемый по всем правилам военного искусства. В здании ГАУ царила не слишком понятная фронтовику сосредоточенная суэта, мелькали офицеры в высоких чинах, и Дементьев почувствовал себя мелкой букашкой, до которой никому нет никакого дела.

Невеселые думы Дементьева были прерваны появлением лощеного лейтенанта, вынырнувшего из той самой приемной. Франтоватый офицер зацепил взглядом Павла, и вдруг лицо его расплылось в радостной улыбке. «Привет, старшина! — радостно воскликнул он. — Какими судьбами?». Оказалось, что когда Дементьев перешел на второй курс ЛАУ и носил старшинские нашивки, этот лейтенант был первокурсником, и строгий старшина как-то раз влил ему, проштрафившемуся курсанту, пару нарядов вне очереди, чем оставил в душе нынешнего штабного офицера неизгладимый след. К счастью, бывший «штрафник» не сохранил недобрых эмоций по отношению к бывшему старшине — именно к счастью, потому что ныне этот щеголеватый лейтенант был адъютантом того самого Гамова, на которого Дементьев возлагал все свои надежды. Павел коротко поведал лейтенанту о своих бедах, упомянув имя Коробченко, и офицер, обнадеживающе кивнув, — мол, не горюй, все утрясем, — помчался с докладом к своему грозному шефу. А Павел скромно присел на свободный стул в приемной, ощущая на себе недоуменные взгляды генералов, ждущих вызова в кабинет, — что это за лейтенантик такой, желающий попасть к самому Гамову?

Недоумение старших офицеров достигло апогея, когда обитая кожей дверь кабинета «артиллерийского бога» распахнулась, и адъютант торжественно произнес:

— Лейтенанта Дементьева просит зайти полковник Гамов!

«Артиллерийский бог» оказался здоровенным мужиком с огромными ручищами и колючим глазами. Беседу он начал с расспросов о службе, о боях и, конечно, о Коробченко, о котором Гамов говорил с видимой теплотой. После того, как Дементьев высоко отозвался о гамовском ученике (не слишком покрывив при этом душой), разговор стал доверительным, и полковник спросил без обиняков:

— Чем я могу тебе помочь? Хочешь стать адъютантом начальника штаба артиллерии Красной Армии генерала Самсонова?

Такого Павел не ожидал.

— Разрешите подумать, товарищ полковник?

— Подумай, — усмехнулся Гамов, — часок. А пока сходи-ка к начальнику оперативного отдела штаба артиллерии, он тебя введет в курс дела.

Начоперот в звании полковника вежливо, но въедливо расспрашивал Дементьева, особо поинтересовавшись его познаниями в топографии. Однако прелестями службы при штабе генерала Самсонове не соблазнял, подчеркнув, что соглашаться или нет — это дело добровольное, и что давить на лейтенанта-фронтовика никто не собирается. Павел вздохнул с облегчением — он уже принял решение проситься на фронт, в действующую армию.

Бывший однокашник, узнав, от какого предложения отказался Дементьев, покрутил пальцем у виска, но Гамов, похоже, решение Павла в душе одобрил.

— Вот что, Дементьев, — сказал он, постучав костяшками пальцев по массивному столу, — даю тебе месяц отпуска. Отдохни, погуляй по Москве, а я тем временем подберу для тебя должность. А сейчас позови ко мне майора, у которого ты получал талоны на питание.

Услышав, что его вызывает Гамов, вальяжный майор переменился в лице.

— А о чем вы с ним говорили? — заикаясь, спросил он, проворно выбравшись из своего «дзота». — По какому вопросу он меня вызывает, а?

— Да так, — ответил Павел, пожав плечами, — о разном говорили. Рассказал я ему, как дважды обращался к вам, — добавил Дементьев, наблюдая за выражением лица майора.

Кадровик сник, словно проколотый воздушный шарик, вопросов больше не задавал и понуро побрел за Дементьевым в приемную «артиллерийского бога». В кабинете кадровик преданно «поедал глазами» начальство и приказание «Лейтенант Дементьев находится в распоряжении Управления кадров артиллерии Красной Армии сроком на пятьдесят дней,

выдать ему предписание и обеспечить питанием на этот срок» выполнил с невероятной быстротой. Наблюдая за суетливыми движениями майора, Павел лишний раз убедился в правильности своего решения вернуться на фронт, подальше от всей этой тыловой шушеры.

* * *

Две недели Павел отсыпался, отъедался, гулял по Москве, ходил в театры и кино. Но потом не вытерпел — пошел к Гамову, не дождавшись конца отпуска. Он не мог поступить иначе — шла война, гремел сочащийся кровью тысячекилометровый фронт, а он, русский офицер, околачивался в тылу, пока другие прикрывали собой страну.

«Артиллерийский бог» удивился, но принял Павла по-деловому, и тут же предложил ему должность командира батареи в первом танковом корпусе генерала Катукова.¹

— Корпус формируется здесь, в Москве, — пояснил полковник. — В его состав входит мотострелковая бригада, где ты и будешь служить. Времена меняются, Дементьев, — скоро будут у нас и танковые корпуса, и даже танковые армии. И тогда мы, — Гамов сжал огромный кулак, — покажем фрицам, где раки зимуют. Езжай, лейтенант, — служи Родине.

И вечером того же дня лейтенант Дементьев прибыл в военный городок Спасских казарм, в распоряжение своей новой части.

Начиналась новая глава.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. КОМБАТ

*Комбат-батяня, батяня-комбат,
Ты сердце не прятал за спины ребят...
«Комбат»*

Война катилась по стране.

Зверь, пришедший с заката, рвал железными когтями тело России. Он полз, попирая бронированным брюхом стонущую твердь и оставляя за собой только мертвый пепел. И выходили навстречу Зверю молодые русичи, гася кровью своей пламя, выхлестнутое из его смрадной утробы. И падали двадцатилетние витязи земли русской, и умирали, стискивая родную землю холодеющими ладонями, так и не обнявшими свою первую женщину. И выла-бушевала над городами и селами России белая метель похоронок, заматывая сединой волосы

¹ Катуков Михаил Ефимович родился 5 (17) сентября 1900 года в селе Большое Уварово Московской области. Русский. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917. В армии с 1919. Участник гражданской войны на Южном фронте. В 1922 окончил Могилевские пехотные курсы, в 1927 — курсы «Выстрел», в 1935 — КУКС при Военной академии механизации и моторизации РККА. Служил в танковых войсках. С 1940 — командир 20-й танковой дивизии.

Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 в должности командира 20-й танковой дивизии. С сентября 1941 — командир 4-й (1-й гвардейской) танковой бригады, прославившейся при обороне Москвы на Волоколамском шоссе. В 1942 — командир 1-го танкового корпуса, отличившегося под Воронежем, с сентября 1942 — командир 3-го механизированного корпуса. С января 1943 командовал 1-й танковой армией (с апреля 1944 — 1-й гвардейской), которая участвовала в Курской битве, освобождении Украины, Львовско-Сандомирской операции. В дальнейшем части армии отличились в Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях.

За успешное руководство воинскими соединениями и проявленные при этом личное мужество и героизм генерал-полковнику танковых войск Катукову 23 сентября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 6 апреля 1945 года он был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

После войны командовал армией, бронетанковыми и механизированными войсками Группы советских войск в Германии. С 1955 — генерал-инспектор Главной инспекции МО СССР.

Умер 8 июня 1976 года. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

жен, терявших мужей; и вырастали дети, не помнившие, — а то и вовсе не видевшие, — своих отцов.

И капли русской крови впитывались в землю и, просачиваясь в глубь ее, размягчали каменные кости земли и омывали голубое лезвие Меча, спавшего тысячелетним сном под тяжким саваном гранита. И мертвый ведун-Хранитель, сжимая костями ладони рукоять Меча, безмолвно вопрошал Вечность: «Не пришел ли час Последней Битвы? Ответь, заклинаю!».

Но молчала Вечность...

...Летом тысяча девятьсот сорок второго года дивизии Третьего Рейха, оправившись от зимних неудач и собрав силы, ринулись в южные степи, к Волге и Дону.

Зверь зализал раны и поднялся — война снова покатилась на восток.

* * *

Колонна «студебеккеров» шла по степному проселку. Трехосные «короли дорог», как называли солдаты эти мощные грузовики, трудолюбиво одолевали ухабы, волоча за собой семидесятишестимиллиметровые орудия «ЗИС-3», покачивавшие в такт неровностям дороги своими длинными змееголовыми стволами. Четыреста шестьдесят первый отдельный артиллерийский дивизион первой мотострелковой бригады 1-го танкового корпуса генерала Катукова выдвигался на боевые позиции.

Лейтенант Дементьев стоял на подножке, держась за приоткрытую дверь кабины, и с тревогой поглядывал в небо, раскаленное июньским солнцем. Над степью мутным пологом висело знойное колышущееся марево, растворившее горизонт, и из-под этого занавеса в любой момент могли выскочить самолеты-крестоносцы — немецкая авиация господствовала в воздухе. И еще — Павел испытывал очень странное чувство: ему казалось, что эту степь с ее пологими холмами и увалами он уже видел, видел, и не только видел. Он — или не совсем он? — сражался в этих степях, неся на лихом коне, и свист пыльного ветра в ушах скрадывал злой посвист вражьих стрел. И была сеча, и падали наземь кони и люди, и капала горячая кровь с узкого голубого лезвия...

«Перегрелся, — Павел вытер потный лоб тыльной стороной ладони. — Никогда я не был в этих местах — никогда! Родная деревенька Захаровка да Ленинград — вот и вся моя география. На таком солнцепеке свихнуться немудрено...».

Самолеты не появились — на этот раз обошлось, — и к вечеру дивизион занял оборону у деревни Жерновка, где уже окопались мотострелки. Второй батарее Дементьева достался центр, слева расположилась первая батарея лейтенанта Вилли Хацкевича, справа — третья батарея старшего лейтенанта Василия Власенко. Жара спала, равнина просматривалась далеко — все было тихо. «Ночь пройдет спокойно, — подумал Павел, — все начнется утром». И не ошибся.

Утром он еще раз проверил свою батарею, привычно — уже привычно, фронтовой опыт вошел в плоть и кровь молодого офицера, прикинул ориентиры — командиры орудий записывали данные мелом на щитах своих пушек, и доложил комдиву о готовности второй батареи к бою. Потом он вдруг заметил на стволе орудия божью коровку — оранжевый с черными пятнышками жучок неспешно полз по нагретому солнцем металлу, и глубоко плевать ему было на все дела мира людей, несмотря на то, что этот полыхающий мир мог мимоходом сжечь крошечную божью коровку, не обратив на нее ровным счетом никакого внимания.

«Будет... Будет... Будет...» — ритмично повторяло сердце.

А потом степь зашевелилась.

Павел поднял к глазам бинокль и обомлел.

...На него катилась лавина всадников — Дементьев различал скуластые лица, узкие глаза, рты, раззявленные в воющем крике. Над войлочными шапками конников молниями взблескивали изогнутые клинки, маленькие косматые лошадки подымали тучу пыли; кое-где

среди конной орды темными глыбами ползли кибитки, слегка покачиваясь с боку на бок...

Лейтенант оторвался от бинокля, потряс головой и протер глаза. «Или я схожу с ума, или... Да что же это за места-то такие?». Но когда он снова приник к окулярам, то уже не увидел дикой степной конницы — на них тремя цепями шла немецкая пехота; перед ней позли, по-утиному переваливаясь и кивая орудийными стволами, десятка полтора танков.

И не мог понять комбат-два Павел Дементьев, что за видение промелькнуло перед ним: на миг выпавшие откуда-то из безвременья призраки давно истлевших степных воинов, веками налетавших на Русь, мираж или просто самая обычная галлюцинация, рожденная обостренным сознанием человека, в очередной раз стоявшего на грани бытия и небытия? Или же это было что-то такое, о чем простой крестьянский сын Павел не имел ни малейшего представления? Но размышлять над ирреальным ему было уже некогда — воздух над древней степью застонал и завыл, раздираемый в лоскуты летящей сталью, начиненной тротилом.

Немецкая пехота шла в полный рост, спокойно и самоуверенно. Цепи выдерживали равнение; в бинокль было видны закатанные по локоть рукава мундиров, стволы прижатых к животам автоматов, из которых выпархивали желтые светлячки пламени, и даже сигареты в зубах солдат.

— Хорошо идут, сволочи... — негромко произнес кто-то из батарейцев.

«Да, — подумал Павел, — почти как в фильме «Чапаев», который мы, ленинградские мальчишки, смотрели десятки раз».

Передний край взорвался огнем. Стреляло все: винтовки, пулеметы, батальонные «сорокапятки», противотанковые ружья и минометы. Артиллеристы по приказу начальника штаба дивизиона Мироненко разделили цели: на долю батареи Дементьева выпала дуэль с шестиорудийной немецкой батареей, выкатившейся на холмы из-за спин атакующей пехоты.

— Паша, не осрамись, — прозвучал в трубке голос Мироненко. — На тебя вся Россия смотрит!

Вообще-то по правилам стрельбы сначала полагается пристреляться одним орудием, взять цель в «вилку», а уж потом вести огонь на поражение всей батареей. Но сейчас вопрос стоял «Кто кого?»: немецкие пушкарники не хлопали ушами, а в бинокль лейтенант рассмотрел, что вражеская батарея состоит из новых длинноствольных орудий «РаК40» — опасный противник. Павел уже наловчился бить на поражение всей батареей без пристрелки, и чутье подсказывало: если промедлишь, то...

На занятой немцами высотке вспушли четыре разрыва — первый же залп лег в цель. Снаряды летели, опережая секунды, и бой был выигран «всухую»: немцам удалось откатить за бугор всего одно орудие.

...А потом лейтенант Дементьев потерял счет времени и ощущение реальности всего происходящего. Он стрелял по черным крестатым танкам, пропалывал шрапнелью немецкую пехоту, уже кое-где дорвавшуюся до рукопашной, гасил огрызавшиеся немецкие пушки и не заметил, как наступил вечер.

Они выстояли — в этот день Зверь не продвинулся на восток ни на шаг.

* * *

Бои шли одиннадцать дней. Села Огрызково, Бобраки и Новая Жизнь переходили из рук в руки, пока от них не остались только обгорелые бревна, сиротливо торчавшие среди курящихся дымом воронок. С обеих сторон била артиллерия, и волна за волной налетали немецкие самолеты, сбрасывавшие вперемежку с бомбами продырявленные железные бочки, издававшие при падении истошный вой.

События этих дней слились для Павла в пеструю ленту кинохроники, из которой в память врезались лишь отдельные яркие кадры, словно выхваченные ножницами.

Он помнил, как они разнесли немецкую полевую кухню — в сорок втором немцы еще воевали по расписанию, педантично делая перерыв на обед. Вот в один из таких перерывов

батарея лейтенанта Дементьева и накрыла полевую кухню, укрывшуюся в ложине, отследив ее по цепочкам солдат с котелками. Шрапнельный десерт пришелся немцам явно не по вкусу — они шустро побежали из оврага, живо напомнив Павлу ошалевших клопов, которых они с матерью травили однажды в своей ленинградской коммуналке.

Он помнил, как они подавили немецкую батарею, замаскировавшуюся за домами полуразрушенной деревеньки. Дементьев засек ее в стереотрубу по голубоватым дымным кольцам, взлетавшим над стволами укрытых оружий, и щедро нашпиговал цель фугасными снарядами. Потек черный дым, полыхнуло желтое пламя, а затем из-за домов вынеслись кони, запряженные в артиллерийский передок. Следующий снаряд угодил прямо в упряжку, гулко громынуло, и высоко в небо взлетела лошадиная нога, дергавшаяся и сгибавшаяся в коленном суставе, словно оторванная ножка кузнечика или лапка паучка-косиножки.

И он помнил, как сосредоточенно работали его солдаты: именно работали — так, как они привыкли работать в поле или в заводском цеху. Они делали свою воинскую работу когда молча, когда с матерком или солеными шутками, но без напыщенных лишних слов, кидая в казенники унитары словно дрова в печь, в которой горело пламя войны. И умирали они тоже молча, оседаая на землю и пачкая станины орудий кровью из вен, рассеченных осколками чужого железа.

А на двенадцатый день выяснилось, что бригада дерется в полуокружении: корпус Катукова и соседний 16-й танковый корпус генерала Павелкина понесли во встречных боях большие потери и под нажимом противника отходили на восток. И первая мотострелковая бригада была оставлена прикрывать отход с приказом продержаться хотя бы сутки — то есть брошена на съедение, чтобы дать танкистам возможность отойти и отдышаться.

Под вечер батарея Дементьева осталась без пехотного прикрытия, и теперь уже молодому командиру, которому не исполнилось еще и двадцати одного, самому пришлось применить на практике жестокое арифметическое правило войны: потерять целое хуже, чем часть целого.

— Приказываю: орудиям один, два, три немедленно сняться и занять позицию южнее Жерновки. Командиру четвертого орудия сержанту Пампейну и наводчику Богатыреву — оставаться на месте и прикрыть отход батареи!

— Есть!

— Продержитесь полчаса, ребята, — добавил Павел, глядя на черные от копоти и грязи лица батарейцев, — и тоже отходите. Мы будем вас ждать на новой огневой позиции — там, за деревней.

— Есть, командир, — ответил сержант. — Сделаем...

Днем прошел дождь, глинистые бока увалов и дорога раскисли. Машины с пушками на прицепе шли медленно — от увязания их спасали только цепи на колесах. Проскочив Жерновку и установив орудия, Дементьев глянул на часы: прошло уже пятьдесят минут, а четвертое орудие так и не показывалось. Следуя суровой логике войны, комбат мог бы уже спокойно списать эту пушку в безвозвратные потери — за холмами гремело, — но он почему-то не смог так поступить. Вместо этого лейтенант, передав командование батареей своему заместителю, посадил в «ЗИС-5» десяток бойцов и отправился обратно — туда, где остались его бойцы.

На полдороге на них коршуном свалился «мессер». К счастью, летчик промахнулся — пропахал огнем обочину, свечой взмыл вверх и исчез в небе. А через пару километров они увидели машину, по оси застрявшую в луже, и отцепленную от нее и приведенную в боевое положение пушку — ту самую, четвертую. Возле орудия стоял наводчик Богатырев с двумя противотанковыми гранатами в руках, а весь остальной расчет, матерясь и меся сапогами грязь, тщетно пытался вытащить свою безнадежно увязнувшую пушку.

— Цепляйте орудие к тягачу! — крикнул Павел солдатам, а сам, оглядевшись, побежал к невысокому холму-кургану, возвышавшемуся метрах в ста от дороги. Немцы были где-то рядом, он это чувствовал, и появившись они в пределах прямой видимости, его артиллеристов они прихлопнут играючи.

Вершину кургана сабельным шрамом рассекал глубокий окоп; вокруг валялись каски, противогазы, винтовки. А в окопе лежали трупы наших солдат, которых при отступлении не успели похоронить, — в воздухе плыл приторный запах разлагающейся человеческой плоти. В глаза Дементьеву бросился крест, выложенный из стреляных гильз, вдавленных в мягкую земляную стенку окопа. «Бог спас» — припомнились лейтенанту слова ездового Тимофеева. «Наверно, кто-то из них, — подумал Дементьев, глядя на лица солдат — на черепа, обтянутые мертвой почерневшей кожей, — выложил этот крест, почуяв смертный час, и шептал молитвы костенеющими губами. Тоже надеялся, что бог его спасет — да, видно, не спас... Хотя, может быть, он и выжил — ранен был и вывезен в тыл, или отошел со своими. Но я об этом никогда не узнаю...».

С трудом оторвавшись от зрелища открытой братской могилы, Павел посмотрел в степь и вздрогнул: на высотку шли немецкие танки — до них было километра два, не больше, — за ними маячили автоматчики.

До своих машин Павел добежал с рекордной скоростью. Второй «ЗИС» уже выволок из грязи застрявшую машину, и расчет уже прицепил к ней многострадальное орудие.

— Гони! — заорал Дементьев, вскакивая на подножку. — Жми давай!

Лейтенант уже слышал рычание танковых моторов, и холодили спину чужие глаза, глядящие через прицел.

— Танки за холмом! Погоняй свои лошадиные силы, пока из нас тут мелкий винегрет не сделали!

«Как там говорил Суворов? Глазомер, быстрота, натиск и... нахальство».

Из-под колес летели фонтаны грязи, веером ложась по обочинам. Павел оглянулся — второй грузовик несся следом, подпрыгивая на ухабах, и прицепленное к нему орудие при этом всякий раз кивало стволом, словно одобряя — мол, правильно, не дрейфь, проскочим.

Петляя по лощинам, обе машины проскочили под самым носом у выползавших на дорогу немецких танков. Бог не выдал, свинья не съела — несколько снарядов, выпущенных вдогонку «ЗИСам», разорвались далеко позади.

— А ты человек, командир, — негромко сказал Богатырев, стирая пилоткой ошметки грязи, испятнавшие его лицо, — не бросил нас. Я уже думал — придется подрываться...

* * *

В начале войны в Красной Армии не было штрафных батальонов — они появились позже, в сорок втором, после выхода знаменитого приказа «номер 227». А до того солдат и офицеров, осужденных военным трибуналом за различные проступки и преступления и не приговоренных к расстрелу, просто направляли в обычные воинские части «под надзор» и «для искупления вины», причем офицеров, как правило, разжаловали до рядовых. Именно из таких людей и был составлен расчет четвертого орудия второй батареи — расчет, который в дивизионе называли «бандитским».

В этом расчете собрались разные люди с разными судьбами. Наводчик Богатырев, сухощавый мужчина лет тридцати пяти, прибыл сюда в черной куртке танкиста со следами сорванных трех «кубарей» — знаков различия политука. На вопрос Павла — как, мол, дошел ты до жизни такой? — он поначалу ответил «долгая история, командир», но потом рассказал. Богатырев служил в танковой дивизии комиссаром батальона и встретил войну 22 июня сорок первого года на западной границе. Дивизия отступала, неся огромные потери, и когда от нее остались рожки да ножки, дивизию расформировали. Уцелевших солдат и сержантов раскидали по другим частям, а офицеров направили в резерв в город Горький, где они ждали отправки на фронт. Ждали неделю, две недели, месяц — тишина. Денег поднакопилось, и Богатырев с приятелем — разумеется, тайком от начальства, — махнули в Москву кутнуть. Кутнули они славно, но тем временем нежданно-негаданно стряслась проверка. Отсутствие доблестных гусар в части было немедленно обнаружено, и по возвращении в Горький оба попали под трибунал. Не мудрствуя лукаво, трибунал влил

каждому по десять лет тюрьмы — по году за каждый день гулянки — с заменой отсидки «искуплением вины на фронте».

Командир расчета Михаил Пампейн родился в Прибалтике и мечтал стать моряком, но судьба привела его в танковые войска. Там его приметил комиссар танковой бригады и взял к себе ординарцем. Бригада отступала, теряя людей и технику, и в итоге комиссар струсил и приказал Михаилу отстрелить ему палец, чтобы попасть в госпиталь. И Пампейн выполнил приказ: взял карабин и выстрелил. В госпитале факт «самострела» установили — дознание, трибунал, приговор. Комиссар получил свое, а заодно пострадал и Михаил — за соучастие.

Остальные бойцы расчета были самыми настоящими уголовниками. Когда началась война, все они подали заявления в ЦИК с просьбой направить их на фронт. Лидерами этой блатной компании являлись воры Коваленко и Волошин — матерые мужики, битые и мытые во всех щелоках и достигшие веса в блатной иерархии. Дементьев не понимал, что заставило их пойти на фронт: конечно, лагерь — не сахар, но и фронт тоже не рай земной. На прямой вопрос комбата Коваленко сначала ответил так: «А я немецкого языка не знаю — как я буду работать по специальности, если немец возьмет верх?», а потом посерьезнел и сказал, кивнув на запад: «Оттуда ползет такое, что всем нам будет полный атас, будь ты хоть ученый, хоть рабочий, хоть вор. А я этого не хочу, командир».

А Волошин высказался еще прямее: «Ради нашего верховного пахана и его кодлы я бы и с нар не слез, но за нашу землю крови не пожалею — не буду лагерную шамовку жрать, пока ее другие обороняют». Сказал — и в упор посмотрел на Дементьева своими черными пронзительными глазами, понимая, что за такие слова можно попасть под расстрел. Однако Павел не стал никому передавать слова уркагана — он и сам, несмотря на свой невеликий жизненный опыт, видел: не все так славно в России. А на смертной черте фронта слова и дела человеческие имеют совсем другой вес и смысл, нежели в мирной жизни, и если тот, кто стоит с тобой рядом под огнем, тебе доверяет, это дорого стоит. К тому же лейтенант уважал Волошина за его неподдельную отвагу: Волошин сам попросился в разведку и действовал там дерзко и умело. Волошин был общителен, и от него Павел узнал многое о лагерной жизни — из того, о чем не писали в газетах. В колонии «за хорошее поведение» Волошин был расконвоирован и обслуживал семьи «врагов народа» — приносил воду и дрова семье Тухачевского, видел его жену Нину Евгеньевну и красавицу-дочь Светлану. «Зайду я к ним, — рассказывал Волошин, — а она сидит перед зеркалом и волосы расчесывает. Они у нее длинные были, шелковистые, как у русалки. Нет, не понимаю я — ну, расстреляли самого маршала, а баб-то его за что мытарить? Не по-людски это».

Дементьев не любил, когда его четвертый расчет называли «бандитским»: он видел, что все эти люди воевали честно: лучше многих «идейных», умевших красиво говорить правильные слова о любви к «социалистической Родине». И лейтенант оставил этот расчет прикрывать отход батареи не потому, что ему не жаль было пожертвовать «бандитами», а потому что знал — расчет выполнит приказ и не побежит. Так оно и вышло — артиллеристы «четверки» огнем заставили немецких автоматчиков залечь в двухстах метрах от орудия, а затем, воспользовавшись передышкой, быстро прицепили пушку к тягачу и отошли. А вернулся он за ними потому, что не мог бросить своих воинов, выполнивших свой долг.

ГЛАВА ПЯТАЯ. В СТЕПЯХ ПРИДОНЬЯ

*Тихий Дон... Казачие станицы,
Срезанный откос береговой
Шелестят истории страницы,
Пахнут дымом и степной травой...
Тяжесть кольчуги ложится на плечи,
Вьется змеей половецкий аркан,
Крылья сложил и прицелился кречет,
Плещется боль окровавленных ран
Испить шеломам воды из Дона,*

*О край степи копьё переломить,
Князь-Игоря полки идут изгоном
Течет неспешно летописей нить
Тихий Дон... Лихие атаманы
Горячат нагайкою коней,
Янычаров блещут ятаганы,
Гул орудий чаще и плотней...
Гролом пицалей камыши потревожен,
Пенят волну боевые челны,
Сабли забыли убежища ножен,
Кубки янтарною влагой полны
Мятежны духом сыны России,
На каждый век приходится смутьян
Горячей кровью плаху оросили
Кондрат Булавин, Стенька, Емельян
Тихий Дон... Стучится век двадцатый,
Лихолетий полоса и смут
Рвут шрапнели курени и хаты,
Пули сеют и клинками жнут...
Сотня из яра выходит наметом,
Кони теряют своих седоков,
Плаваются в злобе стволы пулеметов
Новые записи в книгу веков
От тех пожарищ чадят уголья,
И тянет дымом выжженных жилищ,
И ноет сердце застарелой болью:
Кто прав тогда был, кто остался нищ?*

Речка Сухая Верейка своему названию не соответствовала: ее поросшие камышом берега были заболочены. Когда-то здесь в изобилии водилась всякая водоплавающая птица и прочая живность, но война спугнула птиц с насиженных мест — они улетели, предоставив людям играть на берегах Сухой Верейки в смертельную игру под названием «война». И люди играли, перекатывая по болоту полторатонные орудия, перебрасываемые с одного танкоопасного направления на другое.

Дементьев навидался всякого, но июльские бои на Дону запомнились ему как самые ожесточенные за все четыре года войны. Армейская группа «Вейхс» упорно рвалась к Дону, стремясь переправиться на его левый берег, а противостоявшие ей советские войска не только оборонялись, но и пытались перейти в контрнаступление. В результате все свелось к взаимному перемалыванию сил: противники схлестывались, усеивая степь трупами солдат и остовами сгоревших танков, отходили, получали пополнение и снова сходились. Катуков, мастер танковых засад, наносил наступающим немцам серьезные потери, но появлялись «Ю-87» — «лаптежники», как их называли за обтекатели неубирающихся шасси, — и сравнивали счет. Немецкая авиация буквально ходила по головам, стаи «мессершмиттов» и «юнкерсов» непрерывно висели в воздухе и сводили на нет любой успех наших танкистов, а «сталинские соколы» появлялись в небе редко и в небольшом числе. Катуков теребил всех, кого мог, требуя прикрытие с воздуха, однако его 1-й танковый корпус не получал больше десятка истребителей, которых никак не хватало для надежного «зонтика».

И обильно лилась в донских степях русская кровь...

* * *

Над полем стлался дым — там горели шесть немецких танков, но из-за холмов ползли и ползли новые, и мелькали за танками горбатые от заплечных ранцев фигуры немецких автоматчиков.

На переправе через Сухую Верейку мотострелковая бригада 1-го корпуса Катукова угодила под массированный авианалет и понесла большие потери, а танки попали на мины — правый берег реки представлял собой сплошное минное поле. Немцев потеснить удалось, но они быстро оправились и контратаковали, стараясь загнать русских в реку. Подтянувшийся артдивизион с ходу вступил в бой: немцев надо было сдержать до подхода танков второго эшелона.

Немцы шли и шли. Горели земля и небо, густые облака пыли, поднятой разрывами снарядов и мин, заволакивали все вокруг. Батарея Дементьева стреляла, не считая снарядов — их щедро подкидывали артиллеристам танкисты, чьи машины вышли из строя, не успев расстрелять запасные боекомплекты. Пространство и время, перевитые грохотом орудий и лязгом стали, слились перед глазами Павла в сплошную огненную карусель. Временами ему казалось — все, конец, раскаленные докрасна стволы пушек вот-вот начнут разваливаться на куски, а его усталые батарейцы, едва успевавшие в короткие минуты затишья запить ржавый сухарь глотком теплой воды из фляги, без сил лягут на землю. И поэтому он даже не сразу поверил своим ушам, услышав позади огневой позиции батареи рычание танковых моторов.

«Наши, — с облегчением подумал лейтенант. — Наши! Ну, гады, теперь держитесь!».

Однако радость была преждевременной — не успели подоспевшие танки развернуться в боевой порядок, как откуда-то с визгом понеслись немецкие снаряды. Вспыхнула одна «тридцатьчетверка», другая, третья — танковая атака захлебывалась. «Откуда они бьют? — лихорадочно соображал комбат, шаря биноклем по затянутому дымом полю. — Где, где притаились эти противотанковые «змеи»? Ни лесочка, ни кусточка — голая степь кругом. Но ведь бьют, сволочи, да еще как метко...».

Он попытался связаться с выдвинутым вперед наблюдательным пунктом батареи — может, они что-нибудь видят? — но полевой телефон молчал: как всегда, связь оборвалась в самый неподходящий момент.

— Селиванов! — крикнул он, найдя глазами сержанта-связиста.

— Есть, товарищ лейтенант!

— Дуй на эн-пэ, проверь линию. Связь, сержант, связь! Видишь, что творится? — он показал на горящие танки. — Давай связь!

Связист, пригибаясь и поминутно принакая к земле, бросился выполнять приказание и пропал. Минуты тянулись, летели немецкие снаряды, загорелся четвертый танк, а связи все не было. Наконец Селиванов вернулся и, пряча бегаящие глаза, доложил, что заблудился и не смог добраться до наблюдательного пункта.

И тут Павел не выдержал — прорвалось многочасовое напряжение. Он развернулся, молча врзал Селиванову в ухо и выдохнул яростно:

— Иди снова! И если не будет связи, лучше не возвращайся!

Сержант исчез, будто сдутый ветром, а у огневой позиции батареи резко затормозил, лязгнув траками, легкий танк «Т-60».

— Браток, — прохрипел высунувшийся из люка капитан-танкист, — сделай что-нибудь! Комбриг по радио орет «Наступайте!», а как? Горим, как шкварки! Заткни ты эту батарею, Христом-богом прошу!

«Где бы я сам поставил орудия? — прикидывал Павел, снова и снова вглядываясь в степь. — А вон там, возле вон тех бугорков, похожих на бородавки. Танки попали под огонь в ложине, а оттуда она видна как на ладони». И вдруг он отчетливо ощутил себя немецким офицером в мышинного цвета мундире, стоящим возле своих орудий там, между холмов-прыщей, и подающим лающие команды своим артиллеристам. Теперь комбат не сомневался: вражеская батарея именно там, где он и предполагал.

И уже через пару минут, внимательно присмотревшись, лейтенант увидел между этих проклятых бугорков приземистый силуэт немецкой противотанковой пушки, сливавшийся с выгоревшей степью.

— По батарее, фугасным, буссоль... уровень... прицел... трубка... веер параллельный, батарея, залпом, один снаряд, огонь!

Они проутюжили бугры беглым огнем так, что там не осталось ничего живого. Во всяком случае, немецкая батарея заткнулась и больше не подавала признаков жизни.

А через несколько дней, во время краткого перерыва между боями, к Павлу подошел Богатырев и сказал негромко, отозвав Дементьева в сторонку:

— Дело у меня к тебе, командир. Вот, почитай, — с этими словами наводчик протянул комбату небольшой листок помятой бумаги.

Бумажный клочок оказался докладной запиской на имя старшего лейтенанта Рябкова, офицера фронтовой контрразведки, подписанной «Черным». И в записке сообщалось, что командир второй батареи 461-го артиллерийского дивизиона лейтенант Павел Дементьев применяет рукоприкладство по отношению к своим солдатам, что является недопустимым для советского офицера.

— Откуда это у тебя? Кто этот «Черный»? Знакомый почерк...

— Селиванов. Он вчера ровик копал для телефонного аппарата; я подошел, попросил закурить. А он мне и говорит: «Возьми в моей шинели, там у меня кисет, вон она, шинель». Я полез в карман за кисетом, а оттуда и выпали это сочинение. Так что остерегись, комбат. Сам знаешь, как у нас судьбы ломают: был человек — и нет его.

Это Павел знал, как знал и то, что особисты не столько ловят немецких шпионов, сколько выискивают крамолу среди своих. И вот этого он понять не мог. Дементьев считал, что если хочешь проверить человека, то дай ему винтовку, посади в окоп и посмотри, как он будет себя вести, когда на него пойдут танки. А дознаваться, что мать рядового Иванова в империалистическую войну была медсестрой, выхаживала в госпитале раненых офицеров, ставших потом белогвардейцами, и тем самым обвиноватила перед Советской властью весь свой род до седьмого колена — это бред. И поэтому Павел предпочитал не пересекаться с особистами: у него своя работа, у них — своя. Однако на сей раз он пошел к Рябкову и отдал ему «сочинение», коротко пояснив, как было дело, и предоставив контрразведчику самому разбираться со своим незадачливым «сотрудником».

Внешне Дементьев своего отношения к Селиванову не изменил, но про себя решил, что пристрелит его на месте, если тот еще хоть раз не выполнит боевой приказ. И связист это словно почувствовал, и старался не попадаться комбату на глаза.

* * *

Перерывы между боями были коротки, но все-таки они были. Мотострелки отдыхали в селах Каменка, Большая Верейка, Муравьевка, Озерки — отсыпались, мылись, брились, стирали белье. К постирушкам подключались местные женщины; они приносили нехитрую домашнюю снедь, и тогда батарея напоминала цыганский табор.

И была шальная любовь — девушки дарили ее батареяцам, истосковавшимся по женской ласке. Бархатными ночами брачным ложем невенчанных свадеб служила душистая степная трава, и пели соловьи, и светила луна, и шептали девичьи губы горячее «Люблю...». Но стояла в изголовье бледная тень, и щерил в ухмылке гнилые зубы, и поигрывала смертной косой. Знал воин, что завтра любая из тысяч пуль, свистевших над донскими степями, может найти его сердце; и знала девушка, что черная капля бомбы, выпавшая из брюха железной птицы с крестами на крыльях, не сегодня-завтра может проломить крышу хаты и похоронить под горящими обломками стен женщину, созданную любить и продолжать жизнь. И знание это разбавляло терпкой горечью сладость поцелуев.

Поутру уходили воины навстречу Зверю, а через положенный срок в селах, которые они сумели защитить и сберечь, рождались дети. И матери умудрялись поднять и вырастить этих детей — и в лихую военную годину, и в послевоенное голодное время. И подрастали сыновья, и перерастали своих отцов, навек оставшихся двадцатилетними.

А Павел заметил странную вещь: никто из его бойцов, жарким летом сорок второго года испивших в этих местах любовный напиток, не пережил года сорок третьего. Неужто чуяло женское сердце-вещун, над кем из солдат уже нависла тень смерти, и подсказывало

степным ворожеям, кому подарить любовь, чтобы не переломилась малая веточка могучего дерева русского рода-племени, а продолжилась, выбросив новый побег? И лейтенант всерьез порадовался, что колдовская эта любовь обошла его стороной.

* * *

У села Чуриково артдивизион попал под жесточайшую бомбежку, и была она самой страшной из всех пережитых Павлом и до, и после. Походная колонна грузовиков и танков 89-й бригады переправилась через реку и шла на подмогу наступающим частям корпуса, когда небо над ней подернулось черной сыпью немецких самолетов. Их было не меньше полусотни, и десяток тридцатисемимиллиметровых зениток не мог остановить эту армаду.

Самолеты пикировали почти вертикально, с душераздирающим воем включенных сирен — «труб Иерихона», — и шасси «юнкерсов» напоминали хищные когти, готовые рвать людей на части. Танки расползались в разные стороны, солдаты горохом сыпались из машин, ища хоть какого-нибудь укрытия. «Поганое это дело — попасть под бомбежку в голой степи, — припомнились Дементьеву слова Мироненко, начальника штаба дивизиона. — Торчишь, как вошь на блюде, и ждешь, пока тебя сверху не прижмут к ногтю».

Бомбы падали. Земля стонала и содрогалась, словно беспощадно избиваемое живое существо. Памятуя старое правило «в одно и то же место снаряд дважды не попадает», Павел и комиссар батареи Александр Федоров укрылись в свежей воронке, еще истекавшей дымом, и время от времени высовывались оттуда посмотреть: кончилась вся эта свистопляска или еще нет? И прямо на глазах у комбата бомба попала в танк, тщетно пытавшийся спрятать от крестатых воющих коршунов свое бронированное, но такое уязвимое для воздушного врага тело.

Танк лопнул, как яйцо под ударом молотка, и взорвался. Из дымно-огненного клубка, вспухшего на месте машины, вылетел каток и взвился высоко в небо, словно фантастический летательный аппарат. Достигнув верхней точки своей траектории, каток замедлился, а затем со свистом устремился вниз. И Павел вдруг отчетливо увидел направление его падения — слабо светящуюся нить-дорожку, еще не проложенный воздушный туннель, упирившийся в воронку, где прятались они с политруком. И не только в воронку, а именно в тот ее склон, на котором они лежали. И лейтенант — почти неосознанно, подчиняясь внутреннему импульсу, — схватил Федорова за плечо, перебросился вместе с ним к противоположному краю воронки и прижался к горячей земле, еще выдыхавшей жар недавнего взрыва.

В следующую секунду каток врезался туда, где они только что лежали, и вонзился в землю почти целиком, словно марсианский цилиндр из книги английского писателя Уэллса, которую Павел читал, учась в школе.

— Повезло нам с тобой, Паша, — политрук вымученно улыбнулся, стряхивая песок с гимнастерки. — А ведь чуть не отдали богу душу...

— Раз повезло, — отозвался Павел, поправляя фуражку, — значит, еще повоюем, Саша.

Тем временем налет кончился, офицеры вылезли из воронки, и Дементьев увидел, что очень многим повезло куда меньше — по всему полю, разматывая шлейфы черного дыма, горели танки и автомашины, и лежали среди бомбовых воронок изувеченные трупы наших солдат. А неподалеку, прислонившись к перевернутой взрывом зенитке, сидел на земле раненый командир зенитного дивизиона, плакал и ругался черными словами от злости и бессилия...

Дивизион понес большие потери — первая батарея потеряла два орудия, разбитых прямыми попаданиями, погиб комбат-один Хацкевич, досталось и третьей батарее Власенко. Второй батарее повезло — были раненые, но погиб только один человек: наводчик Богатырев, всего лишь один день не доживший до «искупления вины перед Родиной» и получения звания младшего лейтенанта, присвоенного ему по ходатайству Дементьева «за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками». Погибших

похоронили в братской могиле; туда же бережно опустили голову Богатырева — это было все, что от него осталось.

* * *

Заминка у села Чуриково и понесенные там потери привели к тому, что наступление корпуса сначала замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Немцы подтянули свежие силы и перешли в контрнаступление, тесня мотострелковую бригаду к Сухой Верейке.

Павел потерял счет отбитым атакам, подожженным танкам и выкошенным цепям автоматчиков. Батарея то и дело меняла огневые позиции, расчеты изнемогали от жары и усталости, а немцы все лезли и лезли. Даже без бинокля Павел отчетливо видел их пьяные лица и перекошенные рты — перед атакой солдаты вермахта до ноздрей накачивались шнапсом. В окопах мотострелков то и дело вспыхивали ожесточенные рукопашные схватки, в которых шло в ход все, вплоть до ножей и зубов. Рабы Зверя были хорошими воинами, они умели драться, и победа над ними давалась нелегко.

Бригада медленно отступала. Отступала, цепляясь за каждую ложбинку, за каждый бугорок, но все-таки отступала, выгибаясь под железным натиском завоевателей, — у любой силы сопротивления есть свой предел. А перед нашим передним краем, за холмами, уже сжимался бронированный кулак — немцы готовили решающий удар, который должен был стать последним.

Цепи наступавших немцев в очередной раз залегли. Дементьев с наблюдательного пункта прикинул расстояние, разделявшее залегших немецких автоматчиков и его батарею, и понял, что надо снова переносить огневую — между артиллеристами и пехотой противника нашей пехоты уже не было, а дивизионное орудие «ЗИС-3» — не самый лучший инструмент для рукопашной.

И тут сзади к высотке, на которой располагался наблюдательный пункт, подлетели грузовики с рядами наклонных рельсов, установленных вместо кузова. И Дементьев узнал в них «РС» — «катюши», о которых он много слышал, но еще ни разу не видел «живьем», в действии. «Катюши» быстро, четко и слаженно развернулись и всем дивизионом дали залп по холмам, где стягивались, готовясь к сокрушительной атаке, немецкие танки и пехота.

Около сотни огненных стрел с ноющим ревом сорвались с направляющих и вонзились в холмы. Над холмами встала стена разрывов, слившаяся в сплошное бурое облако. Облако росло, набухало, и вдруг приняло очертания громадного зверя — дракона, вставшего на дыбы. Дракон выгибал шею, разевал пасть и, наверно, рычал, но его рычания не было слышно из-за непрерывного грохота рвущихся реактивных мин. Огненные стрелы вонзались и вонзались в грудь Зверя, вонзались одна за другой, били и рвали его, и дракон не выдержал — дрогнул и расползся, вновь превратившись в бесформенное коричневое облако, поджариваемое снизу высокими языками пламени.

А затем лейтенант услышал слитный гул десятков танковых двигателей — шли наши танки. Катюков внимательно следил за ходом сражения, сумел переломить битву внезапным ударом «РС» и теперь ввел в действие свой танковый резерв, развивая успех.

Противник отступил так поспешно, что его отступление скорее напоминало бегство. А Дементьев побывал там, куда пришелся удар «катюш», и не мог сдержать мстительной радости при виде спекшейся почерневшей земли, усеянной скелетами сгоревших немецких танков и обугленными трупами не наших — теперь уже не наших — солдат. «Это вам сдача за Чуриково, — думал лейтенант, осматривая следы побоища. — Эх, вот всегда бы так...».

Он еще не знал, что в скором будущем у него самого будут в руках огненные стрелы «РС», и что он сам будет метать их в грудь Коричневому Дракону, приползшему на русскую землю, — метать до тех пор, пока этот кровавый Зверь не сдохнет в своем собственном логове.

* * *

В августе сорок второго года войска Воронежского фронта, еще толком не умевшие наступать и наносить танковые удары кулаком, а не растопыренными пальцами, перешли к обороне. Выдохлись и остановились и немцы: лучшие силы вермахта были брошены на юг — на Сталинград. Потрепанный корпус Катукова был выведен в резерв Ставки, а лейтенант Дементьев за бои в Придонье получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги» — и звание старшего лейтенанта. Вообще-то, как чуть виновато сообщил ему Мироненко, его представляли к ордену Красной Звезды, но где-то кто-то что-то перепутал. К путанице этой Павел отнесся философски — не впервой.

— Война, я так думаю, не скоро кончится, — сказал он начальнику штаба, — так что орден я еще заработаю, и не один. — И, чуть подумав, добавил: — Если, конечно, жив буду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. КОРПУС ЗАДАЧУ ВЫПОЛНИЛ

В заколдованных болотах там кикиморы живут

В. Высоцкий

Гать-жердянка дышала под ногами и прогибалась под колесами пушек и грузовиков как живая спина неведомого зверя огромных размеров. Фонтанчики болотной воды били из щелей между бревнами, вымачивая полы шинелей проливным дождем, только льющимся не сверху, а снизу. По обеим сторонам дороги тянулись леса — густые, непролазные. «В таких вот лесах, — думал Дементьев, — испокон веку гнездились лешие: угукали, пугая путников, заигрывали с кикиморами болотными и переселялись на страницы сказок Пушкина. И не всякий человек отваживался войти в такой лес ночной порой...».

Для кикимор места эти и в самом деле были походящими — деревья уходили ногами корней в мшистое болото, расчерченное многочисленными ручейками и речушками; воздух был пропитан влажной моросью, каплями оседавшей на холодном металле оружия. Проехать по мокрой лесной дороге на простой телеге — уже проблема, а протащить по ней танк или тягач с пушкой на прицепе — почти неразрешимая задача. Но именно «почти» — в дремучих лесах под Калинином звонко стучали топоры, и вытягивались десятки километров гатей, по которым шла тяжелая техника. Шла по ночам — леших с кикиморами не опасались (в конце концов, наша нечисть, родимая, русская), а вот с господством в воздухе немецкой авиации приходилось считаться. Узкие гати запросто могли стать многокилометровыми кладбищами для наших войск, застигни их здесь среди бела дня воздушный налет.

Солдаты рубили деревья с веселой побранкой и прибауткой «Мужика греет не шуба, а топор!». И не только солдаты — в «ударном лесоповале» участвовали и офицеры, словно в аврале на боевом корабле. И техника шла, одолевая километр за километром; шла по ночам, при тусклом свете синих фонариков, укрываясь днем в лесных массивах; шла со скоростью пешехода, но все-таки шла, упорно пробиваясь в район сосредоточения.

Первый танковый корпус Катукова был преобразован в третий механизированный корпус. В его состав вошли дополнительные части, усилившие ударную мощь соединения в несколько раз, а 1-я мотострелковая бригада, дополненная танковым полком, именовалась теперь 1-й механизированной бригадой. Вопрос о реорганизации корпуса решался в Ставке, а затем Сталин вызвал к себе Катукова на дачу на Можайском шоссе. И там Катуков, хоть и воспитанный, как и подавляющее большинство советских людей, в духе абсолютной веры в непогрешимость Сталина — «великий вождь ошибаться не может», — сумел отстоять свою точку зрения. Сталин хвалил «неуязвимые» тяжелые танки «КВ», но Катуков, знавший не только достоинства, но и все недостатки этих машин, отстаивал «Т-34» и все-таки не взял в свое новое соединение бригаду «КВ». Генерал нашел довод, убедивший вождя: «в лесах под Калинином сплошные болота, там им трудно будет маневрировать». Немногие осмеливались возражать вождю, и после этого авторитет Катукова, и до того пользовавшегося уважением

воевавших под его началом, заметно вырос: «солдатское радио» работало исправно. Кроме того, именно Катукову удалось добиться получения наград для отличившихся в боях воинов не через Президиум Верховного Совета, а на местах, по решению командиров соединений, сразу после боя. Дорога ложка к обеду — орден, полученный среди еще дымящихся воронок, по горячим следам, ценен вдвойне.

Генералы, как правило, не ходят в атаку, но именно от них зависит, успешной будет эта атака или нет, и сколько жизней она заберет. Тезис «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», усвоенный Дементьевым за годы обучения в артиллерийской спецшколе и в училище, изрядно поблек в глазах Павла, видевшего бои первого года войны и хоронившего товарищей, которые могли остаться в живых, если бы бой был проведен по-другому. Потускнел и красочный образ героических командиров времен гражданской: будучи под Ленинградом, Дементьев слышал, как там покомандовал Ворошилов, а с Буденным даже встретился — правда, издалека (что, впрочем, не сильно его огорчило).

Весной сорок второго, в Москве, Буденный приехал в Спасские казармы, где стояла формирующаяся мотострелковая бригада, куда попал лейтенант Дементьев. Маршал прибыл в сопровождении целой свиты в расположенную по соседству кавалерийскую часть (он был инспектором этого рода войск), и что-то вызвало его неистовый начальственный гнев. Такой матерщины Павел не слышал отродясь — конфузливо отворачивались даже сопровождавшие Буденного, а кто-то из артиллеристов произнес иронически: «Если бы немцев можно было разогнать матюгами, мы бы завтра выиграли войну».

Однако умения виртуозно ругаться матом было явно недостаточно для победы — для этого нужны были другие таланты. А талантов этих отчаянно не хватало — дорого стоили армии «чистки» конца тридцатых. Об этом говорили в военной среде — изредка, с оглядкой и вполголоса, но говорили: комбаты, поспешно продвинутые в комдивы, не справлялись со своими обязанностями, и их неумение оплачивалось русской кровью. И прошло немало времени, прежде чем война провела свой жестокий естественный отбор, безжалостно отсеяв непригодных.

Но даже опытные боевые командиры, проверенные войной, не кланявшиеся пулям и спокойно смотревшие на прущие на них бронированные стада немецких танков, не могли избавиться от страха попасть под скорую расправу, когда никто не будет слушать никаких оправданий. Страх перед начальством давил на всех, сверху донизу, и генералы, которым было что терять, испытывали больший страх, чем командиры взводов, поднимавшие своих солдат в атаку. И потому поступок Катукова, не побоявшегося возразить самому Сталину, в глазах солдат и офицеров стоил нескольких выигранных сражений.

Третий механизированный корпус шел по болотам — Ставка замыслила провести на Калининском фронте наступательную операцию, чтобы сковать резервы вермахта и не дать немцам перебросить их под Сталинград.

* * *

Вторая военная зима была не такой суровой, как предыдущая, но голод давал о себе знать. Фронтовой пайки не хватало, и солдаты изыскивали «подножный корм». Вокруг было множество рек, а в полутора километрах от места расположения артдивизиона протекала матушка-Волга, в которой водилась рыба. Удочек и сетей у батарейцев не имелось, зато были гранаты, причем в изобилии. И солдаты вовсю браконьерствовали — глушили рыбу для пополнения своего скудного рациона. И ждали приказа о наступлении.

В конце ноября ожиданию пришел конец — наступление началось.

Батарея старшего лейтенанта Дементьева сразу втянулась в затяжные бои, то и дело меняя огневые позиции и переноса наблюдательные пункты. Следуя за наступающими танкистами 43-й бригады, батарейцы вышли к селу Богородицкое. Здесь только что кончился бой, и танкисты, оттеснив немцев к реке Лучеса, штурмовали следующую деревеньку. Павел, оглядевшись, решил устроить НП на лесной опушке, откуда хорошо просматривались все

окрестности. К его немалому удивлению, опушка оказалась уже занятой: там стояла батарея наших 122-миллиметровых гаубиц, стволы которых почему-то были развернуты в нашу сторону. Возле орудий горками лежали снаряды, пушки были в полной исправности, однако ни единой живой души не наблюдалось — ни вблизи, ни вдали. Загадка разрешилась, когда один из бойцов нашел на позиции неизвестной батарее ворох бумаг, исписанных угловатым готическим шрифтом, и принес их комбату.

— Ящик там валяется разбитый, — пояснил он. — Я, значит, заглянул — а внутри него эти бумажки нерусские. Это что получается, мы наши орудия у немцев назад отбили? Ну, дела...

Павел удивился, но не слишком. Обе стороны — как немцы, так и русские, — широко использовали трофейное оружие и технику, от автоматов до танков. Дементьев знал, что целые наши артиллерийские полки вооружались трофейными немецкими пушками. Такая часть приезжала на участок, где было много трофейных боеприпасов, выстреливала их по немцам и переезжала на другой участок. В седьмой дивизии «РС» было несколько батарей, сформированных на базе трофейных немецких шестиствольных минометов. Наши солдаты называли их «шакалами», «скрипунами» или «ишаками» за издаваемые ими при стрельбе скрипучие звуки, похожие на крик осла. А в сорок четвертом у прославленного комбрига подполковника Бурды, который сейчас командовал в корпусе Катуква танковым полком, в бригаде имелась целая рота трофейных немецких «пантер», и они успешно воевали против своих «собратьев».

Так что ларчик открывался просто: эти орудия были захвачены немцами давно, возможно, еще в начале войны, и с тех пор служили вермахту. Стремительная атака наших танков вынудила немцев бросить «изменниц» и дать драпа, а гаубицы обрели прежних хозяев.

— Ну, шалавы, больше не блудите, — сказал кто-то из батарейцев и погрозил пальцем отбитым у врага гаубицам. — А то смотрите у меня!

Бои продолжались. На следующий день у села Пустошка Дементьев, намеревавшийся устроить на берегу реки наблюдательный пункт, попал под обстрел тех самых «ишаков». Обстрел был сильнейшим — головы не поднять. Осколки мин рубили воздух, и группа Павла — он сам, несколько разведчиков, ординарец и радист Сиськов — распласталась на холодной земле, завидуя кротам, умеющим проворно в нее зарываться. А когда «ишаки» отревели, и бойцы стали приводить себя в порядок, выяснилось, что сержант Сиськов исчез — бесследно. Сначала предположили, что бедолагу разметало прямым попаданием мины — бывали такие случаи, — но вскоре пропажа обнаружилась: радист со всех ног бежал в тыл, даже не сняв с плеч рацию, и, судя по скорости его бега, он был не только жив-здоров, но и цел-невредим.

Павлу пришлось попотеть, прежде чем он нагнал беглеца — на крики «Стой!» радист не реагировал. И откуда только силы взялись у немолодого уже солдата...

Догнав Сиськова, комбат повалил его на землю. Радист вырывался, пытался бежать дальше, и разум в его остановившихся глазах отсутствовал начисто. Дементьеву пришлось успокоить его сильным ударом в челюсть, а потом приводить очумевшего бойца в чувство пощечинами. Сержант затих, встал на ноги, и взгляд его приобрел более-менее осмысленное выражение. А старший лейтенант вытащил пистолет и пригрозил:

— Если снова побежишь, пристрелю. Так и знай.

Сиськов упал на колени и разрыдался — громко, с надрывом и с какими-то воющими всхлипываниями. В нем как будто что-то надломилось: беспощадное осознание того, что он, человек из плоти и крови, может вдруг перестать быть, и все вокруг — весь этот мир со всеми его цветами, звуками и запахами — исчезнет для него навсегда, смяло и раздавило сержанта. Павел присел на корточки рядом с радистом, по возрасту годившимся ему в отцы, положил ему руку на плечо и сказал негромко:

— Ты думаешь, я не боюсь? — Он вспомнил змею пулеметной очереди, подползавшую к нему на кровавой поляне в лесу подо Мгой, и свой тогдашний страх, сковавший все

тело. — Я тоже боюсь, Сиськов. Все боятся, а что делать? Война, Сиськов, война... Если не мы с тобой воевать будем, то кто? Один побежит, другой, и тогда все пропало. Держись, сержант. Возьми себя в руки — все будет хорошо. Пойдем, Сиськов...

Радист поднялся, помотал головой, словно отгоняя назойливых мух, и, ссутулившись, побрел обратно — туда, откуда он только что бежал сломя голову. Павел шел рядом, смотрел на Сиськова, на его пожухлое лицо, поросшее седой щетиной, и думал, как ему поступить.

На памяти старшего лейтенанта это был второй случай бегства с поля боя — еще в самом первом его бою с немецкими танками побегал лейтенант Речков, разжалованный за это в рядовые и переведенный в телефонисты. Законы войны суровы — комбат имел полное право со спокойной совестью отправить трусившего бойца в штрафбат, и дело с концом. И жесткой властности у Дементьева хватало: он уже списал рядовым в пехоту санинструктора Халилова, отказавшегося выносить раненых, — мол, подождать надо, стреляют шибко. Павел отправил его в батальон под охраной автоматчиков, приказав им пристрелить Халилова, если тот по дороге вздумает бежать. Но комбат видел разницу между Халиловым и Сиськовым: первый уклонялся от выполнения долга и при этом выискивал себе оправдание, а второй просто не выдержал и теперь, похоже, переживал.

И Павел вспомнил, как «воспитывал» трусов командир одного из дивизионов 35-го истребительного противотанкового артиллерийского полка, входившего в состав корпуса Катукова. Воспитательная речь комдива была краткой, но содержательной: «Ты осознаешь? Ладно, на первый раз прощаю, но если повторится, лично тебя расстреляю, тело прикажу бросить в яму, и всему дивизиону прикажу на него нагадить — будешь гнить в дерьме. Все понятно?». А Сиськову не требовалось и этого — хватило и того, что уже сказал ему старший лейтенант. Человек — машина тонкая и сложная, и все эти машины работают по-разному. И потому лучше не стричь всех под одну гребенку, а разбираться с каждым на особицу. Если, конечно, ситуация позволяет.

Ситуация позволяла. В своих разведчиках и в своем ординарце Дементьев был уверен — не будут они докладывать «куда положено» о том, что комбат-два «покрывает паникеров и трусов». А Сиськов... А что Сиськов? На первый раз прощается!

— Послушай, сержант, я скажу ребятам, чтобы они помалкивали. А ты пообещай, что такое с тобой было в первый и последний раз, договорились?

Радист вскинул голову, посмотрел на Павла и судорожно кивнул, словно проглатывая что-то очень горькое. Сержант остался служить на батарее, воевал исправно, но при встрече с комбатом опускал глаза, стыдясь того, что случилось у реки Лучесы.

* * *

Бои декабря сорок второго были тяжелыми — первая мехбригада за неделю потеряла убитыми больше трехсот человек. Перед ними стояла дивизия «Великая Германия» — умелый враг, дравшийся упорно и ожесточенно. Достойного противника настоящие воины уважали во все времена, однако с некоторых пор Павел Дементьев перестал считать этого противника достойным — с тех пор, как он увидел, что творят завоеватели на захваченной русской земле. Конечно, солдаты слышали о зверствах фашистах в сообщениях «Совинформбюро», об этом говорили на политбеседах, да только мудра пословица «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». И Павел видел, причем не однажды.

...Батарея в очередной раз меняла позицию. Грузовики с пушками на прицепе шли колонной по белой заснеженной дороге, кое-где взрытой черными воронками от снарядов. Впереди показалось село, и Павел, сверившись с картой, узнал его название: Софийское. Села как такового не было: сиротливо торчали закопченные печные трубы, поклеванные осколками, дымились кучи обгорелых бревен, оставшихся от домов и сараев. Пахло гарью, и к чаду пожарища примешивался душный запах горелого мяса. «Танк, что ли, сгорел вместе с экипажем? — подумал Дементьев. — Деревню-то брали с боя».

Земля вокруг действительно была изрыта гусеницами, содрванными снег, но подбитых

машин Павел не увидел. Зато он увидел другое — кучу трупов, наваленных на снегу. И трупы эти не были телами погибших солдат.

— Останови! — приказал он водителю, открыл дверцу и выпрыгнул из машины.

Подойдя ближе, Павел остановился, пораженный чудовищной картиной. Перед ним лежали мирные жители — старики, женщины, дети. Их было много — десятка четыре. Тела не принесли сюда хоронить: людей согнали сюда живыми, и здесь же расстреляли — Дементьев видел пулевые дырки на лицах и телах. Ближе всех к старшему лейтенанту лежала навзничь молодая женщина в сбившемся на затылок темном платке, и восковое лицо ее выглядело четырехглазым — два лишних глаза были сделаны пулями, выпущенными, судя по всему, в упор — за полтора года войны комбат видел достаточно трупов и научился сколько-то разбираться в характере ранений. Женщину явно добивали, как добивали и другую женщину, постарше, лежавшую чуть поодаль. Она тоже лежала на спине, и Павел понял, что добивали ее штык-ножом — по животу и груди пожилой селянки словно прошлись громадные злые когти, оставившие глубокие раны с вдавленными в них клочьями одежды, разорванной железом. Остальные убитые лежали кучей, в которой перемешались остекленевшие глаза, оскаленные рты, пряди седых волос, скрюченные руки и согнутые в коленях или широко раскинутые ноги. А более всего запомнился Павлу светловолосый мальчишка лет восьми, в глазах которого отражалось хмурое зимнее небо. Пальтишко у мальчика задралось, открывая светлые теплые штанишки, надетые, наверно, заботливой матерью, оберегавшей сыночка от холодов и не сумевшей уберечь его от смерти — скорее всего, и сама она лежала здесь, среди прочих мертвецов. На левой ноге мальчика остался надетым коричневый ботинок; правая нога была босой, с поджатыми синими пальцами. «Ему холодно» — промелькнуло в сознании Павла нелепая мысль: нелепая, потому что мертвые уже не чувствуют ни холода, ни боли. И еще понял старший лейтенант Дементьев, откуда тянет горелым мясом — шагах в пятидесяти от места расстрела виднелись развалины длинного сарая, облизанные огнем.

Над мертвой деревней висела тишина, нарушаемая только плачущим свистом ветра. В этой тишине комбат услышал хруст снега под ногами и обернулся. Позади него стояли его батареи, смотрели во все глаза, и было в этих глазах такое, что Павел понял: трудно ему будет теперь объяснять своим солдатам, что пленных убивать нельзя.

— Товарищ старший лейтенант, посмотрите...

Дементьев повернулся в другую сторону — туда, куда показывал его ординарец, и только сейчас увидел то, чего не заметил раньше, поглощенный открывшимся ему страшным зрелищем следов казни беззащитных и безоружных.

На открытом пространстве между руинами, в центре злосчастной деревни, стояли люди — живые. Они стояли молча, и поэтому комбат не обратил на них внимания. Это были наши солдаты, окружившие десятка полтора дрожавших от холода — и не только от холода — немцев. А у раскидистой толстой березы, под которой до войны, как заведено в деревнях, собиралась на посиделки молодежь, молодой политрук с каменным лицом сосредоточенно прилаживал на сук веревку с петлей.

Разглядев среди солдат офицера, Дементьев подошел к нему.

— Что здесь произошло, лейтенант?

— Немцы, — односложно ответил тот, разлепив сжатые в нитку губы и угрюмо глядя на Павла прозрачными от ненависти глазами. — Отступали. Сожгли деревню. Всех жителей — в расход. Кого постреляли, кого сожгли. А тут мы. Взяли их, — лейтенант выматерился, словно выплевывая ярость и боль, — на месте преступления. Тепленькими. Ничего, скоро они станут холодненькими. Повесим гадов, всех повесим! — И он снова замысловато выругался.

Павел перевел взгляд на пленных. Они стояли, ничем не напоминая сейчас тех лихих вояк, которые покорили Европу и дошли до Москвы, сметая все на своем пути. Люди — две руки, две ноги, голова. Люди, самые обычные люди, у которых тоже есть где-то жены и дети. Люди, которым очень не хочется умирать, но которым почему-то нравится убивать других

людей — чужих женщин и детей, не способных себя защитить. Эти самые обычные люди переступили грань, отделяющую людей от нелюдей, и лишили себя ореола достойного врага, заслуживающего уважения. Они сами исключили себя из мира людей — точно так же, как сделали это когда-то тевтонские псы-рыцари, подцеплявшие копьями славянских детей и швырявшие их в пламя горящих изб, — и перешли в мир сумрачной нелюди, с которой люди не уживались никогда. «Что же это за сила такая дьявольская погнала этих людей на нас и превратила их в нелюдь? — подумал Дементьев, чувствуя, что дай он волю своим батареям, не понадобится и веревка: его бойцы порвут пленных на части голыми руками. — И сколько еще потребуется пролить русской крови, чтобы смыть эту нечистую силу с нашей земли?».

Казни он не дождался — у него был боевой приказ, и батарею Дементьева ждали там, где люди продолжали сражаться с нелюдь. Павел так и не узнал, повесили немцев или нет. Он только слышал, что начальник политотдела бригады подполковник Игнатев — настоящий комиссар, один из немногих настоящих комиссаров, встретившихся Дементьеву на дорогах войны, человек суровый, но справедливый, — учинил жестокий разнос офицеру, затеявшему публичную казнь, «за фашистские методы обращения с военнопленными», как было сказано в приказе.

Игнатев Павел уважал, но в глубине души считал, что молодой политрук в селе Софийское действовал правильно — так, как подсказывала ему совесть человека и воина.

* * *

Бои на реке Лучеса шли до шестого января 1943 года. Третий механизированный корпус генерал-майора Катукоев понес большие потери — из ста семидесяти танков в строю осталось всего около шестидесяти, — но свою задачу выполнил и был выведен из полосы боев.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

*Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой
«Катюша»*

Военные дороги часто разлучают людей навсегда, но они же, случается, неожиданно-негаданно сводят старых друзей.

Еще в самом начале зимнего наступления, в декабре сорок второго, Павел Дементьев обустроивал наблюдательный пункт своей батареи на высоте 73,4. Хлопот у него было выше головы, он не успел даже позавтракать, и заботливый старшина принес ему целый котелок пшеничной каши с салом, за желтоватый цвет носившей «кодовое название» «блондинка». Комбат с аппетитом принялся за еду, и тут над его головой с воем пронеслись реактивные снаряды, волоча за собой косматые огненные хвосты. «Эрэсы работают, — подумал Павел, провожая глазами рукотворные кометы, — наш четыреста пятый дивизион, больше некому. И они где-то рядом. Пойти посмотреть? Время вроде есть...».

Любопытство молодого командира было понятным. О «катюшах» ходили легенды, однако Дементьев толком ничего не знал об этих установках, хоть и видел однажды их залп и его последствия. Дожевывая на ходу «блондинку», он добрался до позиции эрэсников — она действительно оказалась совсем близко, — и принялся разглядывать чудо военной техники. Вблизи чудо не впечатляло — Павел даже почувствовал разочарование. Обычные грузовики «ЗИС-5», вместо кузова — примитивный рамообразный станок, собранный из металлических полозьев, похожих на дырчатые рельсы, на которые подвешивались снаряды. После сложных артиллерийских систем, с которым Дементьев привык иметь дело,

знаменитая «катюша» показалась ему какой-то кустарной самоделкой, склепанной в кружке «Умелые руки». Но руки и впрямь были умелыми — о гвардейских реактивных минометах говорили с уважением.

Гвардейцы уже отстрелялись и готовились сменить позицию. Павел тоже собрался идти восвояси, как вдруг услышал возглас:

— Начальника штаба капитана Гиленкова к командиру дивизиона!

«Гиленков? Уж не старый ли это мой приятель по школе и училищу? Фамилия-то не очень распространенная» — подумал Дементьев и спросил пробежавшего мимо него офицера:

— А Гиленкова вашего, случайно, не Юрой зовут?

— Кажется, Юрой, — ответил тот на бегу, — но точно не знаю. Сами спросите — он вон там, в штабном «додже».

Встреча старых друзей состоялась у дверей машины — Гиленков буквально вывалился из нее на подошедшего Павла.

— Пашка, Дементьев, вот уж не ожидал! — радостно воскликнул Юрий. — Ты откуда выискался, чертяка?

— Оттуда же, откуда и ты, приятель! — в тон ему ответил Павел.

Друзья крепко обнялись. Они знали друг друга с тридцать восьмого, но с началом войны судьба разбросала их по разным фронтам. И вот, наконец, они встретились здесь, в лесах под Калинином. Выяснилось, что Юрий служил начальником штаба 405-го дивизиона «катюш», входившего в состав того же третьего механизированного корпуса Катуква, что и батарея Дементьева, так что теперь друзья воевали вместе. Однако толком поговорить им не удалось — «катюши» умчались на новую позицию, а Павел вернулся к своим пушкам.

Во время зимнего наступления они почти не встречались — шли бои, и обоим было не до встреч, — но ближе к весне их встречи стали более частыми. Гиленков расписывал мощь своего оружия, хвалил гвардейские порядки, а как-то раз сказал, хитро прищурившись:

— Слушай, Дементьев, а переходи-ка ты к нам. «Катюши» — это, брат, сила, не то что твоя ствольная артиллерия. И звание у тебя подходящее — переходи, я поспособствую.

Звание у Дементьева действительно позволяло ему пойти на повышение: в первой мехбригаде не было злопамятного Вайнштейна, и в марте сорок третьего года Павел стал капитаном. О переходе к эрэсникам он всерьез не думал, но материальную часть «катюш», пользуясь случаем, изучил основательно — пригодится.

Установка оказалась простой, как все гениальное. Пусковой станок не представлял собой страшной военной тайны: рельсы и рельсы, только с дырками для уменьшения веса. Рельсы для пятидюймовых РС монтировали на специальных железных упорах на грузовиках «ЗИС-5», потом на «студебеккерах», для повышения мобильности — немцы рьяно охотились за «катюшами», и поэтому непреложным правилом эрэсников было сменять позицию сразу же после стрельбы, и как можно быстрее.

Пусковые для двенадцатидюймовых РС устанавливали прямо на земле — «наземный» вариант «катюши» солдаты называли «андрюшей». Станки для «андрюш», сваренные из металлических прутьев, кучей перевозили на машине, потом их разгружали на огневой позиции и ставили на землю по двадцать четыре штуки в ряд. Установке придавали нужный угол возвышения, соответствующий дальности и направлению стрельбы. К пиропатрону лежавшего на станке снаряда присоединяли провода от аккумулятора и от прибора управления огнем. По команде офицер крутил замыкатель, и снаряды летели в цель.

Укупорка реактивных мин была не только тарой, в которой перевозят снаряды, но являлась еще и направляющей, по которой двигалась мина: внутри этой тары-направляющей шли прикрепленные к дереву металлические полозья. Нередкими были случаи, когда снаряд цеплялся оперением за край ящика и летел к цели вместе с ним. «Иван, перестань бросаться ящиками, а то мы газы применим!» — угрожали в листовках и по радио немцы, пережившие такую «ящичную» атаку.

405-й минометный дивизион был укомплектован установками «БМ-13-16», что

означало «шестнадцать снарядов 132-мм калибра». Сорокатрехкилограммовый снаряд имел два штифта — спереди и сзади, — которыми он цеплялся к направляющим. На каждый рельс подвешивались по два снаряда: один сверху, другой снизу. Направляющих восемь, снарядов шестнадцать. Арифметика простая, а в итоге восемь машин дивизиона «РС» могли в течение нескольких секунд выпустить сто двадцать восемь мин на дистанцию до восьми с половиной километров.

Снаряд состоял из двух частей: из начиненной порохом реактивной камеры сгорания, в которую ввинчена пиросвеча, и боевой части, снаряженной тротилом и взрывателем. По сути это была простейшая твердотопливная ракета: надежная, как трехлинейная винтовка.

Порох зажигался свечей накаливания от аккумуляторов с пульта управления огнем из кабины машины; замыкание цепей производил командир боевой машины из кабины, при помощи специального маховичка. Один оборот маховичка замыкал одну определенную цепь одной направляющей. Шестнадцать оборотов — залп, который можно было произвести очень быстро, за десять-двенадцать секунд.

Несмотря на внешнюю примитивность, реактивные установки были очень грозным оружием. Немцы, попавшие под первый удар «РС» в июле сорок первого под Оршей, были ошеломлены «русскими многоствольными автоматическими огнеметными пушками» и тут же открыли сезон охоты на «катюшу». Советское командование минировало установки — все командиры «БМ» имели строжайший приказ подорвать свои машины при малейшей угрозе их захвата противником, — однако немцам в ряде случаев удавалось захватить и пусковые, и даже сами реактивные снаряды. Захват машин не дал ничего — чопорные генералы вермахта только брезгливо морщились при виде «варварского русского железа». Секрет «катюши» заключался в ее снаряде, и для разгадки этой тайны были привлечены лучшие немецкие ученые-оружейники. Они многое для себя уяснили, однако «сумрачный германский гений» так и не смог осилить загадку «умелых рук», а тем более создать немецкий аналог «катюши».

Работавшие над захваченными русскими реактивными снарядами немецкие ученые умы никак не могли понять принципа ужасающего огневого воздействия «РС». Почему в зоне поражения горело все, что только могло гореть? Ведь в начинке снарядов «катюши» не было никаких зажигательных компонентов — одни только тротиловые шашки.

И лишь спустя десятилетия после окончания войны тайна пиротехнического эффекта воздействия снарядов гвардейских реактивных минометов была рассекречена. Все дело было в удлинённых тротиловых шашках, которыми начинялись реактивные мины. При подрыве эти шашки разбрасывали тысячи мельчайших раскаленных осколков, поджигая все горючие предметы вокруг эпицентра взрыва.

Что остается в эпицентре почти одновременного взрыва ста тридцати мин, несших шестьсот тридцать килограммов тротила, Павел уже видел. И в будущем ему предстояло не раз увидеть это снова.

* * *

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования от 30 января 1943 года N 46021 Полевое Управление 22-й армии переформируется в Полевое управление 1-й танковой армии.

Командующим 1-й танковой армией назначен гвардии генерал-лейтенант тов. Катухов, членом Военного Совета — генерал-майор тов. Попель, начальником штаба армии — генерал-майор тов. Шалин, заместителем командующего армией генерал-майор тов. Баранович.

«Ну, дело будет» — говорили офицеры дивизиона, ознакомившись с копией приказа. На базе 3-го механизированного корпуса разворачивалась Первая танковая армия. «Будут у нас и танковые корпуса, и танковые армии» — вспомнились Павлу Дементьеву слова Гамова, сказанные год назад. «Артиллерийский бог» знал, что говорил, и не ошибся.

Первая танковая сосредотачивалась в районе Осташкова, готовясь в составе группы войск специального назначения ударить на Лугу, выйти к Псковскому и Чудскому озерам и освободить Новгород.

Готовясь к наступлению, дивизион получал пополнение людьми и техникой. Личный состав батареи Дементьева заметно помолодел — на место выбывших ветеранов приходили молодые солдаты-новобранцы. Павел смотрел на мальчишеские лица, подернутые первым пушком, на цыплячьи шеи, болтавшиеся в воротниках гимнастеров, на оттопыренные уши, и гонял молодняк нещадно, вдавливая в их стриженные «под ноль» головы артиллерийскую и воинскую премудрость. Он уже очень хорошо знал, как легко и просто превращается живой человек в груды гниющей органики, и не хотел, чтобы для этих ребят первый же бой стал последним.

После гибели Богатырева и ранения Пампейна расчетом четвертого орудия батареи командовал Коваленко. Когда распределяли прибывшее пополнение, он удивил Дементьева, сказав:

— Товарищ старший лейтенант, нам новичок ни к чему. Мы справляемся и без одного номера.

Такое заявление не только удивило, но и насторожило Павла — обычно командиры орудий сразу же требовали замену, стоило хоть одному из бойцов расчета выйти из строя. Заподозрив неладное, он в тот же вечер навестил землянку расчета четвертого орудия и застал там банкет в полевых условиях. На импровизированном столе, в роли которого выступал ящик из-под снарядов, было выставлено обильное угощение: колбаса, мясные консервы, хлеб, огурцы и соленая капуста в глиняных мисках и, само собой, водка в количестве явно большем, чем законные фронтовые сто грамм. А вокруг стола на таких же ящиках сидели бойцы четвертого расчета во главе с Коваленко.

Бывший уркаган, нимало не смущаясь, пригласил комбата к столу, налил полкружки водки и пододвинул колбасу, которой Дементьев не видел уже давненько.

— Откуда божьи дары? — спросил Павел, отказавшись от водки и пробуя колбасу. — Манна небесная? Или вам союзники персональный ленд-лиз организовали? У нас на кухне гороховый суп да каша, сдобренная жареным салом, а у вас тут прямо ресторан!

Коваленко тут же выдал витиеватую версию происхождения пищевого изобилия — мол, вымениваем у местного населения, и на складах знакомство завели, трофеи-то все любят. Версия была шита белыми нитками, хотя насчет «друзей с продовольственного склада корпуса» Коваленко не врал — среди интендантов хватало нечистых на руку людишек, а люди Коваленко в ходе зимних боев набили руку на сборе трофеев, среди которых были не только одежда и оружие, но и кое-какие ценности.

— Так, — сказал Дементьев, выслушав «чистосердечное» признание. — За угощение спасибо, братцы-батарейцы, но если я еще раз увижу эту вашу пьянку, о снятии судимости можете не мечтать. А в довесок организую вам, персонально каждому, перевод в штрафбат — исключительно на добровольных началах. Вот там и будет собирать трофеи — на передовой. Ты понимаешь меня, Коваленко?

— Понимаю, — угрюмо ответил бывший зэк. — Больше такого не повторится.

«Откуда берется в человеке желание словчить да проехаться в рай на чужом горбу? — думал Павел, выбравшись из землянки четвертого расчета. — Под огнем — люди как люди, а как стало чуть поспокойней, гниль и полезла. Взялись за старое — наверняка ведь не только меняют, но и подворовывают на складах».

Он не верил обещаниям Коваленко и твердо для себя решил не миндальничать с ним, если уркаган будет продолжать в том же духе. Но Коваленко слово свое сдержал: спасаясь от соблазна (а заодно из любви к риску, которая была у него в крови), бывший вор устроил себе перевод в корпусную разведку. Воевал он там доблестно — по весне, получив за выполнение особого задания в немецком тылу десять суток отпуска, Коваленко заглянул на батарею и похвастался новеньким орденом Красного Знамени. «Вот и ладно, — подумал Павел, слушая рассказы бывшего батарейца о ночных вылазках и взятых «языках», — и волки сыты, и овцы

целы. Воюй, а не воруй — так оно честнее».

* * *

Когда из-за верхушек деревьев выскочила тройка самолетов, шедших на бреющем полете, первой посетившей Павла мыслью было: «В укрытие!». Сработал инстинкт — до сих пор небо принадлежало немцам. Однако самолеты оказались нашим штурмовиками «Ил-2». Артиллеристы проводили их ласковыми взглядами — ну, наконец-то появились, родимые, — а «родимые» вдруг развернулись и ринулись на батарею; на крыльях штурмовиков засверкали вспышки выстрелов.

— Твою мать! — взвыл батарейный старшина. — Ослепли, что ли?

Солдаты прятались по щелям и окопам, посылая летунам проклятья и отборный мат. Лихие штурмовики, урча, пошли на второй заход, но тут кто-то из зенитчиков, охранявших расположенный по соседству штаб бригады, поприветствовал «родимых» длинной очередью из крупнокалиберного ДШК. Подействовало — самолеты прекратили атаку и улетели.

Дементьев, оглядев прошитый пулями тягач, пробитый щит и поврежденную станину одного из орудий, тоже высказался от души. Один из его батарейцев был ранен; хорошо еще, что дело ограничилось только этим. Пока начальство разбиралось и разыскивало виновных, Павлу пригнали новый тягач; пушку подремонтировали, и она продолжала воевать с дыркой в щите — с эдакой своеобразной памяткой о боевом «содружестве» артиллерии и авиации.

История эта, случившаяся на переправе через Лучесу, получила продолжение. Зимой, во время марша из калининских лесов к озеру Селигер, промерзший и усталый дивизион остановился на отдых в деревне, рядом с которой располагался полевой аэродром — видно было, как там взлетали и садились самолеты. Дементьев с комиссаром батареи Федоровым зашли в избу, где уже обосновались летчики. Они радушно встретили гостей, и за чаем, в теплой дружеской обстановке, Павел рассказал о досадном недоразумении у реки Лучесы.

— Погоди-ка, артиллерист, — сказал один из хозяев, доставая из планшета карту. — Где это было, говоришь?

И выяснилось, что в «бандитском» нападении участвовали летчики именно этого авиаполка.

— Молодняк зеленый, — пояснил летчик, — опыту — никакого. Командир звена первый раз повел тройку на боевое задание. Потеряли ориентировку, перепутали свой передний край с немецким, ну и... Разжаловали их, да послали в штрафной батальон.

Дементьев мечтал встретиться с теми, кто расписался на щите его орудия, и сказать им пару «теплых» слов, однако сейчас это желание у него пропало. Ребята дорого заплатили за свою ошибку — война ошибок не прощает.

* * *

Запланированное наступление не состоялось. Подули юго-западные ветры, началась оттепель, перешедшая в очень раннюю весну. Снег таял на глазах, превращаясь в огромные лужи, в которых безнадежно вязли танки и тягачи. Однако сосредоточение массы советских войск на Демянском выступе не осталось незамеченным противником, и немцы постепенно отвели свои части из района Демянска, опасаясь окружения на манер сталинградского.

Конец зимы и весну сорок третьего артиллерийский дивизион пережил без каких-либо потрясений, стоя у реки Ловать, а потом в районе озера Селигер. Началась весна, и Павел, как только выдавалась свободная минута, уходил в лес, бродил там среди деревьев, слушая вечную музыку русской природы, не тронутой войной, а потом возвращался в свою штабную полуторку, ставшую для него домом на колесах. Он чувствовал себя неотъемлемой частью того, что называется коротким словом «Русь», и готов был драться насмерть с кем угодно, чтобы слово это не потеряло вкус и смысл, и не изгладилось из памяти людской. И лесная Русь приветливо встречала своего сына, поила его ледяной родниковой водой и березовым

соком; для него пели птицы, и даже зайцы, менявшие свою белую зимнюю шубку на серую летнюю, смотрели на него без страха. И эти же леса надежно укрывали русских воинов от беспощадных глаз вражеской авиации.

Фронтовая жизнь тем временем шла своим чередом. Удачи, как и неудачи, не приходят поодиночке — получив звание капитана, Павел Дементьев пошел на повышение. Начальник артиллерии корпуса Фролов оценил способности Мироненко и забрал его к себе в штаб, а Дементьев сдал свою вторую батарею старшему лейтенанту Заварзину и принял дела начальника штаба дивизиона.

Повышение радовало, однако Павел опасался, что не сможет сработаться с комдивом, майором Вересовым. Памятую крестьянскую мудрость «Водка до добра не доведет», Павел спиртным не увлекался, тогда как Вересов уделял немало времени дрессировке «зеленого змия», выпивая по поводу и без и со штабными офицерами, и с командирами орудий, и с рядовыми. В конце августа сорок второго, после боев под Воронежем, когда дивизион стоял в Ясной Поляне, майор в компании нескольких офицеров отправился проветриться в Тулу. «Проветривание» закончилось устроенной комдивом грандиозной дракой в каком-то кабаке; прибыл военный патруль, и пировавшим артиллеристам пришлось прорываться с «боем». Дело принимало скверный оборот: если бы о художествах Вересова прознал комендант Тулы полковник Чекмазов, комиссар бригады Игнатьев или сам Катуков, то майор «со товарищи» запросто попали бы под трибунал. К счастью для Вересова, комбриг Мельников, будучи сам немало грешен по части выпивки, замаял дело, и на этот раз комдив вышел из водки сухим.

Но — сколь веревочка не вейся, а кончик отыщется. Весельчак-майор допрыгался: в феврале, когда его дивизион шел сквозь пургу по заснеженным дорогам от Оленино в район Демянского выступа, он влип в очередную историю, которая оказалась той самой каплей, которая переполняет винную бочку. В снежной мути дорогу колонне тягачей преградила какая-то «эмка» — ни объехать, ни свернуть. Вересов, будучи как всегда изрядно навеселе, не стал долго думать и гадать, кто там сидит в «эмке», а приказал бойцам: «Убрать с дороги эту мелюзгу! Пушкарки едут, а она тут под ногами путается!». Легковушка вместе с пассажирами оказалась в кювете, а дивизион бодро двинулся дальше.

А в злосчастной «эмке», как оказалось, ехал полковник Фролов, непосредственный начальник бравого майора. История умалчивает, как начарт корпуса выбрался из кювета, но через месяц он дознался, кто устроил ему снежную ванну. В итоге Вересов был вызван перед его грозные очи, разжалован до капитана и отправлен в другой корпус командовать батареей. Чужой беде, пусть даже заслуженной, не радуются, но все-таки капитан Дементьев вздохнул с облегчением.

* * *

Мирная лесная жизнь кончилась в конце марта. Пришел приказ о передислокации армии — 1-й механизированной бригаде предписывалось следовать к станциям Осташков и Черный Бор и там грузиться в эшелоны. Куда их перебрасывают, не знали не только бойцы, но и командиры — оставалась только гадать да уповать на привычное «там видно будет».

Эшелон миновал Москву и двинулся на юг. Стало заметно теплее, и днем двери теплушек распахивали настежь, впуская пьянящий весенний воздух. На каком-то полустанке эшелон сделал остановку, и Павел, вышедший размяться, увидел на платформах соседнего эшелона знакомые «турусы на колесах», тщательно укрытые брезентом. Оказалось, что этот состав везет к месту назначения 405-й гвардейский дивизион. Пользуясь случаем, Дементьев разыскал Гиленкова и узнал, что тот тоже получил повышение и стал командиром дивизиона «катюш».

— Вместе будем воевать, Паша, — сказал на прощанье Юрий, — станция назначения у нас с тобой одна. А к себе я тебя все-таки перетяну, ты так и знай!

Станция назначения у двух друзей-фронтовиков и в самом деле была одной и той же — миновав Касторную, эшелоны прибыли на железнодорожную станцию «Курск» и, не

задерживаясь, проследовали дальше: на Обоянь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. МАЯТНИК СУДЬБЫ

Тот жалок, кто под молотом судьбы

Поник — испуганный — без боя

Николай Огарев

Земля курская, граница Украина и России... Степи, помнящие еще скифов и прочих многообразных конных кочевников, кормившихся «с копья» и не склонных трудиться даже ради собственного пропитания. Если бы эти степи вдруг заговорили, они много чего могли бы порассказать, но они молчат, бесстрастно взирая на людскую муравьиную суету.

Окруженное бескрайними полями село Вознесеновка, что километрах в шести от шоссе Курск-Обоянь-Белгород-Харьков, угнездилось на берегах малой речушки Курасовки, впадающей в Псел, — устроилось основательно, с размахом, широко раскидав по косогорам длинные ряды ладных домов с неперменными садами и огородами. Дома здесь, на Куршине, в основном глинобитные, саманные, с земляным полом и крытые соломой. Вокруг каждой хаты, гладко побеленной мелом, — плетень, на деревянных кольях которого торчат — нет, не черепа убиенных неприятелей, — мирно сохнувшие глиняные крынки. И народ здесь обитает добротный, основательный, к труду привычный и к гостям приветливый. В одной хате курян говорят по-русски, в соседней — по-украински, в третьей — на суржике, смеси русского и украинского языков. Но все друг друга понимают, и все называют себя русскими. Люди этих мест не докапывались до национальных корней, тянущихся от сотворения мира, не мерялись первородством, и не могли даже помыслить, что шесть десятков лет спустя их внуки начнут выяснять криливо, кто кого угнетал, и кто кого выше, и кто кому чего должен. Ты русский человек, русским укладом-обычаем живущий на земле, издревле именуемой Русью, — о чем тут спорить? Баловство это несурзное...

В этом большом селе и встал на постой артиллерийский дивизион. Места хватило всем: орудия и тягачи замаскировали в садах, стараясь не попортить цветущих яблонь, и на задворках, солдаты и офицеры разместились по хатам, на центральной площади аппетитно задымила полевая кухня. В первые же дни по прибытии капитан Дементьев дотошно облазил все окрестные холмы и овраги, прикидывая, где лучше расставить орудия, и где устроить наблюдательный пункт: тишь да гладь были обманчивы — война продолжалась.

А в степи бушевала весна, сладко пахли травы, прилетевшие грачи садились на гнезда в березовой роще и бродили по вспаханной земле, выискивая корм для своих птенцов. По вечерам в центре села раздавались звуки баяна и начинались танцы — война войной, а весна и молодость брали свое. Вскоре Павел познакомился с местной учительницей Марией и гулял с ней вечерами под звездным небом, слушал курских соловьев и дарил ей полевые цветы. Ему пришлось повоевать за сердце девушки с увивавшемся вокруг нее командиром роты автоматчиков Алексеенко — поле боя осталось за артиллерией, а пехота отошла на исходные рубежи. Мария нравилась Дементьеву, нравилось ему и то, что девушка отнюдь не спешила безоговорочно капитулировать в его объятьях и не теряла головы от поцелуев. «Что легко достается, то не ценится, — говорила она, — только честный мед сладок. А ждать я тебя буду верно, пока вы немца не прогоните».

Война вроде бы не напоминала о себе, но она продолжалась, и витало в воздухе что-то зловещее, теснило грудь, словно перед грозой небывалой силы. Как-то раз на закате Павел увидел ворона — огромная иссиня-черная птица сидела на придорожном камне и смотрела на запад. Когда Дементьев подошел ближе, ворон снялся, шурша широкими крыльями, и на миг темный его силуэт закрыл багровый диск заходящего солнца, и было в этом что-то жуткое. Вещая птица исчезла в сумеречном небе, а Павел все стоял и смотрел на закат цвета крови.

Там, за горизонтом, снова готовился к броску Зверь, в третий раз вставая на дыбы. Он вырастил себе новые зубы взамен выбитых под Сталинградом, отточил когти, удлинив их новыми смертоносными боевыми наконечниками, и заново отполировал чешуйчатую броню из тяжелой германской стали. Третий раз — последний раз: в курских степях должна была решиться судьба России. «Кто кого?» — от ответа на этот вопрос зависело будущее.

* * *

К радости Дементьева, в дивизион вернулся его старый боевой товарищ Виктор Мироненко — на должность комдива. Не по душе пришлась ему штабная работа, и как только Виктор узнал, что Фролов разжаловал и выгнал Вересова, он выпросил у начарта «вольную». Два капитана дружно взялись за дело, готовя дивизион к боям, — строили на своем участке вторую линию обороны армии, готовили огневые позиции, проводили полевые стрельбы побатарейно и всем дивизионом. Оба офицера чувствовали: быть здесь тяжелым боям.

— Виктор Арсентьевич, — спросил как-то Дементьев, улучив подходящую минуту, — ты недавно из штаба, что там говорят высокие чины по поводу нового наступления?

— Говорят, что кур доят, а как доят, не говорят. Спросил что-нибудь полегче, Паша. Сам рад бы знать, да не по чину-званию мне такое знание. Но, думаю, грандиозная драка здесь намечается. Нашу Первую танковую армию куда попало не пошлют: где Катуков, там жди наступления.

«Это верно, — подумал Павел. — И на Дону так было, и под Калинином».

Логика подсказывала: немцы непременно попытаются взять реванш за поражения под Москвой и Сталинградом. В дивизионе уже знали о боевых новинках врага: о тяжелых танках «тигр» и «пантера», самоходках «фердинанд», истребителях «фокке-вульф». «Звери серьезные, — говорил Мироненко, показывая Дементьеву присланные в дивизион документы с данными «тигра», захваченного нашими войсками в январе под Ленинградом. — Клыки восемьдесят восемь миллиметров, кусают за два километра. Шкура на лбу сто миллиметров. Это уже не те жестянки, которые мы с тобой щелкать наловчились, — этих тварей надо брать подкалиберными». «Возьмем, комдив, — отвечал ему Дементьев, — на любого зверя найдется своя рогатина».

Сменился и командир бригады: Катуков убрал Мельникова и назначил на его место подполковника Липатенкова. Это человек выгодно отличался от основной массы командиров — Павлу почему-то казалось, что именно так выглядели настоящие русские офицеры, верные чести и боевым традициям. Впервые увидев нового комбрига в только что введенных в армии погонах, Павел поймал себя на том, что ему хочется обратиться к Липатенкову «господин подполковник». Молодые офицеры, привыкая к новым знакам различия, в шутку называли друг друга «штабс-капитанами» и «поручиками», но в желании Дементьева не было и тени шутливости. Подполковник окончил академию имени Фрунзе, он всегда был строг, подтянут, выбрит, в до блеска начищенных сапогах. Со своими подчиненными Липатенков разговаривал вежливо, давая четкие и ясные указания, и никогда не позволял себе сорваться на грубость, не говоря уже о рукоприкладстве. Такие люди запоминаются, жизнь дается им на добрые дела, только, как правило, меряется эта жизнь очень скупой меркой...

В штабе бригады Павел узнал, что дивизион Гиленкова расквартирован неподалеку, у деревни Ивня, и как только у Дементьева выдалось время, он тут же отправился в гости к эрэсникам.

— Какие люди! — приветствовал его Гиленков. — Павел Дементьев, гроза немецких танков и личный враг фюрера! Все, хана «тиграм» — разбегутся по кустам, поджав хвосты!

— Шутишь, Юрочка, — Павел улыбнулся. — Мы этих хищников пока видели только на картинках, а как они гореть будут, это еще надо посмотреть.

— Нормально будут гореть, с дымом и копотью, — Юрий небрежно махнул рукой. —

Вот, познакомься, — он повернулся к стоявшему рядом с ним плечистому офицеру, — капитан Георгий Сидорович, мой начальник штаба, по совместительству разбиватель дамских сердец.

На этот раз шутка Гиленкова была недалеко от истины: красавец-начштаба дивизиона «катюш» явно принадлежал к той породе мужчин, которых называют «бабьими баловнями». Георгий, как позже узнал Павел, был единственным сыном генерала Сидоровича, начальника военных сообщений Московского военного округа. Красивый, начитанный и образованный, с открытой душой, Жора привлекал женские взгляды и пользовался успехом у прекрасного пола, однако еще при первой встрече Дементьев подметил грусть в глазах «бабьего баловня». За сытным «гвардейским» обедом Гиленков балагурил, хвастался своим поваром — «Виртуоз чумички: работал шеф-поваром в московском ресторане, генералов кормил, но изгнан был за пылкую любовь к спиртному. А мне что? Пусть пьет, лишь бы готовил исправно!» — тогда как Сидорович по большей части отмалчивался, словно его что-то угнетало. Павел не придавал этому большого значения — мало ли что у человека случилось, — однако все оказалось не так просто.

В начале лета Сидорович заявился к артиллеристам с ответным визитом — примчался на трофейном мотоцикле со скоростью реактивной мины, переполошив всех часовых. Он был весел и жизнерадостен, но за обедом (приготовленным, правда, не отставным шеф-поваром столичного ресторана, а хозяйкой хаты, где жил Дементьев, но не менее вкусным), немного выпив, вдруг резко погрузился. Павел предположил, что виной тому дела амурные — бурный роман Сидоровича с медсестрой корпусного медсанбата Тамарой Василенок был у всех на слуху, — однако разговор принял иной, почти мистический, оттенок.

— Жизнь хороша и удивительна, Павел Михалыч, — грустно сказал «бабий баловень», поглядывая на облитую солнечным светом буйную зелень деревьев за окнами хаты. — И все бы хорошо, да вот только точит меня одна мысль недобрая: оборвется жизнь моя не сегодня-завтра. Я это точно знаю...

Дементьев знал о таких случаях — он сразу вспомнил лейтенанта Гордина, командира огневого взвода второй батареи. В прошлом году, после жестоких боев на Дону, лейтенант начал заговариваться — мол, скоро приму я смерть от белых носочков. А в Ясной Поляне, вскоре после возвращения из госпиталя, однажды вечером Гордин исчез. Нашли его утром, под кустом. Мертвым — уединившись, лейтенант выстрелил себе в висок из пистолета. Если разобраться, особой мистики тут не было: Гордин был контужен. Шальной снаряд попал в домик, где он находился, лейтенанта вытащили из-под бревен еле живым (он висел там вниз головой) и отправили в госпиталь. По возвращении в часть бедняга начал заговариваться и поминать «белые носочки» — вероятно, сказались последствия контузии. По уму, ему надо было бы дать как следует отдохнуть, да только в то лихое время было не до психологических сантиментов. Руки-ноги целы, голова на месте — воюй, лейтенант. Вот и довоевался...

Однако были и другие случаи. Зимой комиссар мотострелкового батальона однажды утром — ни с того ни с сего — спокойно сказал: «Завтра меня убьют», написал прощальное письмо жене, попрощался с сослуживцами, раздал им на память кое-какие свои вещи, а на следующий день его срезала пулеметная очередь. На контуженного Сидорович не походил, и Дементьев постарался отвлечь его от грустных мыслей — зачем кликать беду на свою голову? Георгий слушал его рассеянно, а потом встал и, видимо, задетый душевспасительной речью Дементьева, попрощался и уехал.

— Тебе моей судьбы не разделить со мною, — произнес он на прощанье. — Это не я сказал, это Пушкин, гений русской словесности.

Павел смотрел ему вслед, и на душе его было сумрачно. Он еще не знал, что Георгий действительно погибнет — через год, в сорок четвертом, во время боев на Украине. Отойдет вместе с командиром батареи к небольшой высоте в сторону от дороги — прикинуть, откуда ловчее накрыть заданную цель, — и угодят они оба на немецкое минное поле, которое не успели обезвредить наши саперы.

И еще не знал капитан-артиллерист Павел Дементьев, что совсем скоро предчувствие

неминуемой гибели настигнет его самого.

* * *

05 июля 1943 года, раннее утро

Павла разбудил грохот. Быстро одевшись, он выскочил на улицу. Возле штаба уже толпились солдаты и местные жители, с тревогой спрашивая друг друга: «Что, началось? А кто наступает, мы или немцы?».

...Это была та знаменитая артиллерийская контрподготовка, упреждающий удар, нанесенный советским командованием, знавшим дату и час начала немецкого наступления на Курской дуге, противнику, уже изготовившемуся к атаке. Этот внезапный удар спутал немцам все карты, их наступление началось позже, и пошло оно совсем не так, как было задумано.

* * *

05 июля 1943 года, день

В небе шли немецкие бомбардировщики — их было не меньше сотни. Они шли с юга на север, шли бомбить Курск и тылы наших войск, и Дементьев, неоднократно бывавший под бомбежкой, не позавидовал тем, кто попадет под удар такой армады.

— Сволочи... — прошептал он, глядя в небо, тесно заполненное машинами с крестами на крыльях. — И когда только найдется на вас управа...

Управа нашлась — навстречу «юнкерсам» стрижами вынеслись наши истребители: «лапочкины» и «яковлевы». И Павел Дементьев впервые за два года войны увидел, как густо посыпались вниз «лаптежники», расчерчивая небо длинными полосами черного дыма.

— Горят, суки! — радостно закричал кто-то за его спиной — Горят, иху мать!

... «Юнкерсы» горели. Уцелевшие машины потревоженными шмелями расползались в разные стороны, торопливо избавлялись от бомб, сбрасывая их куда попало, и уходили, отбиваясь от наседавших истребителей. В воздухе крутилась гигантская карусель, рассыпая сбитые самолеты, а в эфире лающие выкрики на немецком тонули в забористом русском мате.

* * *

05 июля 1943 года, вечер

— Товарищ капитан, вам пакет из штаба бригады!

Дементьев принял пакет из рук рассыльного, и как только пальцы Павла коснулись упаковки, его скрючило, как от сильного удара током. Сердце забилося отчаянно, словно сию секунду выскочить и убежать, спасаясь от чего-то страшного; в голову хлынула горячая волна. Затем волна откатилась к сердцу, снова ударила в голову, и так много раз. Внутри человека по имени Павел Дементьев заработал маятник, ритмично бьющий то в голову, то в сердце. А потом на этот «маятник» наложился монотонный речитатив: в такт его ударам в сознании Павла начали повторяться слова: «Убьют — ранят, убьют — ранят, убьют — ранят...».

Дементьев стиснул зубы, потер виски, помотал головой, плеснул в лицо холодной водой из рукомойника — маятник продолжал отстукивать зловещее «Убьют — ранят, убьют — ранят». Усилием воли Павел взял себя в руки, разорвал пакет и начал читать содержавшийся в нем приказ. Строчки качались,плыли перед глазами — ему пришлось трижды перечитать текст, прежде чем он понял, что там написано.

Приказ был лаконичен: дивизиону к двадцати четырем ноль-ноль скрытно занять боевые позиции на втором рубеже обороны в районе деревни Сырцово, правее шоссе Курск-Белгород.

А маятник продолжал свой отсчет. Пошатываясь, Дементьев на ватных ногах вышел из

хаты и начал делать свое привычное воинское дело, преодолевая предательскую слабость. Внешне он выглядел спокойным, и никто из его подчиненных даже не заметил, что с ним что-то не так. Но это спокойствие стоило капитану немалых усилий: у него все валилось из рук, словно вышибаемое пульсирующими ударами дьявольского внутреннего маятника. «Убьют — ранят» — стучало и стучало в мозг: безостановочно, не затихая ни на секунду. На Дементьева надвигалось что-то неотвратимое, от которого не убежишь и не спрячешься — Павел чувствовал приближение этого давящего чего-то, но ничего не мог сделать. «Врешь, — сказал он сам себе, — не поддамся!». Он вдруг вспомнил мрачное лицо Сидоровича, и его прошиб холодный пот — вот как оно, оказывается, бывает. Но тут же сам себя одернул: маятник-то не предрекает ему непременною смерть — он оставляет выбор! А вдруг в тот самый момент, когда его, Павла, настигнет пуля или осколок, этот чертов маятник качнется в сторону «ранят»? Шансы пятьдесят на пятьдесят, а на войне бывает и гораздо меньше. Ему было худо, от непрерывного стучания проклятого внутреннего маятника можно было сойти с ума, но Павел держался изо всех сил: у него было дело, которое за него не сделает никто.

Дивизион выдвигался на оборонительный рубеж.

* * *

06 июля 1943 года

Приказа ждали до рассвета. Мироненко и Дементьеву было уже известно, что немцы, ломая сопротивление шестой гвардейской армии генерала Чистякова, занимавшей первую линию обороны, продвинулись вперед и приближаются ко второй оборонительной линии — к рубежу, занятому первой танковой армией генерала Катюкова.

— Через час-два они будут здесь, — сумрачно сказал Мироненко.

Ожидание тянулось, выматывая напряженные нервы людей. Комдив и начальник штаба побывали на наблюдательном пункте, проверили подготовку позиций — дивизион всю ночь зарывался в землю, копал окопы и щели, — и маскировку, обзвонили все батареи. Все было нормально — командиры батарей были готовы встретить врага и ждали только приказа «Огонь!».

И враг пришел — утром, с первыми лучами солнца. А в половине одиннадцатого на первую мехбригаду и на весь третий механизированный корпус генерала Кривошеина обрушился удар чудовищной силы — на его позиции одновременно наступало свыше двухсот танков с пехотой.

...Танки шли сплошной стеной. Они двигались в шахматном порядке, и поэтому просветы первого ряда бронированных чудовищ перекрывались машинами второго ряда, и так далее. Из лощин медленно выползали огромные стальные глыбы на гусеницах, прикрытые остатками не сброшенной маскировки из веток и соломы и напоминающие украинские хаты.

Павел никогда не видел такого большого скопления танков. Подняв к глазам бинокль, он всматривался в их угловатые очертания, в длинные стволы пушек, в широкие надульники, хищно выброшенные вперед, словно головы голодных гадюк, высматривающих добычу. Вот они, те самые «тигры» и «пантеры», о которых столько говорили, и конца-краю им не видно.

Они шли как на параде, с открытыми люками башен, пока еще вне досягаемости огня русской артиллерии. Между машинами жуками мелькали мотоциклисты, из люков торчали головы офицеров, подающих команды. А за танками шли, выделяясь черными точками на желтом пшеничном поле, пехотинцы, издали похожие на каких-то мелких насекомых. На бригаду наступала мотодивизия «Великая Германия» — наступала, уверенная в превосходстве немецкой техники и германского «нового порядка» над русскими недочеловеками, трусливо зарывавшимися в землю в призрачной надежде уцелеть. Танковая лавина выглядела как набравший разбег сомкнутый строй тяжелой панцирной конницы, выставившей вперед копыта и опустившей на лица забрала с узкими прорезями, сквозь которые смотрели холодные глаза нелюдей-убийц.

Танки шли. Возможно, немцы рассчитывали устрасить русских одним видом своей грозной техники. Но шел уже третий год войны, и русские воины стали уже другими — они неплохо научились воевать, заплатив за эту науку очень высокую цену кровью. Никто из них не дрогнул, не побежал в страхе, спотыкаясь и закрывая руками голову, — русские ждали, сжав рукояти мечей, принявших в этом времени форму орудий и пулеметов.

«Тигры» с ревом ползли вперед, наугад швыряясь снарядами. Количество атакующих танков непрерывно росло — из оврагов появлялись все новые и новые. Дементьев насчитал в поле зрения до сотни машин, сбился и бросил это занятие — все равно в поднятых танками тучах пыли точно не сосчитаешь, да и какой в этом смысл? От его подсчетов танков меньше не станет, как ни крути. Считать будем после боя, горелых и битых, — если, конечно, сможем их остановить, и если на поле этом останется кому считать.

В знойном июльском мареве силуэты машин дрожали, расплывались и сливались в многоголовое чудовище, целеустремленно ползущее вперед. Зверь распластался, растекся по земле, глухо стонущей под широкими гусеницами, и превратился в скопище боевых машин, составлявших единой целое, подчиненное железной воле Зверя и его повелениям. Стальной таран, выкованный из крупновской брони и неуязвимый, по разумению Зверя, для русского оружия, должен был сокрушить русскую оборону, уже подточенную, как полагал Дракон, огненным вихрем с земли и с воздуха. Теперь один мощный удар, перешибающий хребет, — и русские кости жалко хрустнут под тяжелыми лапами Зверя, размазывающего врагов в жидкую кровавую кашу. А Коричневый Дракон двинется дальше, ступая по черепам, утоляя свою ненасытную жажду кровью побежденных и сытно отрывая после обильной трапезы, — кто осмелится встать на его пути, чтобы преградить ему дорогу?

...Гул железной лавины, катящейся на позиции дивизиона, нарастал; все чаще и все ближе падали снаряды танковых пушек.

Мироненко оторвался от бинокля и, шевеля желваками, бросил коротко:

— Давай, Паша, — время.

— Всем батареям — огонь! — произнес Дементьев, прижав к щеке телефонную трубку, нагретую жарким июльским солнцем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. УКУС «ТИГРА»

*Там горела земля,
Там кипела броня,
Там росли похоронные бланки
Ну, а швырнул бы ты,
Чтобы пахли цветы,
Свое сердце под черные танки?*

Очередная ракета с шипением разрезала ночное небо тонким светящимся шрамом, описала дугу, рассыпая искры, и погасла. Хотя назвать это небо ночным можно было только по времени суток — десятки осветительных бомб, подвешенных на парашютах над полем отгремевшего боя, и зарево от догорающей деревни Сырцово разогнали ночную темноту и превратили ночь в призрачный день. И в мертвенном свете этого дня по всему переднему краю обороны кипела работа: на боевые позиции подтягивалось пополнение; приглушенно урча моторами, ползли машины, подвозящие боеприпасы и вывозящие раненых; трудились похоронные команды, хороня павших; тягачи оттаскивали подбитые танки, которые можно было отремонтировать и вновь бросить в бой. С передовой изредка доносились пулеметные очереди, но было ясно, что ночного боя не будет — днем обе стороны выложились по полной, и теперь собирались с силами, готовясь завтра схлестнуться снова.

Вечером на батарее доставили сразу и обед, и ужин — днем было не до обеденного перерыва. Дементьев поел, не ощущая вкуса и даже не разбираясь, что он глотает, и прилег в блиндаже. Несмотря на свинцовую усталость, сон не приходил: перед глазами Павла плыли

отрывочные картины минувшего дня, выхваченные из сумятицы дневного боя и впечатанные в мозг фотовспышкой памяти.

...Они не считали отбитых атак и подбитых танков. «Тигры» горели нормально, «с дымом и копотью», как говорил Гиленков, но поджигать их было куда сложнее, чем средние танки старых типов, с которым Дементьев привык иметь дело: при попадании в лобовую броню «тигра» снаряды наших противотанковых орудий с визгом рикошетировали, свечой уходя в раскаленное небо. Сколько всего танков сожгли бойцы мехбригады, Павел не знал: в бою окружающий воина мир сужается до размеров его траншеи, окопа или огневой позиции. Разглядывать, что творится у соседа, некогда, да и не так просто это сделать: панорама сражения затянута пеленой дыма и пыли, в которой вязнет бессильно взгляд человеческий. И потому, наверно, так много неточностей в донесениях с поля боя: свои потери сосчитать можно, а вот что касается потерь противника... Желаемое выдается за действительное, и вольно или невольно хочется приукрасить свой успех, однако зачастую невозможно сказать, взорвался ли «тигр», в который всадили шесть снарядов, или сумел отползти, зализывая раны.

В полуяви-полусне Павел видел серые лица батарейцев; снаряд, выскользнувший из рук раненого заряжающего и беззвучно — все вокруг гремело и ухало — упавший гильзой на станину орудия; башню танка, подброшенную вверх огненным смерчем взрыва и медленно заваливающуюся набок; сцепившиеся лоб в лоб танки, раздирающие гусеницами землю в неистовом желании опрокинуть друг друга; яростную рукопашную схватку между нашими и немецкими танкистами, оставившими свои горящие машины.

Он видел небо с роящимися там самолетами — Катуков наконец-то получил «зонтик», которого ему так недоставало год назад, во время боев на Дону. Десятки наших истребителей надежно прикрыли боевые порядки Первой танковой, рассеивая эскадрильи рвущихся к ней «юнкерсов». И еще запомнилось Дементьеву совершенно фантастическое зрелище: «Ю-87», пикировавший на цель и случайно оказавшийся на пути стаи реактивных мин, выпущенных «катюшами» гиленковского дивизиона. Самолет не загорелся и не упал на землю — он просто исчез в яркой вспышке, исчез мгновенно и бесследно.

Механизированная бригада Липатенкова выстояла, хотя и понесла серьезные потери в людях и технике, и готова была снова встретить Зверя лицом к лицу.

* * *

Под утро Павел забылся тяжелым сном, но отдохнуть ему так и не удалось: снова началась бомбежка, и немцы, выпавшись и перегруппировавшись, снова пошли в атаку. На этот раз они открыли огонь с предельной дистанции, используя прицельную дальнобойность «тигровых» орудий. Дивизион исправно прореживал танковую лавину, а потом навстречу ей пошли «Т-34» четырнадцатого танкового полка и первой танковой бригады, расстреливая в упор бронированных зверей. Вскоре вдоль переднего края полыхало до дюжины «пантер» и «тигров», но успех достался недешево: пока «тридцатьчетверки» подходили к «хищникам» на пистолетный выстрел, тяжелые немецкие самоходки подбивали их издалека — по всему полю погребальными кострами горели наши танки...

К полудню немцы усилили натиск. Над командным пунктом дивизиона то и дело с визгом проносились снаряды и рвались метрах в ста, поднимая фонтаны земли. Батареи вели огонь с закрытых позиций, потом прямой наводкой по танкам, прорывавшимся за линию окопов, занятых мотострелками. И горели багровым пламенем хваленые «тигры», расстелив по курской земле ленты разорванных гусениц и бессильно уронив длинные хоботы пушек, и падали на русскую землю мертвые завоеватели, застывая на ней безмолвно и неподвижно...

— А вот сейчас у нас будет настоящее пекло, — сказал Павел комдиву, показывая на высоту, по склону которой катилась новая волна немецких танков. Мироненко равнодушно посмотрел на них и ничего не ответил, продолжая спокойно руководить боем. О чем он думал тогда? Дементьев этого так и не узнал...

Оборона гнулась, как стальная полоса, испытываемая на излом. Липатенков бросил в бой последние резервы — немцы обходили правый фланг бригады, нацеливаясь на Обоянь. И тут над грохочущей и ревущей степью, затянутой дымом горящих машин, появились «илы». Штурмовики били «хищников», как кречет перепелов, с лету, выжигая их одного за другим; бронированная армада споткнулась и попятилась, а Павел вспомнил бои на Сухой Верейке. Да, времена изменились: теперь на его глазах вспыхивали факелами не «Т-60», а «пантеры».

Казалось, наступил перелом, но нет — силы Дракона еще не иссякли, он снова пополз вперед. Бригада дрогнула и с боем стала отходить на север. В пылу боя Дементьев не сразу заметил, как немцы обошли наблюдательный пункт, грозя дивизиону окружением. Комдив нахмурился и не приказал Павлу, а скорее попросил:

— Вот что, Паша, ситуация критическая. Дуй на вторую батарею, там большие потери — сделай, что сможешь. А я на третью батарею, там тоже дела плохи. Да, прикажи командиру взвода управления немедленно перенести эн-пэ на высоту 255,6, пока немцы не взяли его за шкуру. Действуй, Дементьев!

На том они и расстались — с тем, чтобы никогда больше не встретиться в мире живых.

Когда Дементьев добрался до второй батареи, бой там уже заканчивался. Неподалеку от огневой, на бугре, чадно горели, выбрасывая клубы черно-сизого дыма, несколько танков. Три орудия были разбиты, поврежденное четвертое последними снарядами отгоняло за бугор двух пятившихся панцерников.

— Снаряды кончились, товарищ капитан, — доложил Дементьеву чернолицый человек, в котором Павел с трудом узнал старшего лейтенанта Заварзина.

— Отходим, — Павел махнул рукой. — Раненых не забудьте забрать!

Маленькая колонна из нескольких посеченных осколками грузовиков с покалеченной пушкой на прицепе двинулась на север. Шли низинами, хоронясь от прорвавшихся немецких танков, которых уже нечем было встретить. Метров триста прошли благополучно, но стоило только машинам подняться на пригорок, как начался обстрел — «тигры» взяли след и шли по пятам. «Студебеккеры» перевалили через гребень высоты; Дементьев вскочил из машины, отошел и вынул карту, чтобы сориентироваться, — выйдя живыми из страшного боя, обидно приехать прямо немцам в лапы.

Невдалеке от хвоста колонны, не долетев, грохнул снаряд: танки били по площадям и нащупывали цель. Второй снаряд со свистом пронесся над головами и разорвался метрах в пяти от Дементьева.

Павла подбросило в воздух. Земля и небо поменялись местами, по всему телу прошла дрожь, похожая на трепетание натянутой и затем резко отпущенной струны. Дементьев с размаху ударился спиной о землю, попробовал встать — и не смог. Правую ногу пронзила острая боль. Павел дотронулся до бедра — пальцы стали клейкими, словно попали в липучку для мух. Штанина быстро пропитывалась кровью, бурое пятно расширялось и уползало за голенище сапога. Но сознание оставалось ясным: Дементьев отчетливо услышал «Ты будешь жить, воин, — твой час еще не пробил», а внутренний маятник, донимавший его третий день, остановился на «ранят» и прекратил свой отсчет — на душе стало легко и спокойно.

— Товарищ капитан! — услышал он голос Коробкова, своего ординарца. — Вы ранены?

— Все нормально, Вася. Помогите встать.

Встать не получилось. Дементьева подхватили, понесли и уложили в машину.

— Командуй, старший лейтенант, — приказал Павел, найдя глазами Заварзина. — Вон туда, по ложине, на север, — трогай!

На склоне машину мотало из стороны в сторону; глухо стонали раненые, лежавшие в кузове. «Легко отделался, — думал Дементьев, прислушиваясь к ноющей боли в бедре. — Дырка в ноге — невелика беда. Повезло — при таком снарядном клевке девяносто процентов осколков уходят вверх и в стороны, а я был сзади. Значит, еще повоюем».

* * *

До штаба бригады добрались без приключений. Здесь медики из санитарного взвода оказали капитану первую помощь — ввели противостолбнячную сыворотку и перевязали, а затем на санитарной машине отправили его в тыл, в полевой госпиталь, находившийся километрах в двадцати от передовой. Мест в домах и палатках, занятых госпиталем, не хватало — много раненых лежало на лугу под палящим солнцем, ожидая, когда их перенесут в операционную. Время шло, но к Дементьеву так никто и не подошел. Боль усиливалась, и Павел беспокоился — не хватало еще из-за дурацкого маленького осколка стать инвалидом! Звать санитаров было бессмысленно: они бродили как тени, покачиваясь от усталости, с красными от недосыпа глазами. Ближе к вечеру, когда спала удушающая дневная жара и потянуло холодком, Дементьев подозвал легко раненого в руку солдата, сидевшего рядом, и решил действовать по принципу «Спасение раненой ноги — дело рук самого раненого!».

Образовав способную перемещаться конструкцию о двух головах, трех ногах и трех руках (считая только здоровые конечности), они двинулись напрямик к большой армейской палатке с надписью «Операционная». Павлу опять повезло: операционный стол только что освободился — Дементьев не успел и ахнуть, как оказался на нем, причем уже без сапог. Ему разрезали ножницами штанину, и женщина-военврач без всякого наркоза принялась копаться в его ране, пытаясь отыскать злополучный осколок. Капитан стиснул зубами угол простыни, сунутый ему в рот санитаром, изо всех сил стараясь не орать от боли.

Это ему удалось, а вот поиски осколка успехом не увенчались — он глубоко засел где-то в мышцах бедра.

— В эвакогоспиталь, — распорядилась врач, обработав рану йодом. — Следующий!

И через несколько дней Дементьев оказался в лесу под Воронежем, в эвакогоспитале номер девятнадцать-четырнадцать. Но и тут ему не стали резать рану, заключив, что нога — не сердце, и что с осколком в бедре вполне можно жить. Павел не настаивал: рана понемногу затягивалась, и хотя первое время в перевязочную ему приходилось ходить на костылях, врачи уверяли, что скоро он обойдется без них.

— Танцевать будешь, капитан, — сказал ему хирург, — и по девкам бегать, рысью.

...Осколок немецкого железа спал тридцать лет, а потом ожил и, как показал рентген, начал путешествовать по мышцам бедра. В больнице хирург разрезал подкожный бугорок, и острый обломок металла размером чуть больше ногтя сам выпал наружу. «Тигриный зуб» — подумал Павел Михайлович, трогая его пальцем и вспоминая военный госпиталь N 1914.

* * *

В офицерской палате госпиталя их было четверо — Дементьев и три танкиста, тоже раненых на Курской дуге. Узнав об обстоятельствах ранения Павла, они дали ему прозвище «укушенный «тигром», хотя и сами танкисты пострадали от зубов тех же «хищников». После ада «огненной дуги» госпиталь казался раем — чистое белье, сытная еда, спокойный сон без тревог, улыбчивые девушки в белых халатах. Все четыре офицера были молодыми парнями в расцвете юности, двадцатого-двадцать первого года рождения, и молодость, быстро забывая грязь и кровь страшной войны, брала свое. Энергия была через край — «четыре мушкетера», как их называли, шутили, смеялись, пели, гуляли в лесу, слегка безобразничали, заигрывали с медсестрами и даже организовали самодеятельный театр, давший всего один спектакль, но зато с бешеным успехом.

Месяц лечения прошел незаметно, и Павел затосковал. Осколок немецкого снаряда сидел у него в бедре, а в голове неотвязно крутилась одна и та же мысль: «Пора на фронт, в свой родной четыреста шестьдесят первый особый артиллерийский дивизион!». Дементьев донимал главврача, пока не услышал от медицинской комиссии заветное «Здоров!».

Его направили в резерв фронта, находившийся в Курске, но Павел решил, что делать

ему там абсолютно нечего. По сводкам он знал, что армия Катуква сражается где-то под Харьковом, значит, туда ему и дорога. Строго говоря, это было нарушением предписания, но выписавшиеся из госпиталя солдаты и офицеры сплошь и рядом возвращались в свои части самостоятельно, своим ходом, не тратя времени на сидения и ожидания, и на это нарушение смотрели сквозь пальцы.

В Курск он все-таки поехал, но только для того, чтобы разузнать поточнее, где искать свою Первую танковую. Сначала Дементьеву не повезло — там толком никто ничего не знал, — но вскоре удача ему улыбнулась: ловя попутку на Харьков, Павел увидел «студебеккер» со значком армии Катуква — белым ромбом — на кабине.

Словоохотливый шофер сообщил ему, что он из армейского автобата, возит солярку и бензин (в кузове тесно стояли железные бочки) с фронтовых складов на армейские, что армия ведет бой в районе Богодухова, и согласился подбросить Павла до Харькова. Харьков числился в «путевом листе» Дементьева — пожилой железнодорожник, попавший в госпиталь со случайным ранением ноги (решил почистить наган, не удосужившись его разрядить, и в результате прострелил себе ногу), попросил передать письмо своей харьковской сестре.

За стеклами кабины потянулись знакомые равнины, и Павел, сориентировавшись, сказал водителю:

— Слушай, браток, тут по пути одно село будет, Вознесеновка. От шоссе километров пять, не больше, — крюк невелик. Стояли мы тут перед Курской битвой, народ нас принимал как родных. Надо бы заскочить, спасибо сказать. Забрось меня туда, а до Харькова я уж как-нибудь сам доберусь.

Павел слегка лукавил. Благодарность к жителям Вознесеновки жила в его сердце, но прежде всего он хотел увидеть Марию. От нее не было никаких вестей, и Павел беспокоился за ее судьбу. Немцы до Вознесеновки вроде бы не дошли, но шальная бомба может ведь упасть куда угодно. Однако солдат не стал ничего уточнять.

— О чем речь, капитан, — сказал он и нажал на газ.

Распрощавшись с добродушным водителем на окраине Вознесеновки, Павел закинул за плечи вещевой мешок и зашагал к центру села. Сердце его учащенно билось — жива ли Мария, и ждет ли она его? Хозяйка дома, где он жил, сразу его узнала, всплеснула руками и обрадовано засуетилась, собирая на стол. Вскоре на огонек зашла ее соседка; обе женщины вспоминали сослуживцев Дементьева и расспрашивали об их судьбе. А Павел сидел как на иголках и наконец, не вытерпев, спросил про Марию — как она, что с ней?

— Жива она, жива, — успокоила его хозяйка. — В Курск она поехала, к отцу, завтра должна вернуться.

— Ну, до завтра-то я подожду, а потом должен буду уехать. Я ведь не в отпуске — мне в бригаду надо. В Харьков поеду, а там буду искать свое начальство.

— А чего его искать? — искренне удивилась соседка. — Какой-то ваш начальник у нас обретается, у фельдшерицы лечится, дом ее на том берегу, недалече. Мы его еще до боев тут видели — маленький такой, чернявый. Кажется, подполковник.

Дементьев задумался, мысленно сопоставляя краткий «словесный портрет» с лицами бригадного начальства.

«Маленький? Чернявый? Подполковник? Да это же наверняка Драгунский — больше некому!».

— А фамилию его узнать можете?

— Отчего ж не узнать? — соседка пожала плечами. — Тоже мне, военная тайна! Сейчас и узнаю.

Через час она вернулась и сообщила, что подполковника зовут Давид Драгунский. По позднему времени Дементьев решил подождать до утра, от души выспался на сеновале, а утром привел себя в порядок и зашагал к мостику через Курасовку — докладывать начальству о своем появлении.

Давид Абрамович Драгунский был личностью весьма колоритной — живой как ртуть, с

бешеной работоспособностью, неиссякаемой энергией и выдающимися организаторскими способностями. Он закончил военную академию, воевал с японцами на Халхин-Голе, за что получил орден Красного Знамени. У Катуква Драгунский занимал должность начальника разведки корпуса и со своими обязанностями справлялся превосходно. Как он оказался на излечении не в госпитале, а у сельской фельдшерицы-сударушки, оставалось только гадать, но наверняка при разносторонних талантах «ДД» это не составило для него особого труда.

Дементьев познакомился с ним накоротке при своеобразных обстоятельствах. Еще до боев на Курской дуге, во время полевых учений, Павел тайком отлучился к Марии, прогулял с ней до первых петухов, а утром побежал обратно, торопясь успеть в часть до подъема. На полдороге он услышал за спиной шум мотора, увидел начальственный «виллис» и, избегая ненужных осложнений, быстренько замаскировался в придорожных кустах. Павел надеялся, что машина пройдет мимо, но не тут-то было. «Виллис» затормозил, и Дементьев услышал голос Драгунского:

— А ну-ка, вылезай! Покажись, страна должна знать своих героев!

Дементьеву пришлось сдаться на милость победителя и признаться, зачем он ходил в Вознесенку. Подполковник сначала насупился, а потом вдруг весело рассмеялся.

— Надо же, какое совпадение! Я ведь тоже еду от своей дамы сердца. Ладно, капитан, садись — подвезу тебя, как собрата по приключениям.

Все обернулось наилучшим образом: Драгунский довез Дементьева прямо до штаба дивизиона, обеспечив ему тем самым полное алиби. Где был? А в штабе бригады, начальство вызывало!

И вот их пути снова пересеклись.

«ДД» искренне обрадовался, долго жал Дементьеву руку, потом организовал завтрак, сказав: «Хозяйка моя на работе, но мы и без нее подсуетимся». Драгунский был в курсе всех дел и знал больше, чем вся фронтовая разведка. Он сообщил, что первая мехбригада ведет бои юго-восточнее Богодухова, и даже показал на карте ее примерное расположение. Теперь Павел был уверен, что наверняка найдет свой дивизион, и откланялся, пожелав Драгунскому скорейшего выздоровления и торопясь повидать Марию.

Но Мария не приехала, и Дементьев, прождав ее несколько часов, отправился на шоссе — искать оказию до Харькова.

* * *

В Харькове, недавно освобожденном войсками Степного фронта, повсюду еще видны были следы тяжелых боев. Взгляд то и дело натывался на разбитую технику — торчали тут и там обгорелые танки, брошенные автомашины, изувеченные орудия, опрокинутые повозки.

Отыскав адрес сестры железнодорожника из госпиталя (ею оказалась средних лет женщина с целым выводком детишек), Павел передал письмо. Она обрадовалась весточке от брата, а в доме тут же появились ее соседки, в основном тоже многодетные женщины. Они одолевали Дементьева вопросами, точнее, одним вопросом: не вернутся ли снова немцы? Их можно было понять: Харьков почти два года находился под властью завоевателей, наши войска брали его и снова сдавали, а по лицам женщин было видно, что германский «новый порядок» не оставил о себе теплых и радостных воспоминаний.

Наступил вечер, и Дементьеву пора было задуматься о ночлеге. Женщины наперебой приглашали его к себе — «найдем уголок», — однако Павел не хотел стеснять многодетных матерей.

— Спасибо вам, но я лучше пойду на вокзал, в зале ожидания переночую.

— Капитан, — вмешалась в разговор Катя, молодая девушка, случайно зашедшая сюда с другими женщинами. — Какой вокзал, что вы говорите? Там от него одни кирпичи остались — все разрушено. Пойдемте ко мне, я живу в частном домике со стариками, у нас место найдется.

Они долго шли по темным улицам и переулкам (электроснабжение в освобожденном

Харькове еще не наладили), пока не добрались до небольшого каменного дома, окруженного густым тенистым садом. Пахло спелыми яблоками, трещали цикады, и дом этот напоминал маленький оазис среди пустыни полуразрушенного города.

И в этом затерянном оазисе обитали прекрасные гурии — на огонек зашли Катины подруги с гитарой. Девушки пели украинские и русские песни, и Дементьев подпевал, хотя по своим вокальным данным он вряд ли мог составить конкуренцию Леониду Утесову. Пел и поглядывал на Катю, чувствуя, как в его груди копошится что-то теплое.

А потом они остались одни. Павел осторожно положил руки на плечи Кати, девушка вспыхнула и порывисто прильнула к нему. И Дементьев почувствовал, как бьется ее сердце — трепетно, словно пойманная птичка.

...Она любила его самозабвенно, шептала нежные слова, а под утро тихо сказала:

— Только не отдавайте нас снова немцам, пожалуйста. Пожалуйста...

И заплакала.

Павел, утешая, гладил ее по голове и не мог понять, чего же было больше в страстной Катиной любви: искренней к нему симпатии, тоски по теплу и ласке или чисто по-женски высказанной благодарности воину-освободителю.

Утром они расстались. Катя не просила его задержаться еще на денек-другой, хотя по ее глазам Павел видел, что ей очень этого хочется, — она понимала, что он должен идти. Она проводила его до шоссе, а когда Дементьев остановил попутную машину, поцеловала его, и Павел заметил на ее щеках ручейки слез.

— Захочешь меня увидеть, адрес знаешь, — сказала Катя на прощанье, а потом долго стояла у обочины и махала платочком вслед уходящей машине.

* * *

К вечеру того же дня цепочка случайных встреч закончилась — Дементьев нашел свой дивизион. И только теперь он узнал, что капитан Виктор Мироненко погиб седьмого июля, в тот самый день, когда ранили Павла, и что дивизионом теперь командует Василий Власенко, бывший комбат-три, позже заместитель комдива. Он очень обрадовался, увидев Дементьева, — дивизион так и воевал с тех пор без начальника штаба, — и рассказал, что Мироненко разорвало на куски снарядом, когда «тигры» мяли железными лапами позицию третьей батареи. Его похоронили вместе с сержантом Зинченко, в том же бою бросившимся под танк. Обоих похоронили символически — по сути, хоронить было нечего.

«Для Виктора укус «тигра» оказался смертельным, — подумал Дементьев, услышав эту печальную новость. — А ведь могло быть и наоборот: он сам отправился бы на огневую второй батареи, а меня бы послал на третью... Случайность?».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПОЛКИ ИДУТ НА ЗАПАД

*От границы мы землю вертели назад,
Было дело сначала,
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала
Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке
Владимир Высоцкий «Мы возвращаем землю»*

Научившись к сорок третьему году грамотно обороняться, к сорок четвертому году советская армия научилась и грамотно наступать, противопоставляя свое выстраданное русское воинское умение убийственному умению прусской военной школы. Горькое время

бессмысленных атак от отчаяния, неумения или из проросшего в атмосфере тридцатых годов страха перед начальством, кончилось. Конечно, были ошибки, и случались неудачи, — война есть война, — но в целом русская армия воевала уже не числом, а умением, приобретенным дорогой ценой на дымных полях первых лет Великой Войны. Спустя много лет поразвелось «историков», бубнящих о советских «полководцах-мясниках», заваливавших врага горами трупов русских солдат и таким варварским способом освободивших пол-Европы и взявших Берлин. Этим горе-историкам стоит вспомнить простую истину, усвоенную генералами всех стран еще в ходе Первой мировой: в эпоху пулеметов и скорострельных пушек невозможно завалить врага трупами, как ни старайся.

Люди, весьма изобретательные по части уничтожения себе подобных, в двадцатом веке научились прошивать пулеметами любую толщу прущих в атаку, сколько бы их ни было, и смешивать снарядами дальнобойных орудий любое количество полков с любым количеством земли. Людских ресурсов даже такой громадной страны, как Россия, не хватило бы, чтобы переловить телами солдат все пули и снаряды, производимые военными заводами Германии и всей Европы, покоренной Гитлером. И даже если принять на веру бредовое измышление, что Жуков², Конев, Рокоссовский и другие-прочие были маньяками-садистами, получавшими патологическое удовольствие от уничтожения своих же собственных солдат, они не могли быть полными крестинами, уповавшими только на то, что у оборонявшихся немцев когда-нибудь кончатся патроны. Им, как и любым военачальникам любой армии, нужна была победа, а таким способом победы не достичь никогда. Так пусть же уймутся «правдоискатели», обуреваемые амбициями, густо замешанными на кондовой ненависти ко всему русскому, перестанут претендовать на владение истиной в последней инстанции и прекратят свои подленькие пляски на костях павших русских воинов. Хотя это — вряд ли...

* * *

² Мнение, что Жуков был «мясником» и равнодушно относился к людским потерям, противоречит приказам самого Жукова. Вот выдержки из его приказов:

27 января 1942 года

Невыполнение задач 49-й армией, большие потери в личном составе объясняются исключительной личной виновностью командиров дивизий, до сих пор грубо нарушающих указание т. Сталина и требование приказа фронта о массировании артиллерии для прорыва, о тактике и технике наступления на оборону в населенных пунктах. Части 49-й армии много дней преступно ведут лобовые атаки на населенные пункты Костино, Острожное, Богданово, Потапово и, неся громадные потери, не имеют никакого успеха.

Каждому элементарно военному грамотному человеку должно быть понятно, что вышеуказанные села представляют очень выгодную и теплую оборонительную позицию. Местность перед селами — с полным обстрелом, и, несмотря на это, на одном и том же месте продолжают преступно проводимые атаки, а как следствие тупости и недисциплинированности горе-организаторов, люди расплачиваются тысячами жизней, не принеся Родине пользы.

Если вы хотите, чтобы вас оставили в занимаемых должностях, я требую:

Прекратить преступные атаки в лоб населенного пункта;

Прекратить атаки в лоб на высоты с хорошим обстрелом;

Наступать только по оврагам, лесам и малообстреливаемой местности;

Немедленно прорваться между населенными пунктами и, не задерживаясь на их окончательном овладении, завтра же захватить Слободу, Рассвет и вклиниться до Левшина.

Исполнение донести мне к 24.00 27.1

7 марта 1942 года, Захаркину:

Напрасно вы думаете, что успехи достигаются человеческим мясом, успехи достигаются искусством ведения боя, воюют умением, а не жизнями людей.

15 марта 1942 года

В армиях Западного фронта за последнее время создалось совершенно недопустимое отношение к сбережению личного состава. Командармы, командиры соединений и частей, организуя бой, посылая людей на выполнение боевых задач, недостаточно ответственно подходят к сохранению бойцов и командиров, Ставка за последнее время Западному фронту дает пополнение больше других фронтов в 2–3 раза, но это пополнение при халатном, а иногда преступном отношении командиров частей к сбережению жизни и здоровья людей недопустимо быстро теряется, и части вновь остаются в небольшом некомплекте.

Павел Дементьев быстро втянулся в привычную жизнь дивизиона. После тяжелых и кровопролитных боев на Курской дуге, под Харьковом, Ахтыркой и Богодуховом, Первая танковая армия была выведена в резерв Ставки и переброшена в район города Сумы.

Минуло короткое «бабье лето», и наступила золотая осень. Деревья в садах гнулись под тяжестью яблок и груш, непонятным образом не сорванных военной грозой, — природа как будто презирала войну и утверждала торжество жизни над смертью.

В дивизион снова прибыло пополнение, и капитан Дементьев снова учил молодых солдат жестокой науке убивать, оставаясь при этом в живых. Забот у него более чем хватало — Власенко, будучи родом из Сумской области, выпросил у Липатенкова короткий отпуск, чтобы повидать родных. Когда комдив вернулся, Дементьеву стало полегче, и он, улучив пару часов, наконец-то навестил Юру Гиленкова, которого не видел с июня месяца.

Но, похоже, его «дружественный визит» пришелся не ко времени: Гиленков, обычно спокойный и выдержанный, на все корки распекал командира батареи старшего лейтенанта Озерова, стоявшего перед ним навытяжку. Увидев Дементьева, Юрий поумерил свой гнев и бросил комбату: «Свободен! Но мы с тобой еще поговорим!».

Однако успокоился Гиленков далеко не сразу и в офицерской землянке, куда они зашли с Павлом, продолжал метать молнии в адрес старшего лейтенанта.

— Да что он у тебя натворил? — не выдержал Дементьев. — На «катюше» по бабам поехал, что ли?

— Хуже. В Остапа Бендера решил поиграть, сукин сын!

— Как это?

— А вот так, — ответил Юра и, поостыв, пустился в разъяснения. — Мы тут устроились с размахом, как положено: землянки вырыли, сам видишь, — он обвел рукой уютное нутро офицерского блиндажа, — служебные помещения выстроили, гараж для обслуживания машин и прочей техники, словом, целый военный городок соорудили. А этот гешефтмахер, мать его за ногу, все это взял и продал — на корню!

— Продал? — изумился Павел. — Кому?

— Местным властям. Когда мы уйдем, все наши строения и так к ним перейдут, но распределять их — кому какую землянку и подо что — будет уже местная администрация. А наш доморощенный Остап Бендер нашел людей, кому эти наши землянки-временки нужны позарез, и сговорился с ними: вы мне денюжки, а я вам бумагу с печатью и подписью — мол, куплено все это у военных на законном основании, так что наше это все, кровное. Сколько он за эту аферу денег получил, я еще не знаю, но дознаюсь — дело-то серьезное, трибуналом пахнет!

— Да, дела... И откуда у этого твоего старлея такая коммерческая жилка?

— А пес его знает! Озеров из беспризорников, жизнь его крепко была и ломала, вот он и привык бороться за выживание. Так-то он мужик неплохой, воюет храбро. И пробивной, где чего достать — это к нему, сделает все в лучшем виде. А тут такая незадача...

Подумав, Павел посоветовал другу не раздувать конфликт.

— Пусть этот твой спекулянт все деньги, что он получил, сдаст в штаб дивизиона — используйте их на благо всего личного состава.

— Верно, — согласился Гиленков, — это выход! Спасибо тебе, Паша, надоумил.

Возвращаясь к себе в дивизион, Дементьев думал о случившемся. «И откуда только что берется? — размышлял он. — Откуда появляется в человеке жадность ненасытная — не с голодухи же этот бывший беспризорник решил руки согреть!». И вдруг в его сознании негромко, но отчетливо зазвучал голос: «Этот человек мог бы стать настоящим воином, но торговец победил в нем воина. И бросил он булат, и протянул руку свою к злату. Такое не прощается...». Павел завертел головой, пытаясь увидеть говорившего, но лесная дорога была пуста, и в машине не было никого, кроме него. После случая с внутренним маятником Дементьев стал куда серьезнее относиться ко всем этим голосам и видениям, и ему стало не по себе. А когда в сорок четвертом он узнал, что старший лейтенант Озеров подорвался на

мине вместе с Сидоровичем и погиб, он вспомнил осень сорок третьего.

«А ведь голос тот правду сказал» — подумал тогда Павел.

* * *

В октябре сорок третьего капитан Дементьев за бои на Курской дуге получил орден Красной Звезды, а в ноябре армия Катукова вошла в состав 1-й Украинского фронта. Бригада Липатенкова, называвшаяся теперь девятнадцатой гвардейской механизированной бригадой, в конце ноября погрузилась в эшелоны и двинулась через Конотоп, Бахмач и Нежин к Киеву, недавно освобожденному нашими войсками. Выгрузившись в Дарнице, Днепр переходили по наплавному мосту, под которым тяжело колыхалась маслянисто-свинцовая вода, — старый мост взорвали немцы.

Киев был сильно разрушен — в центре, на Крещатике, вряд ли можно было отыскать хоть один целый дом. Полуразвалившиеся стены, разбитые колонны, груды щебня и бревен — отступая, немцы методично взрывали целые кварталы, оставляя за собой сплошные руины.

Дракон был недоволен тем, что из его пасти вырвали древнюю столицу Руси. Немцы нанесли контрудар в районе Житомира-Казатина-Фастова и оттеснили наши войска почти на сорок километров. Семь полевых армий и танковые армии Катукова и Рыбалко должны были усмирить огрызавшегося Зверя и освободить Житомир.

К середине декабря сорокадвухтысячная армия Катукова, имевшая около шестисот танков, вышла на исходный рубеж у реки Ирпень, правого притока Днепра. Погода резко ухудшилось, морозящий мелкий дождь сменился крупными хлопьями снега. Техника вязла в грязи, но наступление на Казатин и Жмеринку все-таки состоялось — танковые бригады Первой армии шли вперед, торопясь захватить переправы через Ирпень. Они продвигались так быстро, что заставляли врасплох немецкие гарнизоны и местную полицейскую власть — ни с теми, ни с другими танкисты не церемонились.

Отступая, немцы все-таки успели взорвать часть переправ, и пока наши саперы строили новые, дивизион Дементьева отбивал контратаки немцев, пытавшихся помешать русским перейти Ирпень. Освобождение Украины продолжалось — новый, сорок четвертый год артиллеристы встретили в Казатине.

* * *

Среди бывших беспризорников попадались самые разные люди, а среди разведчиков Первой танковой армии было немало ребят с уголовным прошлым. Именно таким парнем был старший лейтенант Владимир Подгорбунский, с которым Дементьев познакомился в декабре сорок третьего, хотя слышал о нем и раньше — о Подгорбунском ходили легенды.

...Как-то зимой, когда дивизион был на марше, дверь штабной машины распахнулась — прямо на ходу, — и в машину шумно ввалился парень лет двадцати пяти, громогласно воскликнувший: «Здорово, пушкар! Гостей принимаете?».

— О, Володя! — приветствовал его Власенко. — Таким гостям мы всегда рады!

Дивизион выходил в район сосредоточения, время было, и все эти дни разведчик жил в штабной машине. Его кормили и поили, а он рассказывал о своих приключениях, причем без всякого хвастовства, в чем Павел не раз имел возможность убедиться.

Был Подгорбунский сиротой, беспризорничал, скитался по всей стране, побывал в детдоме, сидел в тюрьме, служил в армии механиком-водителем. К девятнадцати годам он набрал по всем приговорам тридцать шесть лет заключения — бежал, его ловили, набавляли срок, а он снова бежал, его снова ловили и снова добавляли годы лагерей. Но перед самой войной как отрезало — словно почуял бродяга надвигавшееся злое нечто. Завязал, написал из лагеря письмо Калинину и попросился в армию. Ему поверили, и не ошиблись. Воевал он с первых дней, отступал от самой границы, в разведку попал после очередного (немецкие

пули и осколки попятнали его шесть раз) ранения, удрав из госпиталя. Бродила в нем хмельная кровь викингов и лихих степных разбойников — воевал Володя Подгорбунский дерзко и даже бесшабашно, ошеломляя всех своей отвагой и неизменной удачей.

Катуков лично давал ему самые трудные задания, и Подгорбунский их выполнял. В рукопашной откусил нос немецкому унтеру, на Курской дуге проник с разведчиками в тыл врага, вытащил из подбитого танка и вынес на руках раненого друга. Зимой сорок третьего с двумя танками ворвался в Казатин, на вокзале разнес прямой наводкой пассажирский поезд с немецкими солдатами и офицерами, спас тысячи русских людей, угоняемых в рабство. Затем устроил засаду на выезде из Казатина и прицельно бил отступающие немецкие танки и машины, пока не подошли наши танкисты — полк Ивана Бойко. Получил он за этот подвиг звание капитана и звезду Героя Советского Союза, но не зазнался, а остался таким, каким и был — страшным в бою и разухабистым в гульбе. За выполнение заданий Володя частенько получал по десять суток отпуска, но не было у него ни семьи, ни родных и близких, и потому проводил он эти отпуска на фронте, где все его знали, переезжая из части в часть, — так и попал он в штабную машину 461-го артиллерийского дивизиона в декабре сорок третьего.

С тех пор Дементьев не раз встречался с Подгорбунским на дорогах Великой Войны. В июле сорок четвертого, в Польше, возле небольшого фольварка, дорогу артиллерийскому дивизиону перекрыли две «тридцатьчетверки» разведчиков Подгорбунского, прижучивших немецкий обоз.

— Притормози, — приказал Павел водителю. — Пойду посмотрю, в чем там дело.

Обозниками оказались не немцы, а власовцы, одетые в немецкую форму. Дементьев еще подходил, когда Подгорбунский на его глазах сгреб одного из них за грудки и с силой ударил головой о танковую броню. Власовец мешком осел на землю, оставляя на борту танка жирный кровавый след, а Подгорбунский выхватил из кобуры пистолет и в упор пристрелил другого пленного.

— Володька, уймись! — Павел схватил его за плечо. — Мы же не фашисты, пусть их судит трибунал!

Подгорбунский повернул к нему свое лицо, искаженное ненавистью, и прохрипел:

— Русь продали, падлы. Они хуже фашистов — зубами загрызу!

Его еле успокоили, и пленных погнали на сборный пункт.

— Если эта мразь будет хорохориться, — приказал Владимир автоматчикам охраны, — стрелять без предупреждения!

Эта была их последняя встреча, но на всю жизнь запомнил Дементьев другую встречу с Володей, случившуюся раньше, в мае сорок четвертого.

* * *

...Солнце уже грело всю. Пользуясь передышкой между боями, бойцы грелись на солнышке, а кое-кто даже полез купаться, хотя вода в Днестре была еще по-весеннему холодна. Гостивший у артиллеристов Подгорбунский снял гимнастерку и, жмурясь, словно сильный и ловкий кот, подставил солнечным лучам свое крепкое мускулистое тело.

— Хорошо, — проговорил он, — люблю я, братцы, солнышко, особенно по весне.

А Павел смотрел на Володину гимнастерку, лежавшую на траве. Она лежала плашмя — ее нельзя было согнуть из-за множества наград. Гимнастерка Подгорбунского напоминала доспехи русского витязя, только что вышедшего из жаркой сечи, и красная эмаль орденов казалась застывшими каплями крови. «Да, кольчуга» — подумал Дементьев и услышал голос, ставший для него уже привычным: «Знайте, завтрашнюю битву переживет лишь один из вас. Кто — этого я вам не скажу, чтобы не лишать вас силы духа, но будет так — по-другому нельзя».

...Исчезла река, исчезли дома. Вокруг расстилалась степь, похожая на донскую или курскую; прямо перед Дементьевым высился небольшой холм, на вершине которого стоял старик в белой одежде, державший в руках меч, полыхавший голубым огнем. А Павел стоял

у подножья холма, и одет он был не в форму капитана советской армии, а в кожаную рубаху с нашитыми на ней железными бляхами. И стояли рядом с ним другие молодые воины, и ждали слова вождя.

— Ты дашь нам Меч, отец? — спросил один из них, и Павел с удивлением узнал в нем...Подгорбунского! Это был он, Володька, его глаза, его черты лица, его стать, только у Подгорбунского не было бороды, а этот воин был русобородым.

— Нет, — ответил старик и покачал головой. — Это Зло вы остановите простыми мечами — если очень захотите. А Меч — Меч будет ждать, ждать своего часа...

— Ну что, может, искупнемся, пушкари? — услышал Павел голос Володи и вернулся из мира видений в реальный мир. «Что это было, — подумал он, — и что это значит?».

...Погиб Подгорбунский в августе сорок четвертого, на Сандомирском плацдарме. Пошел в разведку с двумя танками и завяз в бою. Его танк был подбит, он выпрыгнул из горящей машины, будучи уже раненым, тут же получил второе ранение от осколка снаряда и упал возле танка лицом вниз, весь охваченный огнем. И не было рядом никого, чтобы сбить пламя и спасти его. Обгорел Володя так сильно, что потом, когда подросли наши гвардейцы, опознать его смогли только по золотой звезде Героя, которую он грудью прижал к земле.

Всеякие слухи ходили о его гибели. Говорили, что сказал он якобы в кругу друзей: «Или грудь в крестах, или голова в кустах! Или выполню задание и стану дважды Героем, или погибну!». Что ему обещал Катуков за выполнение этого задания, Дементьев, конечно, не знал, но на Катукова, по слухам, давил командующий фронтом — ему срочно нужны были свежие разведданные.

И еще говорили, что Подгорбунский, никогда не ходивший в тыл врага выпивши, на это раз якобы выпил, потому и ввязался в безнадежный и неравный бой — выиграло ретивое, и не захотел он показать немцу спину. Может, было и это, и сыграло оно свою роковую роль, но всю правду знал только капитан Павел Дементьев. Вскоре после гибели Подгорбунского услышал он знакомый голос: «Этот воин выполнил все, что ему назначено было небом, и час его пробил».

* * *

Люди вообще все разные, хотя внешне они примерно одинаковы, с незначительными различиями вроде роста, телосложения, цвета глаз и волос, а также наличия или отсутствия лысины. Разными были и советские генералы тех лет, несмотря на то, что государственная система старалась выровнять их по стандарту и накладывала на них общий отпечаток.

Отношения между двумя танковыми военачальниками — Катуковым и Кривошеиным — были сложными. Кривошеин имел не меньший опыт руководства танковыми частями и соединениями, чем Катуков: воевал в Испании, окончил бронетанковую академию, затем преподавал в ней тактику и считался советским теоретиком танкового боя. А у Катукова за плечами не было высшего образования — он закончил только курсы «Выстрел» и КУКС — курсы усовершенствования комсостава. Оба командира участвовали в походе на Польшу в тридцать девятом, оба командовали танковыми бригадами. В Польше Кривошеин занимался и дипломатией — улаживал с немцами спорные вопросы по демаркационной линии. Там он встречался с Гудерианом, и когда немцы спешно покидали Брест, Кривошеин участвовал в их проводах и в прощальном параде. Катуков же считал ниже своего достоинства «якшаться с фашистами». Возможно, тогда у комбрига Катукова и появилась неприязнь к комбригу Кривошеину, носившему ушки «а ля Гитлер».

Хотя дело, конечно, не в усах, а в разном подходе этих двух полководцев к теории и практике танкового дела и в личном соперничестве: военачальники всех времен и народов, как правило, были честолюбивы. Разногласия между Кривошеиным и Катуковым появились на Курской дуге и резко обострились после нее. Кривошеин критиковал действия Катукова на самом высоком уровне — в Генштабе — и написал в Москву докладную записку, в

которой указывал на недостатки, замеченные в Первой танковой. Прибыла авторитетная комиссия, долго разбиралась, но Катуков остался командармом — его авторитет в глазах Сталина был очень высок. Кривошеин, метивший на место Катукова, проиграл «подковерную» борьбу.

Катуков не простил Кривошеину попытки «подкопа», и точка в их соперничестве была поставлена в ходе зимнего наступления на Украине. Отходя из Попельни, немцы торопились вывезти награбленное и угнать в Германию эшелоны с молодыми украинскими рабами. Катуков подгонял Кривошеина, требуя от него как можно быстрее двигаться на Попельню и отрезать немцам пути отступления. А тот замешкался (по какой причине — это уже неважно), и Катуков тут же дал волю своему гневу. В результате в январе сорок третьего комкор Кривошеин был смещен, а восьмой механизированный гвардейский корпус принял его заместитель, полковник Дремов, вскоре ставший генерал-майором. Так у капитана Дементьева появилось новое корпусное начальство.

Генерал Иван Дремов был типичным краскомом «генерации тридцатых» — офицеры, подобные Липатенкову, были среди них явлением редким. Среднего роста, широкоплечий, плотный, с простецким грубоватым лицом, упрямым подбородком, черным ежиком волос и злыми глазами-бурачиками, Дремов походил на околоточного времен сгинувшей империи Романовых. Когда «его превосходительство» был в гневе, а в гневе он был практически всегда, особенно во время боя, лицо его становилось зверским, и бил «товарищ» Дремов тогда палкой всех, от комбригов до лейтенантов.

Драться — это вообще была «привилегия» славных советских генералов, большинство из которых, в полном соответствии со своим интеллектом, ходило с палками и при первой возможности пускало их в ход, не брезгуя, однако, и простым кулаком. Палка была для них «табельным оружием», применяемым гораздо чаще, чем пистолет, по большей части мирно спавший в генеральской кобуре. Хорошо владели палкой и кулаком Катуков, маршал Конев и многие другие генералы — так хорошо, что капралы армии Фридриха, короля прусского, от зависти корчились в гробах.

Революцию семнадцатого года делали внуки крепостных крестьян, и сидела у них в генах память о барских батогах, веками гулявших по спинам их прадедов и прапрадедов. И они, выйдя из грязи в князи, но не обретя при этом культуры военных аристократов, щедро лупили палками своих подчиненных. Причем били они не рядовых солдат и сержантов — чай, не проклятый царский режим! — а исключительно офицеров, демонстрируя «демократизм» по отношению к «народу».

Жалобы на «палочный произвол воевод» были нередки, жаловались, насколько было известно Дементьеву, и на Дремова. Но жалобы эти не доходили ни до Сталина, ни до ЦК ВКП(б), ни до московской Контрольной комиссии — бдительная военная цензура ревниво оберегала «палочное право» и «палочный авторитет» генералов. А иногда жалоба попадала в руки того, на кого она была написана, и тогда «обжалованный» изламливал «жалобщика» и разбирался с ним приватно, в зависимости от погоды, расположения звезд на небе и на погонах, обстановки на фронте и собственного настроения на момент изламливания. С тех пор, наверное, и появилась у молодых русских офицеров поговорка: «Кривая произвольной формы всегда короче прямой, проходящей в непосредственной близости от начальства».

Но русские полки шли на запад, и гнала их туда обида за родную землю, а не палки генералов, и уж тем более не пресловутые «заградотряды НКВД».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ВПЕРЕДИ — ГРАНИЦА

*С опаской окнами на них взглянули хаты,
И вышли женщины с опаскою в глазах*

Девятнадцатая гвардейская механизированная бригада шла на запад по зимнему снегу,

хрустевшему под колесами тягачей как сухой валежник. Мост через реку Соб уцелел, он оказался крепким, но без перил, и подходы к нему обледенели. Карабкавшаяся на мост «тридцатьчетверка» поскользнулась и, перевернувшись, ухнула в воду башней вниз, шевеля гусеницами, как шевелит лапками жук, опрокинутый на спину.

— Водителям — соблюдать осторожность! — передал по колонне капитан Власенко. — А то купаться вроде как еще рановато. Но и не мешкать, — добавил он, поглядывая в хмурое зимнее небо, — а то заявятся гости незваные.

Комдив, что называется, накаркал. Откуда ни возьмись, выскочила пара «фоккеров» и атаковала танки, шедшие впереди. Павел уже ожидал увидеть горящие машины — горькое зрелище, столько раз виденное им в тяжелом сорок втором, — но не тут-то было. Зенитчики не сплеховали и встретили немцев дружным огнем. Один истребитель загорелся и врезался в берег, второй, образумившись, вильнул в сторону и скрылся.

Перейдя реку, дивизион на малом газу двинулся к деревне Фердинандовка, готовый в любую минуту развернуться и поддержать огнем шедшие впереди танки.

Не понадобилось — село взяли без боя. Железнодорожная станция Фердинандовка была связана с Винницей и Жмеринкой, и почти одновременно с появлением на перроне советских солдат туда подкатил немецкий санитарный эшелон. Краткий, но содержательный диалог танка с паровозом для последнего кончился печально: паровоз, подбитый первым же выстрелом танкового орудия, встал как вкопанный, жалобно свистя паром, вырывавшимся из его простреленного железного брюха. Поезд шел к фронту и оказался пустым — в его вагонах находились только врачи и с десятков немецких тыловых чинов, — зато в хвосте состава были прицеплены несколько вагонов со скотом, птицей и продуктами. Лакомый кусочек вызвал у бойцов живейший интерес, и Дементьеву (пока Власенко разбирался с пленными) пришлось ставить у вагонов охрану: делить трофеи было некогда — немцы в любой момент могли контратаковать.

Развернув одну батарею на винницкое направление, Павел с несколькими бойцами обшарил всю станцию. В здании вокзала их явно не ждали — немецкий персонал спокойно продолжал заниматься своим делом (но руки поднял очень дисциплинированно). Попытку «сопротивления» попробовал оказать только начальник станции: он рывкнул что-то грозное, когда Дементьев без стука распахнул дверь в его кабинет. Тем не менее, кровопролития не последовало: увидев звездочки на ушанках и ПППШ, взятые наизготовку, немец сбледнул с лица и сдался без боя.

Обстановка оставалась неясной. Впереди, за деревней, шел бой, и Власенко приказал разгрузить вагоны, скот отогнать в тыл, а продукты разделить между батареями и раздать местному населению.

Когда Дементьев, проверив готовность батарей к обороне, вернулся к захваченному эшелону, там уже шла веселая суeta. Солдаты облепили вагоны, словно муравьи толстую гусеницу, сдуру заползшую в муравейник. Из продуктового вагона они вытащили несколько ящиков с керамическими бутылками. Бутылки были украшены витиеватыми этикетками и содержали темную жидкость неизвестного назначения. Жидкость пахла приятно, но смущала керамическая тара, а знатоков немецкого языка среди солдат не водилось.

— Может, это средство от вшей, — предположил один из бойцов, — санитарный эшелон все-таки. Выпьешь — и волосы вылезут на всех местах. Или вообще яд какой-нибудь...

— А пахнет вкусно, — заметил другой, принюхиваясь к раскупоренной бутылки.

— Надо смочить кусок хлеба и дать собаке — вот и проверим!

— А где ты собаку возьмешь? Они от стрельбы попрятались все кто куда!

Последователь академика Павлова сконфуженно умолк и поскреб затылок — бросить или вылить ароматное зелье рука не поднималась.

Дегустатор нашелся — им оказался пожилой усатый солдат-пехотинец с обветренным лицом, неопровержимо свидетельствовавшим о том, что за свою жизнь «доброволец» беспощадно «приговорил» не одну бутылку спиртного. Он долго принюхивался, осторожно

попробовал зелье кончиком языка, а потом глубоко вздохнул и заявил:

— Эх, была не была! Пострадаю за общество! Ежели что, отпишите родным — погиб, мол, за Родину! Геройски! — солдат внушительно поднял палец.

Сделав это свое патетическое устное завещание, пехотинец наполнил таинственным снадобьем алюминиевую кружку и поднес ее к губам. Наверно, ни один цирковой номер не вызывал у зрителей столько эмоций — за процессом дегустации напряженно следило человек тридцать. Солдат покачнулся, и кто-то охнул, ожидая, что «страдалец за общество» вот-вот рухнет бездыханным. Но вынос тела не состоялся — осушив кружку, усатый обвел публику повеселевшим взглядом.

— Ну, как она, зараза? — нетерпеливо спросили его.

— Не понял, налейте еще! — прогундосил «страдалец».

Опорожнив вторую кружку, боец счел эксперимент законченным, вытер усы и выдал заключение: «Годится!».

После этого дегустация приняла массовый характер. Распробовав душистый напиток — это оказался бальзам, который добавляют в чай или кофе, — солдаты быстро растащили все бутылки по мешкам и карманам: непрерывавшаяся канонада на западе не располагала к немедленному застолью.

По приказанию Дементьева его штабная братия приняла посильное участие в дележке трофеев. Писаря четко справились с поставленной задачей: только они погрузили в крытый штабной вездеход последний ящик с консервами, как раздался зычный голос Власенко:

— Кончай барахолить! По машинам!

Дивизион быстро выстроился в походную колонну и двинулся дальше.

* * *

К утру колонна достигла большого винницкого села Байраковка. Село еще спало — даже собаки не лаяли. Шум моторов разбудил спящих — от домов потянуло печным дымком, у колодцев появились женщины с ведрами. Одна из них остановилась у машины Дементьева и стала рассматривать незнакомую форму — ее явно смущали погоны. Павел открыл дверцу и вышел из вездехода.

— Здравствуйте, мамаша!

— Здравствуйте, — ответила она, ощупывая его взглядом. — Вы кто — бандеровцы?

— С чего вы взяли? Русские мы, Красная Армия! Звездочки видите?

— Партизаны?

— Да нет же, армия. Регулярная Красная Армия — наступаем, гоним немцев восвояси!

— Красная Армия... — эхом отозвалась женщина. — Пришли... Наконец-то... Сынки...

Женщину словно подменили — порывисто обняв Павла, она тут же кинулась будить спавших соседей. Захлопали двери и калитки, и хозяйки в расшитых колушках, валенках и цветастых платках понесли к машинам домашнюю снедь: сало, хлеб, колбасу, корзинки с яблоками. Звучал смех, и русская речь мешалась с украинской — русские встречали русских.

Женщина, первой встретившая в центре села колонну дивизиона, вернулась с двумя ведрами аппетитных сочных яблок и бутылкой самогона.

— Примите, сынки, — сказала она, — как уважение наше.

Яблоки, несмотря на зимнее время, источали душистый аромат. Фрукты Павел взял охотно, а от самогона начал отнекиваться — это, мол, нам ни к чему.

— Товарищ капитан! — взмолился водитель. — Зачем обижать человека, она же ведь от души! А если к нам гости приедут — чем угощать будем? Давайте вашу бутылочку, мамаша.

Павел усмехнулся, и трехлитровая «бутылочка» — четверть самогона — мигом исчезла в объемистом багажнике штабного вездехода.

Пора было трогаться в путь, но заправщики запаздывали, и артиллеристам пришлось

задержаться в гостеприимном селе. Выставив боевое охранение, Дементьев с политруком и несколькими бойцами прошел по селу. Заглянули в местную управу — полицейских давно и след простыл, только валялись на столе брошенные впопыхах бумажки, и висел на стене над столом начальника полиции портрет Гитлера. Один из разведчиков вскинул автомат и прошил портрет очередью — только осколки стеклянные брызнули. Стоявший в углу сейф вскрыли с помощью толовой шашки — там оказались документы и немного денег: немецкие марки и советские рубли. Комиссар углубился в изучение бумаг, деликатно «не заметив», как деньги быстро разошлись по карманам бойцов. Впрочем, их в сейфе и было-то всего ничего.

Заправщиков все не было. Дивизион остался в Байраковке на ночлег, и Дементьев с заместителем комдива Семеновым из любопытства решили попроситься переночевать в каком-нибудь доме. Власенко от этой затеи отказался, заявив, что ему уютно и в своей машине, а политрук мотивировал свой отказ необходимостью последить за бойцами: «Чтобы не баловали — мужиков-то в селе не видно, одни девки да бабы, в том числе и молодайки. А мы Красная Армия, и встретили нас радушно — нельзя портить впечатление».

Мужиков действительно видно не было — кто был мобилизован еще в начале войны, кто ушел в партизаны, а кто и к бандеровцам, в батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», в УПА или к сечевикам атамана Бульбы-Боровца. Всякое было на Украине в сорок четвертом году, и брат стрелял в брата, как в гражданскую.

Павел и Семенов постучались в дом к пожилому селянину, издалека наблюдавшему за колонной. Хозяину было лет шестьдесят, но он был крепок, как кряжистый дуб, и говорил медленно, взвешивая каждое слово. И хозяйство его было крепким — Дементьев, росший в деревне, отметил добротное подворье и мычащую, хрюкающую и кудахчущую живность. Да и все село, насколько успел заметить Павел, было зажиточным.

Гостей «кулак» встретил приветливо. Его черноглазая хозяйка, выглядевшая заметно моложе своего мужа, проворно собрала на стол, украсив гору снеди четвертью самогона. Самогон офицеры только пригубили — из вежливости, — зато домашней колбасе с чесноком воздали должное. Говорили о разном, но более всего хозяина интересовал вопрос: «Что будет при Советах — колхозы или единоличное хозяйство?». Услышав от Семенова, что при Советской власти повсеместно будут колхозы, он заметно помрачнел, сказав, что немцы разогнали колхозы и разрешали вести собственное хозяйство при условии исправной уплаты налогов.

И Дементьев понял, что тревожило крестьянина. Он вспомнил, какой вой стоял в его родном селе и по всей Рязанщине, когда началась коллективизация: тех, кто «добровольно» не желал записываться в колхоз, объявляли врагами и отправляли на Север или в Сибирь на «перевоспитание». И детским своим умишком Павел понимал — творится что-то страшное и несправедливое. Его отец принял тогда мудрое решение: быстро распродал всю свою живность, ликвидировал хозяйство и увез жену и девятилетнего Пашу в Ленинград, где сам он работал на мясокомбинате. И еще неизвестно, как сложилась бы судьба Павла, не окажись его отец таким сообразительным...

За столом воцарилась неловкое молчание. К счастью, появился вестовой и доложил, что бензозаправщики прибыли, и что скоро можно будет продолжать движение. Семенов вышел первым, а Павел задержался и, обернувшись, спросил хозяина:

— Так что, отец, при немцах было лучше? Говори прямо, не бойся, я никому не скажу — мне самому знать надо.

Селянин помолчал, а потом тяжело посмотрел на Дементьева и сказал — негромко, но твердо:

— Воля из чужих рук горше неволи оказаться может. Пусть уж лучше будут русские — свои. Храни тебя Господь, сынок, от пули вражьей.

...Западные историки никак не могли уразуметь, почему русские крепостные мужики встретили Наполеона, собиравшегося дать им волю, не объятьями да поклонами, а дубьем да топорами. И в оправдание своего непонимания придумали они сказку о том, что русский человек — раб по натуре, и что не свобода ему нужна, а батюшка-барин с большим кнутом и

с маленьким пряником...

* * *

Сплошной линии фронта впереди уже не было — корпус углубился в немецкий тыл, и дивизион Власенко шел следом за танковыми и механизированными бригадами все дальше и дальше, приближаясь к румынской границе. Шел осторожно, прощупывая разведкой каждый шаг и каждое встреченное село, чтобы не напороться на немецкий опорный пункт. Немцев видно не было, и только в селе Сутиски, на берегу Южного Буга, разведчики накрыли группу местных полицейских.

— Реку мы перешли по льду, — докладывал командир разведки по возвращении, — постучались в крайнюю избу. Открыла девчонка лет десяти — тощая, бледная. «Бить будете?» — спрашивает. Я так и сел! Оказывается, там у них полицаи лютовали, мордовали селян. В школе они обосновались, человек десять их было, — ребенок показал, куда идти. Забросали полицейских гранатами — только клочья полетели. А дальше мы не пошли — там уже румынская территория начиналась. Утром снова перешли реку и вернулись.

Разведчик оказался дипломатом, а вот немцы — нет. Немецкая часть, преследуемая по пятам нашими танками, попыталась проскочить мимо румынских пограничных постов на территорию «Великой Транснистрии» — так румыны называли часть Украины, переданной Гитлером Румынии. Бдительные стражи границы не пропустили «союзников», потребовав от них формального соблюдения пограничного режима. Взбешенные гитлеровцы развернулись в цепь и атаковали румын. Между ними завязался бой. Подоспевшие русские танкисты быстро навели порядок — не вдаваясь в тонкости пропускного режима, разнесли в пух и прах и тех, и других, и на этом пограничный инцидент был исчерпан.

Разворачивать орудия и вступать в бой дивизиону не приходилось: танки шли вперед так быстро, что пушки за ними еле успевали. 1-я гвардейская танковая бригада Горелова с ходу захватила село Жуковцы и превратила там в металлолом с мясной начинкой колонну немецких машин и тягачей с пушками на прицепе, затем ворвалась в Жмеринку, обстреляла эшелон с танками, потом добралась до аэродрома и растоптала на летном поле несколько бомбардировщиков.

Но постепенно сопротивление немцев нарастало, а продвигавшиеся вперед советские части, прошедшие с боями около трехсот километров, выдыхались. Закрепиться в Жмеринке Горелову не удалось: сороковая танковая бригада полковника Веденичева не смогла его поддержать, отбивая под Гнивань яростные контратаки противника, подтянувшего свежие силы. Командующий фронтом генерал Ватутин, связавшись со Ставкой, решил отвести корпуса Гетмана и Дремова к реке Соб и там перейти к обороне.

Вся вторая половина января прошла в непрерывных боях. Девятнадцатой мехбригаде приходилось туго, и орудия 461-го артдивизиона работали с той же интенсивностью, как в сорок втором и сорок третьем годах. Особенно запомнился Дементьеву бой у села Ободное, где дело дошло до рукопашной. В этом бою погиб водитель штабного вездехода Василий Поликарпов, и Павлу пришлось самому садиться за руль и месяц водить полугусеничный — вместо задних колес у него были гусеницы с резиновыми траками — трофейный «Мерседес-Бенц», пока в дивизион не прислали нового шофера. На недоеденных сочных яблоках из села Байраковки запеклась кровь Василия, и разбили немецкие пули трехлитровую «бутылочку» самогона, так и не дождавшуюся гостей...

В январских боях тяжелые потери понесли и танкисты Первой армии. Под Полтавой, у местечка Липовец, погиб славный командир 64-й бригады подполковник Александр Бурда. С ним Павел познакомился еще в калининских лесах — на разбитой дороге, где образовалась солидная пробка. Бойцы нервничали, суетились — в любой момент могла нагрянуть немецкая авиация, — и тут на дороге появился незнакомый Дементьеву майор-танкист. Без матерщины и мордобоя он организовал проводку машин, сам вместе с бойцами подталкивал застрявшие тягачи, не по уставу командуя их водителям: «А ну-ка, милок, еще газку! Так

держатель!». И дело пошло на лад: пробка рассосалась как по мановению волшебной палочки. Эти майором и был Александр Федорович Бурда, тогда еще командир танкового полка.

После боев на Курской дуге именно Бурде пришла мысль составить из трофейных «пантер» роту, которую он потом использовал, когда надо было заманить противника в ловушку, под расстрел танковой засады — на эти засады комбриг был большой мастер. И еще был у него в бригаде танк «Т-34», носивший оригинальное прозвище «проститутка». Дело в том, что этот танк дважды захватывали немцы и дважды отбивали наши — вот так и родилась эта обидная для боевой машины кличка. «Проститутка» сгорела в боях под Полтавой, там же погибли и все трофейные «пантеры», и там же сложил голову и сам Александр Бурда. В его танк попало несколько болванок, борт выдержал, но отслоившиеся от удара осколки брони (с внутренней стороны) посыпались внутрь, и один из них угодил подполковнику в живот. Его на танке повезли в госпиталь, но по дороге комбриг скончался и был похоронен в городе Ружин на Житомирщине.

Позже стало известно, что в конце февраля сорок четвертого года был тяжело ранен и командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин. Генерал, ехавший с небольшой охраной, угодил в засаду, устроенную бандеровскими боевиками. Из Москвы к раненому генералу спецрейсом прилетел знаменитый хирург Бурденко, однако у Ватутина началась гангрена, и медицина оказалась бессильной — командующий фронтом умер.

О бандеровцах Павел тогда мало что знал. Ему было известно одно: эти люди воевали на стороне немцев против русских и стреляли в русских солдат. И поэтому он, не вдаваясь в тонкости «национальной идеи» и не разбираясь в оттенках их разномастных вооруженных формирований, немедленно разворачивал орудия и кропил шрапнелями кусты, из которых летели пули, щелкавшие по бортам его тягачей: на войне как на войне.

И капитан Павел Дементьев спокойно смотрел на показательный расстрел дезертира, пытавшегося перейти к немцам. Здоровенного бугая со скрученными за спиной руками и злобно оскаленным ртом вывели перед строем пехотного батальона и подвели к вырытой яме. Комбат приставил ему к затылку пистолет и выстрелил. Перебежчик мешком свалился в яму, и на этом процедура показательного расстрела была закончена.

* * *

— Ну, с праздником! — сказал капитан Атляков, командир минометного батальона, поднимая кружку. — С днем Красной Армии!

Тост поддержали единодушно: и гостям, и хозяевам-артиллеристам — Власенко, Дементьеву, Фролову и Семенову, — выпить за это двадцать третьего февраля, как говорится, сам бог велел.

— Да, — продолжал комбат минометчиков, вгрызаясь в аппетитную колбасу. — А ведь мог бы я, братцы, не сидеть с вами сейчас. И послали бы моим, как положено, похоронку — пал смертью храбрых.

— Все мы под смертью рядышком ходим, — философски заметил Фролов, — война.

— Война-то война, — возразил Атляков, — и убивают на ней, это верно. Плохо, что иногда по дурости убивают, причем по чужой дурости, а не по своей собственной.

— Проясни, — попросил Власенко, на правах хозяина вновь наполняя кружки. — Что и как у тебя стряслось?

— Что стряслось? Немцы с утра пораньше пошли в атаку, лезут со всех направлений. Ну, вы помните, что творилось.

— Помним, — уронил Дементьев.

— Вот я и говорю, — продолжал Атляков, — лезут, значит, фрицы. И вижу я со своего эн-пэ — прут на позиции моего батальона немецкие танки. Ясно как божий день: если они до нас дорвутся, от всех моих минометов останется одно только скверное воспоминание — нам против танков воевать как-то не с руки. Отходить надо, спасти материальную часть и личный состав! Звоню в штаб бригады — доложить обстановку и попросить разрешения отступить.

А трубку берет не Липатенков, а замначштаба бригады, майор Коростелин. Доложил я ему — не шепотом, конечно, танки-то ползут прямехонько на нас. А он мне сонным голосом: «Чего кричишь? Какие танки?». Немецкие, говорю. «Ну и что? — отвечает. — Не знаешь, что с ними делать? Приказываю: танки уничтожить и доложить!». «Как уничтожить? — кричу я ему в ответ. — Чем уничтожить? Минометами?». Трубка молчит — то ли Коростелин там на другом конце провода снова спать завалился, с трубкой в обнимку, то ли дурь ему окончательно в голову вступила. А потом слышу: «Никаких оправданий, уничтожить и доложить, иначе пойдешь под трибунал!». И — тишина. В общем, приказ окончательный и обжалованию не подлежит. Под трибунал идти не хочется, но и умирать, сами понимаете, тоже что-то не тянет. Хорошо, что выскочили тут сбоку наши «тридцатьчетверки», остановили немцев — не дошли они до нас. Ну, за здоровье и за жизнь долгую!

Выпили. Посмеялись, радуясь, что мир вокруг уже полон запахами приближающейся весны, и что безносая снова прошла мимо. А потом снова наполнили посуду и снова выпили — на этот раз за павших товарищей.

Первую танковую армию в очередной раз вывели в резерв Ставки, но капитану Павлу Дементьеву почему-то казалось, что на этот раз отдых будет совсем недолгим. И Павел не ошибся: в первой половине марта сорок четвертого года дивизион вместе с другими частями двинулся за двести пятьдесят километров под Шепетовку — в район сосредоточения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ТАНКОВЫЙ ПРОРЫВ

*Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня
«Три танкиста»*

Посматривая на водителя, Павел вовремя заметил, что тот начинает клевать носом.

— Иди-ка ты поспи пару часов, — приказал капитан, — я сам пока поведу. Выполняй!

Тягачи шли в полной темноте, по бездорожью. Зажигать фары было строжайше запрещено, и шедшие сзади натыкались на тех, кто шел впереди, скрежетало сминаемое железо, а иногда раздавались крики боли — под слепой удар попадали люди. Командиры машин стояли на подножках, а то и сидели прямо на капотах, до цветных пятен в глазах всматриваясь в непроглядную тьму, чтобы избежать столкновения.

Первая танковая армия скрытно выдвигалась в район сосредоточения, хоронясь от воздушной разведки противника. Немцы уже знали: где концентрируются русские танки, там обязательно жди наступления, и поэтому войска двигались по ночам, стараясь как можно дольше оставаться незамеченными.

Под Шепетовкой отдыхали недолго. Оперативная обстановка на Украине позволяла окружить и уничтожить 1-ю немецкую танковую армию, а затем выйти к Карпатам. Армии Катукова — опытной, закаленной и проверенной в боях — в предстоящей операции отводилась важная роль. Некогда было ждать, пока подсохнут дороги — 15 марта 1944 года соединения армии вышли из-под Шепетовки в выжидательный район. Шли за сто километров, утопая в непролазной грязи по колено и по оси, вытаскивая танками застрявшие орудия и тягачи. Боеприпасы везли на лошадях — у Казатина было захвачено множество лошадей, и на них посадили пехоту, используя вместо седел подушки и скатанные шинели. «Мотокавалерия» шла по обочинам, напоминая средневековое войско или запорожских казаков времен Тараса Бульбы.

Сто километров прошли за два дня, невзирая на распутицу. Семнадцатого дня марта месяца главные силы армии подошли к Тернополю, а утром двадцать первого наступление началось.

Не раз и не два видел потом Павел Дементьев в сорок четвертом и сорок пятом годах

начало очередного наступления русских войск, и всякий раз у него замирало сердце при виде этого зрелища.

...Тяжелые бомбардировщики — наши, русские! — шли волна за волной, грохотала крупнокалиберная артиллерия, мешая с грязью передний край обороны немцев, огненными водопадами лились потоки реактивных мин. А на рубеж атаки тем временем уже выходили танки — «КВ» и «Т-34», русское оружие, выкованное русскими руками для сокрушения Зверя. В восемь утра огневой вал артподготовки покатился в глубь немецкой обороны, взлетела зеленая ракета, и вздрогнула земля от рева мощных танковых моторов. Поле стремительно затягивалось сизой дымкой выхлопных газов: десятки и сотни бронированных машин четко и слаженно пошли в атаку. Атакующие танки казались Павлу живыми слитками металла, но теперь эта стальная лавина катилась не с запада на восток, а в обратном направлении.

Артиллерийский дивизион двинулся следом за танками — поддерживать танкистов огнем с закрытых позиций и прямой наводкой доламывать уцелевшие немецкие доты. Успех обозначился почти сразу: оборона немцев была прорвана на глубину от двух до четырех километров. В прорыв тут же устремились мотострелки, расходясь веером, — свежая рана на теле Зверя расширялась, как будто распарываемая ножом. Танковые бригады вырывались на оперативный простор — русский меч вонзался все глубже и глубже.

Передовые группы танков, по три-пять машин в группе, появлялись в глубоком тылу немцев, вносили сумятицу и сеяли панику. А за ними шли танки второго эшелона — эти уже брались за дело основательно, сокрушая тыловые гарнизоны и устилая дороги давленной немецкой техникой. Сказывался опыт предыдущих боев: армия выбрасывала далеко вперед сильные ударные подвижные отряды из состава танковых и механизированных корпусов. Эти бронеартиллерийские кулаки били больно — прокладывали путь основным силам армии, захватывали и удерживали ключевые пункты и транспортные узлы. Танки шли по тылам, а кругом горели деревни — избы, овины, стога. В воздухе кружились миллионы обугленных соломенных соринок и стоял трупный запах — отползавший на запад Коричневый Дракон не мог не гадить, уничтожая за собой все, что только успевал: и дома, и людей...

Немецкая оборона трещала по швам и расплзалась, словно гнилая ткань — прорыв расширился с десяти до шестидесяти километров. Немец сопротивлялся кое-как, огрызаясь слабо и невпопад — куда страшней оказалась подольская грязь, о которой Дементьеву не хотелось вспоминать даже много лет спустя. Даже танки шли по ней с трудом, а машины и орудия приходилось буквально нести на руках — солдаты и офицеры, подоткнув под ремни насквозь промокшие полы шинелей, дружно выволакивали застрявшую технику; скорость движения порой не превышала пяти-шести километров в сутки. Однако и немцам было не легче, к тому же их постоянно долбила с воздуха наши штурмовая авиация — вдоль дорог громоздились уже никому не нужные машины, повозки, пушки, полевые кухни. И от этого зрелища Павлу (и не ему одному) легчало и хорошо на душе — гоним нечисть поганую, гоним!

Двадцать четвертого марта, через три дня после начала наступления, передовые части Первой танковой вышли к Днестру. А за рекой уже видны были вершины Карпат, покрытые белыми шапками то ли снега, то ли меловых отложений.

* * *

Днестр — река серьезная. Двести метров бурлящей воды, набухшей от половодья и кое-где лезущей на берега, не перепрыгнуть и не перейти вброд, а понтонные части отстали из-за чертовой распутицы. Оставались подручные средства — лодки и баркасы, которые удавалось найти окрест, самодельные плоты, железные бочки. Время поджимало — войскам надо было как можно скорее форсировать реку и закрепиться на том берегу, пока немцы еще не опомнились и не пришли в себя. Мотострелки пересекали Днестр на самоделках, но танк в

лодку не поставишь. Выручили разведчики Подгорбунского, угнавшие у немцев понтоны и на танках притащившие их к переправе. Дело пошло быстрее, на противоположном берегу реки появился плацдарм, а тем временем подоспели и наши армейские понтонные части. По наведенному ими мосту потоком пошли танки и артиллерия, с ходу вступающие в бой.

Разведчики захватили небольшой городок Бучач, разгромив местный гарнизон, но тут же запросили помощи — немцы контратаковали. Комбриг Липатенков перебросил к Бучачу дивизион Власенко и 67-й танковый полк.

Колонна артдивизиона встретила танкистов на окраине Бучача — смяв немцев, танки шли дальше. Павел смотрел на грозные боевые машины, на лица командиров и башнеров, по пояс высунувшихся из люков, и думал о том, кто из них вернется живым из стелющегося тумана, в который уходили сухопутные броненосцы, — сопротивление немцев нарастало.

Артиллеристы заняли городок, где размещались тыловые части противника — склады, ремонтные мастерские, пекарни. Бой здесь был уже кончен — Дементьев увидел колонну пленных немцев. Их было человек сто, они брели по улице под охраной всего четырех наших автоматчиков. А вокруг колонны мотыльками увивались местные молодые женщины, с жалостью поглядывая на пленных, выискивая среди них знакомых и пытаясь с ними заговорить.

— Смотри-ка, Василий Прокофьевич, — сказал Дементьев Власенко, показывая ему на пленных и на снующих вокруг них женщин, — не иначе как эти паненки дружков своих сердечных жалеют. Отогнать бы их надо от колонны, а то как бы чего не вышло. Они...

Павел не договорил. Над колонной взвился заполошный крик. Один из немцев тугим клубком выкатился из рядов пленных и опрометью бросился бежать. Он бежал огородами к лесу, начинавшемуся прямо за окраиной городка, не обращая внимания на крики конвоиров. Один из солдат вскинул винтовку — осечка. А немец продолжал бежать, перепрыгивая через невысокие заборчики с легкостью зайца, за которым гонятся собаки. И тут Дементьев увидел то, что можно назвать массовым сумасшествием.

Батарейцы толпой кинулись за беглецом, стреляя на ходу из карабинов и автоматов. Немец упал, а они подбежали к нему и начали яростно бить его ногами и прикладами.

— Назад! — закричал Павел, подбегая к ним — Прекратить! Вы что, с ума посходили?

Солдаты словно очнулись от безумия. Они расходились, отводя глаза, а Дементьев подошел к упавшему немцу. Его передернуло — за считанные минуты пленного превратили в кровавое месиво, лишь отдаленно напоминавшее человека. Немец еще дышал, пузырьки воздуха прорывались сквозь кровавую лепешку, оставшуюся от его лица, но Павел видел, что несчастный уже не жилец на этом свете — в измолотом теле немца наверняка не осталось ни одной целой кости. Немного поколебавшись, Дементьев вытащил из кобуры пистолет и дважды выстрелил в большое и грузное тело пленного, прекращая его мучения.

«Какая это страшная штука — ненависть, вырвавшаяся на свободу, — подумал он, пряча оружие, — и как быстро опьяненный ею человек перестает быть человеком...». Павел понимал, что это тоже война, но на душе его было гадко — ведь он не смог предотвратить бессмысленное убийство безоружного пленника.

Вернувшись в свою походную машину, он прилег на топчан, закинул руки за голову и попытался заснуть. Не получилось — перед глазами стоял размазанный по земле пленный, и звучал в ушах его предсмертный хрип. Павел никогда и не думал считать, сколько немцев сгорело в танках, подожженных его снарядами, и скольких из них скосила шрапнель батарей его дивизиона, и не испытал к этим убитым ни малейшей жалости. Не жалел он и тех немцев, которых собирались повесить в селе Софийском — поделом, — но эта дикая расправа не шла у него из головы. «Не иначе как баба его бежать надоумила, — подумал Дементьев, — беги, мол, дролечка, я тебя под подолом спрячу». И тут он услышал музыку — где-то рядом играли на фортепьяно.

Выбравшись из машины, он огляделся. Музыка доносилась из большого красивого дома неподалеку от стоянки штабных машин дивизиона. Подойдя к этому изящному дому, не тронутому войной, и толкнув незапертую дверь, Павел оказался в большой комнате, к

которой лучше всего подходило слово «гостиная». Там он увидел нескольких своих солдат, заморожено слушавших игру красивой польки в длинном платье, сидевшей за фортепьяно. Вряд ли кто-нибудь из батарейцев слышал эту музыку раньше, и тем более не знали они, кто ее автор, но чарующие звуки, резко контрастировавшие с тем, что творилось вокруг, брали за душу — прекрасная пианистка играла превосходно, и бойцы стояли и слушали.

Увидев капитана, артиллеристы смутились, помня о том, что случилось на огородах всего полчаса назад, и потихоньку потянулись к выходу. А полька встала, раскланялась и на украинском языке объяснила, что так она приветствует доблестных русских солдат. Откуда-то появились еще две польки постарше и, мило улыбаясь, предложили «пану офицеру» чай. За столом зашел разговор о тяготах войны, и Дементьев, хоть и понимал щебечущую речь полячек с пятого на десятое, догадался, что они знают об инциденте с бежавшим немецким солдатом, и что их очень интересует судьба остальных пленных. И еще он понял, что польки волнуются за них не из общегуманных, а чисто из личных, амурных соображений. Их мужей разбросала война, никто не знал, живы они или нет, а паненки тем временем крутили любовь с завоевателями. «Неужели и у нас было то же самое? — подумал Павел, вспоминая Катю из Харькова и ее слова «не отдавайте нас снова немцам, пожалуйста». — Нет, не верю — не хочу верить!».

* * *

В Бучаче дивизион простоял недолго — война требовала свое. Артиллеристы меняли села и городки — наступление продолжалось.

В селе Герасимово, куда должны были подвезти горючее и боеприпасы, в дивизион пожаловал начальник артиллерии 19-й мехбригады майор Зотов, личность одиозная во всех отношениях, а попросту говоря — бездарь и хам. Офицеры за глаза называли его «ефрейтор Зотов», недоумевая, как уживается с ним военный интеллигент Липатенков.

Зотов появился в штабе в тот момент, когда Дементьев, никого не трогая, тихо-мирно сидел в своей машине и чистил трофейный «вальтер», подаренный ему ординарцем Васей Полеводиным. Пистолет был хорош, и рачьи глаза «ефрейтора» тут же это отметили.

— Слышь, капитан, — свысока буркнул начарт, оттопырив нижнюю губу, — подари-ка ты мне эту машинку — нравится она мне.

Павел почувствовал, как кровь бросилась ему в голову — так с ним происходило всегда, когда он сталкивался с беззастенчивым хамством, уверенным в своем праве унижать других и в своей безнаказанности.

— Не могу, товарищ майор, — ответил он, с трудом сдерживая себя. — Мне ее самому подарили, а подарки не передаривают.

Такого «ефрейтор» не ожидал. Зло сверкнув глазами, он пообещал, что припомнит строптивцу «неуважение к начальству» и удалился, громко хлопнув дверцей. Дементьев вскорости забыл об этом неприятном случае, однако у Зотова память оказалась лучше, в чем Павел убедился, когда в дивизион позвонил заместитель начальника штаба бригады капитан Самойлов (майора Коростелина, едва не угробившего минометный батальон Атлякова, комбриг Липатенков по сумме прегрешений убрал).

— Чем ты, Дементьев, досадил «ефрейтору Зотову»?

— А что такое?

— Да зашел он сегодня в штаб и потребовал списки награжденных на ваш дивизион. Тебя Власенко представил к ордену Отечественной войны, а «ефрейтор» нашел в папке твой наградной лист и с перекошенной мордой разорвал его. Вот потому я тебя и спрашиваю, чем ты ему насолил.

Павел вкратце изложил Самойлову историю с «вальтером», а после, в разговоре с Власенко, сказал комдиву:

— Василий Прокофьевич, ну почему так получается? Откуда берутся все эти бездарь и хапуги, которых у нас в армии хоть пруд пруди? Зотов как чирей на заднице — и болит, и не

сесть, — а сколько еще таких, как он? И сидят на должностях, и воруют, да еще покровителей в верхах имеют!

— Горяч ты, Паша, не в меру, — рассудительно заметил комдив. — Это у тебя по молодости — пройдет. А если не пройдет, трудно тебе придется — борцов за правду нигде не любят. Жизнь так уж устроена, что подлецы наверх пролезают, а честные и добросовестные сидят на своих местах, делают свое дело и не ждут, что их за это наградят.

— А неправильно она устроена, жизнь эта! — возразил Дементьев. — За что воевали в гражданскую — разве не за хорошую жизнь? И разве не за нее мы сейчас воюем?

— Положим, мы с тобой сейчас воюем за то, чтобы землю нашу спасти. А за хорошую жизнь... Жизнь хорошая — она для каждого разная. Кому-то хватит дома да семьи, а кому-то подавай палаты каменные и власть, которую показать можно и покичиться ею. Сложная эта штука — жизнь.

Павел не стал продолжать философский разговор в боевых условиях — он чувствовал, что разговор этот подошел к скользкой грани. Власенко, конечно, мужик хороший, да только ушей вокруг многовато, и далеко не все эти уши доброжелательны.

«Борцом за правду я себя не считаю, — подумал Павел, — только жить надо по совести, чтобы чистым быть перед собой, перед людьми и перед богом». Подумал — и сам удивился: при чем тут бог? И что имел в виду он, молодой советский парень, не ходивший в церковь, под этим коротким словом — «бог»?

* * *

В очередном селе центральная улица, проходившая селение насквозь, от края до края, имела форму буквы «Г». Эта градостроительная мелочь вряд ли запомнилась бы Дементьеву, если бы на повороте, на стыке «ножки» и «перекладины», колонна дивизиона не попала бы под обстрел. В противоположном конце улицы притаилось немецкое орудие, оставшееся незамеченным шедшими впереди танками, и как только передний тягач колонны завернул за угол «проспекта», оно открыло огонь. Снаряд с визгом пронесся над головами батарейцев и врезался в ближайший дом — из окон дома выбросило дым, зазвенели битые стекла, крыша просела и скособочилась. Второй снаряд разорвался в саду, под корень срубив яблоню, жалобно всплеснувшую зелеными ветвями, — смелости отчаяния у вражеских солдат хватало, а вот артиллеристами они оказались никудышными.

Водитель тягача не мешкал — он лихо развернулся, сминая придорожные кусты; выпрыгнувшие из грузовика батарейцы мгновенно развернули орудие, не обращая внимания на третий снаряд, улетевший куда-то за дома, и с меткостью обстрелянных профессионалов — первым же выстрелом — накрыли цель. Нахальную пушку разнесло прямым попаданием — по улице, вихляясь и подпрыгивая, покатилося ее оторванное колесо.

От вражеского расчета в живых осталось только трое: двое солдат и офицер, которого нашли в яме метрах в десяти от разбитого орудия, и оказались они не немцами, а венграми, брошенными на убой.

— Вставай! — приказал Дементьев офицеру, качнув стволом пистолета. — Хенде хох!

Венгр медленно поднялся, вытягивая вверх руки. Это был молодой парень, не старше самого Дементьева, без пилотки, с растрепанными волосами, мелко трясущимися руками и перепуганным лицом. Покачиваясь, он стоял перед Павлом; несколько секунд они смотрели друг на друга, а затем венгр не выдержал и отвернулся. О чем он думал в эту минуту? Гадал, убьет его этот долговязый русский или нет? Нажмет на курок — и все, погаснет свет, и жизнь кончится?

Павел не выстрелил. Он протянул руку, вытащил у венгра из кобуры его пистолет и положил к себе в карман.

— Руки опусти, — сказал он, подкрепив слова выразительным жестом. — Кончилась для тебя война. — И улыбнулся.

Улыбка эта не была издевательски-торжествующей — это была спокойно-уверенная

улыбка победителя, без слов объясняющая, что раз враг поднял руки, то никто не собирается его бить-пытать или казнить на месте. И венгр понял — губы его дрогнули в жалком подобии ответной улыбки, он ссутулился и побрел туда, куда уже сгоняли других захваченных в селе пленных, которых набралось человек восемьдесят.

— Товарищ капитан, некого нам выделять для их охраны, — сказал командир первой батареи, — у меня каждый боец на счету!

— Без охраны дойдут, не маленькие. Они небось рады-радешеньки, что живы остались — им теперь сам Гитлер оружие в руки не всунет.

С этими словами Павел вынул из планшета листок бумаги, черкнул на нем несколько слов для тыловых служб — «пленные, венгры, столько-то человек, начальник штаба 461-го артдивизиона капитан Дементьев», — взглядом выбрал из толпы пленных самого солидного и вручил ему «сопроводилровку».

— Пропуск. Аусвайс. Топайте туда, — он махнул рукой на восток. — Увидите наших, покажите, примут вас по описи. Понял? Ладно, поймешь на месте. Шагом марш!

Никто из артиллеристов, следивших за этой процедурой, даже не удивился. В сорок четвертом пленных было уже столько, что их некуда было девать, и передовым частям не хотелось с ними возиться. Пленных немцев отправляли свои ходом на сборные пункты, и они благополучно туда добивались, даже не думая бежать по дороге или снова браться за оружие — к середине сорок четвертого гонору у «сверхчеловеков» существенно поубавилось, а жить хотелось всем.

* * *

Наступающая армия похожа на распрямляющуюся тугую пружину. Пружину сжали и отпустили; она ударила, круша все на своем пути. Однако затем пружина растягивается и постепенно утрачивает свою энергию — в реальности эта поэтическая метафора означает потери, понесенные наступающими, а также прозу войны: израсходованные боеприпасы и сожженное горючее. Пружина растягивается: для продолжения наступления ее снова нужно сжать — подтянуть отставшие тылы, — и смазать пополнениями стальные кольца ударной части этой боевой пружины.

Наступательный порыв 19-й мехбригады иссяк под Станиславом. Атака была начата с опозданием, танки 67-го полка попали на мины, а на улицах города впервые столкнулись с фаустниками и понесли серьезные потери. Тем временем немцы подтянули танки и авиацию и нанесли сильный встречный удар, отбросив наступавших назад на десяток километров. Коричневый Дракон оскалил зубы и показал, что силы у него еще есть, и что сдаваться он не собирается. Девятнадцатая бригада оставила Станислав, откатилась, и капитан Дементьев провел тревожную ночь, ожидая атаки немцев: сквозь растянутые на девять километров по фронту боевые порядки дивизиона немецкие танки прошли бы, как нож сквозь масло. Его друг Юра Гиленков на свой страх и риск оставил Павлу две «катюши» «на крайний случай», но, к счастью, ночной атаки не последовало, а утром начали подтягиваться наши отставшие артиллерийские и стрелковые части, и в небе снова появилась наша авиация, перелетевшая на ближние аэродромы.

К концу апреля фронт стабилизировался. Русские уже привычно выстроили прочную оборону, под защитой которой вновь начала сжиматься пружина дальнейшего наступления: война неумолимо шла на запад.

А 25 апреля 1944 года Первая танковая армия Катуква стала гвардейской. 2-я, 3-я и 4-я танковые армии уже были гвардейским, но Сталин не стал менять нумерацию частей: он приберег первый номер для Катуква. «У нас теперь полуторный оклад, — шутили офицеры 19-й механизированной бригады, — и двойная смерть». Это было правдой: на денежные аттестаты, которые пересылались семьям, гвардейцам начислялось в полтора раза больше (по сравнению с обычными частями), но и риск сложить голову возрос как минимум вдвое: гвардейские части, особенно танковые, направлялись на самые опасные участки фронта.

Однако с перспективой вполне возможной смерти люди уже свыклись — смерть стала обычным фоном жизни, которую они вели на войне. «Двум смертям не бывать, а одной не миновать, — говорили молодые офицеры, поседевшие в двадцать пять лет, жадно впитывая ароматы весны сорок четвертого. — А отдыхать, пусть даже недолго, приятнее, чем воевать — весна!» И они отдыхали, купались в Днестре и подставляли лица теплым лучам майского солнца, не думая о том, что ждет их завтра — есть у молодости такая счастливая способность.

А впереди у них был еще целый год войны — долгий-долгий год.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ВЕДУНЯ

*Твои глаза, как два тумана,
Как два прыжка из темноты
Скажи, скажи, каким обманом
В двадцатый век пробралась ты?*
Леонид Дербенев, «Колдовство»

Первая танковая армия Катукова сражалась на Украине девять месяцев, освободив десятки городов и сотни сел и деревень, и Павел привык к своеобразности этого края, очень похожего на Россию, но в то же время заметно от нее отличавшегося, особенно здесь, на западе Украины. Он привык к местному говору и начал его понимать, привык к достатку и к мирному виду селений из числа тех, кого война пощадила, — эти села и городки утопали в зелени садов, все домики были аккуратно выбелены, двери и наличники обязательно расписаны голубой или красной краской, у ворот красовались стеклянные фонари. В чистых горницах здесь лежали на полу яркие домотканые коврики, стояли в каждой хате причудливо разрисованные сундуки, а на кроватях высились пирамиды пуховых подушек, от огромной нижней до крохотной верхней. В сельских домах России иконы были очень большой редкостью, а здесь, на Западной Украине, иконы с ликом Христа можно было увидеть в каждом доме — они висели на стенах по соседству с веерами застекленных фотографий, изображавших хозяина дома и всех его родственников, близких и дальних.

Отличалась и здешняя одежда — мужчины носили сорочки-вышиванки, а при взгляде на одежду женщин рябило в глазах: юбки, кофты и передники были расшиты узорами, на шеях девушек и молодая красовались мониста — намысто, по-местному. К русским здесь относились по-разному — в большинстве случаев доброжелательно, однако Павел Дементьев уже знал, что если хозяйка на вопрос: «А где твой муж?» отвечает, честно глядя в глаза: «Та вин пыйшов у соседне село, скоро должен вернуться», это почти наверняка означает, что на самом деле муж ее обретается в какой-нибудь националистической банде, прячется в лесном схроне, а то и сидит где-нибудь в засаде, выцеливая в спину зазевавшегося красноармейца. Это удручало, хотя в целом Павел ощущал себя среди своих, в своей стране, освобожденной, а не завоеванной.

В конце июня 1-я гвардейская танковая армия была переброшена на отдых северо-западнее города Дубно: здесь, в прикарпатских лесах, она готовилась к наступлению и к предстоящим боям на территории Польши.

* * *

Баратин был самым обычным селом запада Украины, каких Павел видел уже много. Дивизион обживал небольшой лес, примыкавший к окраине Баратина, — солдаты строили землянки, маскировали пушки и тягачи. Власенко, верный привычке, остался жить в своем командирском фургоне, а Дементьев, Семенов и Федоров решили разместиться в каком-нибудь деревенском доме, хозяева которого согласятся принять на постой троих советских офицеров. Облюбовав добротный дом на окраине села (поближе к своим батареям — так,

на всякий случай), Павел отправил туда квартирмейстером своего ординарца Васю Полеводина — «наводить мосты», — и верный Василий с честью выполнил ответственное «боевое задание».

— Ждут нас, — доложил он, вернувшись.

Вообще-то выяснилось, что не «ждут», а «ждет» — в единственном числе. Офицеров встретила кареглазая миловидная женщина лет двадцати пяти — в этом большом доме жила только она одна. По-русски она говорила чисто и правильно, и неудивительно: женщина эта оказалась вдовой офицера-пограничника, погибшего на заставе неподалеку в первый день войны.

— Мир не без добрых людей, — объяснила она. — Пригрели меня здесь, выдали за свою родственницу. Так и прожила я эти три года, вас дождалась, а теперь вот, наверно, домой поеду.

— А куда хозяйева делись? — напрямик спросил Федоров, недоверчиво глядя на нее.

— Так, — уклончиво ответила та, — ушли и пропали: война.

— А как же ты одна тут жила? — не отставал комиссар. — Не обижали тебя? Лес-то — вон он, рядом.

— Не обижали, — женщина как-то странно усмехнулась. — Я им глаза отводила.

Она отвечала вроде бы охотно, но в то же время умудрялась почти ничего не сказать, ускользая от ответа капелькой живой ртути. А Павел смотрел на нее и чувствовал, как сердце его стремительно падает куда-то в пропасть. И это было не обычной реакцией молодого и здорового мужчины при виде молодой и красивой женщины, и даже не ударом внезапной влюбленности — это было что-то другое. В карих глазах женщины мерцали таинственные огоньки, и веяло от нее чем-то загадочным, как будто сошла она со страниц древних сказок или преданий. За ужином она незаметно, но внимательно и даже изучающе рассматривала своих постояльцев, словно что-то прикидывала и решала, и Павлу казалось, что взгляд ее задерживается на нем дольше, чем на его товарищах. Была в ней что-то непонятное, хотя звали ее очень просто: Анютой — Анной.

* * *

...Прошло несколько дней. Все эти дни Павел ловил себя на том, что ждет вечера и возвращения в дом на окраине Баратина — в дом, наполненный мягким светом карих глаз Анны. Он был очарован, и принял как должное глубокомысленное изречение Василия: «А хозяйка-то наша — колдунья, как есть колдунья! Такие у нас в деревнях порчу наводят — глаз у нее пронзительный». Дементьеву было безразлично, колдунья Анюта или нет: он был рад тому, что она есть, и что он каждый вечер может ее видеть.

Павел не узнавал себя. Он не то чтобы был прожженным ухажером, но и наивным мальчиком назвать его было нельзя, однако перед Анной Павел терялся, не зная, что сказать, хотя заговорить с ней играючи, как с другими женщинами, ему очень хотелось. И однажды вечером это ему удалось.

Два Александра — Семенов и Фролов — задержались, ординарец Вася затаривался на кухне продуктами (объедать одинокую женщину, тогда как снабжение дивизиона заметно улучшилось, Павел считал непорядочным), и Дементьев вернулся на «постоялый двор» в одиночестве.

Анна встретила его приветливо. Она набирала в сарае дрова, чтобы занести их в хату, но при виде Павла прекратила это занятие.

— Давай помогу! — предложил Павел, обрадовавшись, что может быть ей полезен.

— Помоги. А может, ты не только носить дрова умеешь, но и колоть? У меня много их, дров неколотых.

— Да запросто! Где у тебя топор, Анюта?

— Вон он. Ну что ж, — в глазах Анны заплясали янтарные огоньки, — давай, покажи, на что ты способен. Мужика — его ведь по работе видно.

Дрова колоть Павел умел — чай, в деревне рос, да и потом приходилось ему иметь дело с печным отоплением. Он с наслаждением располовинивал увесистые чурбачки, ловя на себе одобрительный взгляд карих глаз Анны, действующий на него, как шпоры на горячего скакуна, и разговор между ними потянулся сам собой, слово за слово.

— Ты говорила, что домой собираешься, — спросил Дементьев, откладывая в сторону расколотые поленья. — А откуда ты родом?

— С Дону я, — ответила Анюта и добавила: — Казачка я, коренная.

— Казачка? А как же тебя сюда-то занесло, в такую даль? Или муж твой тоже был из твоих родных мест?

— Муж? Нет, он не казак был, другого роду-племени. А как занесло... — она вздохнула и впервые назвала Дементьева по имени: — Долгая эта история, Павел.

— А ты Расскажи. Под рассказ твой веселей работается, а дров-то у тебя вон сколько!

— Расскажу, только, — она запнулась, — боюсь, как бы ты меня врагом не стал считать.

— Врагом? С какой это стати? — удивился Павел, но Анюта словно и не слышала его вопроса.

— Родилась я в девятнадцатом году, — начала она, глядя в сторону, — в самый разгар гражданской войны. Отец пришел на побывку, позоревал дома две ночи, и получилась я, девчонка-последыш. Семья у нас большая была, но сестер у меня не было: одни братья, и все меня старше. Мама уже и не чаяла, что еще одного ребенка родит — самый младший из моих братьев был на пятнадцать лет меня старше.

— И все твои братья, — спросил Дементьев, опуская топор, — воевали за белых?

— Да, — Анюта обожгла его взглядом, — и отец, и братья, все семеро. Сначала они еще думали-размышляли, а как раскусили, что такое есть Советская власть, и когда на Дону восстание началось, то взяли они шашки да винтовки и пошли воевать.

— А потом? — спросил Павел, сглотнув слюну.

— Потом? — Анна горько усмехнулась. — Домой вернулись трое — отец и два брата; остальные кто погиб, кто за границу подался. Повинились перед Советской властью, и она их простила — вроде бы, — да только память у нее крепкой оказалась. Как началась на Дону коллективизация, так власть и припомнила моему старику-отцу да братьям все старые грехи, и спросила с них жестоко. Мать не выдержала — померла в одночасье, и осталась я на свете одна-одинешенька из всех десяти душ семейства моего. Отправили в детский дом; там я и росла под взглядами косыми да под шипенье гадючье — мол, вражье отродье. Всякое было — вспоминать не хочется. А как заневестилась я, тут и повстречался мне на пути мой сокол сизокрылый. Дрогнуло у меня сердечко, хоть и ненавидела я ненавистью лютой тех, на ком форма красноармейская.

Павел молчал, пораженный неожиданной исповедью Анны и звучащей в ее словах болью, перемешанной с ненавистью.

— Да только недолгим было счастье мое, — продолжала меж тем Анюта. — Пришел с запада Зверь ненасытный, и умер муж мой на самой границе земли русской. Вот так, Паша. Заканчивай свое дровоколье — пора вечерять. Вон уже и товарищи твои идут, видишь?

* * *

Ночью, несмотря на усталость, он долго не мог уснуть, вспоминая разговор с Анной. Всякие мысли теснились у него в голове, были среди них и такие: «А ну как она наведет на нас бандеровцев или попросту возьмет и отравит?». Но эти мысли Павел от себя гнал: если бы Анюта замышляла дурное, не стала бы она с ним так откровенничать. Никто ее за язык не тянул, а как она умеет уходить от ответов, Дементьев уже знал.

Павел лежал на спине, и мерещились ему в темноте глаза Анны и янтарные огоньки, горевшие в глубине этих глаз. Наконец, не выдержав, Дементьев привстал на своей постели и прислушался. Все было тихо — сонно дышали его товарищи, спавшие вместе с ним в

горнице, тихо было за окнами, тихо было и в комнате Анюты, за притворенной дверью. И тогда он осторожно поднялся и, стараясь ненароком не скрипнуть половицей и не разбудить спящих офицеров, пошел туда, к той двери, за которой спала казачка с колдовскими глазами.

Дверь оказалась незапертой. Она открылась бесшумно, и сразу же за порогом Павел наткнулся на белую фигуру Анны — она стояла за дверью, как будто ждала его и знала, что он придет. Павел обнял ее и прижал к себе, чувствуя, какая она горячая — там, под тонкой тканью ночной рубашки. Анюта ответила на его поцелуй, но руки ее вдруг сделались словно стальными: Павлу показалось, что он навалился грудью на два железнодорожных рельса.

— Плохая сегодня ночь, Паша, — прошептала она, упираясь ладонями ему в грудь, — не наша. Завтра будет хорошая ночь, наша ночь — приходи, я ждать буду. А сейчас — иди, спи...

И Павел повернулся и тенью скользнул назад в горницу. Дверь за его спиной тихо затворилась, а он дошел до своей постели, лег и уснул — мгновенно, как провалился.

* * *

Утро принесло с собой неожиданность: дивизиону пришел приказ перебазироваться в соседнее село Хотын, километрах в пяти от Баратина. На вопрос Павла, в чем дело, Власенко только пожал плечами:

— Не знаю. Может, куда дальше двинемся, а может, из-за бандеровцев. Нехорошее это село, Баратин, — у них тут чуть ли не все мужское население в лесах прячется. Глядишь, еще перережут нас ночью, как курят, вот начальство и опасается.

Бандеровцы окрест действительно пошаливали: то автомашину угонят, то зарежут солдата или офицера, то оружие украдут. Не раз и не два по приказу Липатенкова пушкари прочесывали округу, и всякий раз вылавливали крепких мужичков, маскировавшихся под стариков и старух и прятавших под свитками и юбками «шмайссеры». Как бы то ни было, дивизион снялся с насиженного места и перебрался в Хотын. Сколько он будет здесь стоять, никто не знал, но у Дементьева не шли из головы слова Анны: «Завтра будет хорошая ночь, наша ночь — приходи, я ждать буду». И ближе к вечеру, когда стало ясно, что до утра нового марша не будет, он решил и стал обдумывать, как ему тайком попасть в Баратин.

Идти пешком — далековато, а ехать на машине нельзя: во-первых, отсутствие машины в дивизионе сразу же заметят, а во-вторых — на шум мотора в ночи наверняка слетятся не самые приятные люди. Оставался велосипед: тихо и быстро, каких-нибудь двадцать минут.

Приняв решение, Павел вызвал ординарца и провел с ним краткий инструктаж, закончив его словами:

— Если что, утром бери машину и гони в Баратин — сам знаешь куда. А пока — молчок, никому ни слова, понял?

— Так точно, — уныло отозвался Василий, наблюдая, как Дементьев распахивает по карманам запасные обоймы для «ТТ» и пару гранат-лимонок. — А только не ездили бы вы туда, товарищ капитан. Или возьмите с собой хотя бы пару автоматчиков...

— Может, мне еще и пушку с собой прихватить с полным расчетом? — иронически осведомился Дементьев. — Чтоб, значит, под окнами до утра постояла, на страже?

Полеводин вздохнул, но все-таки не удержался и сказал, понизив голос:

— Да вы не бандеровцев бойтесь, а бабы этой, Анюты. Ведьма она, это я вам точно говорю. Выцедит она из вас всю кровь по капле, а потом...

— Не мели ерунды! — сердито оборвал его Павел. — Все, я поехал.

...Он мчался по ночной дороге, прислушиваясь к лесным шорохам и вглядываясь в заросли. Сердце его билось учащенно, но Павел знал, что на пути к этой женщине с карими глазами его не остановит даже глубоко эшелонированная вражеская оборона: капитан готов был прорвать ее в одиночку, без поддержки танков, тяжелой артиллерии и авиации.

Боги хранят влюбленных и сумасшедших — до Баратина Павел добрался без всяких приключений и тихо постучал в окно знакомого дома на окраине села. Занавеска откинулась,

за ней мелькнуло лицо Анны, и через несколько мгновений распахнулась дверь.

— Пришел, — жарко выдохнул Анята, обнимая его на пороге, — не побоялся. Знать, не ошиблась я в тебе, воин...

* * *

...Такого Павел не испытывал никогда: он и не знал, что блаженство может быть таким выматывающим. Он умирал и вновь рождался, летел сквозь ночь и падал в пропасть, горел в огне и вновь воскресал, чтобы жадно пить пьянящее любовное зелье. Павел был неутомим, Анна — ненасытна, и когда наконец они оба обессилели, Дементьеву показалось, что прошла целая вечность, или что по крайней мере вот-вот наступит утро и взойдет солнце. К его удивлению, за окнами было темно, и ходики на стене только-только пробили полночь. «Колдовство, не иначе, — расслабленно думал Павел, припоминая предостережение Василия. — Ну и пусть...».

— Хорошо, воин, — прошелестела Анята, гибко, по-змеиному прикикая к его груди. — Род твой древний, и кровь твоя драгоценная — выпала мне счастье-удача...

«Выщедит она из вас всю кровь по капле...» — прозвучало в сознании Дементьева.

— Странно ты говоришь, Анята, — отозвался он, еле шевеля губами, — словно ведьма-колдунья какая...

— А я и есть ведьма-ведунья, — легко согласилась женщина. — Дар у меня такой, в роду моем он по женской линии передается. А ведунья — это не злая сила, это слово от «ведать» происходит, знать то есть. Во все века цари да князья-бояре боялись знания: народом глупым легко править — щелкнул кнутом, поманил пряником, и пошло стадо за пастухом, не думая и вопросами разными не мучаясь. Вот поэтому и боялись власть имущие ведунов да ведуний, жгли их на кострах и в прорубях топили. А ты не бойся — кровь я твою не выпью, и плоть не иссушу. Наоборот — сохраню я семя твое, и прорастет оно, — Анна прижалась щекой к груди Павла, покрывая его пологом густых своих черных волос. — И праправнуки твои выйдут на бой со Зверем, и одолеют его...

— С каким Зверем? — лежа на спине, Павел с усилием поднял голову, вглядываясь в глаза ведуньи, горевшие желтым кошачьим огнем. «Как есть ведьма...» — подумал он, однако не испытал при этом никакого страха.

— С хозяином того Дракона, с которым вы сейчас бьетесь, — с Кощеем Бессмертным.

— С каким еще Кощеем? Сказки это, Анята.

— С тем, который над золотом чахнет. Сказка ложь, свет мой Пашенька, да в ней намек. Пришел к нам Кощей этот во времена незапамятные и начал Мир наш под себя подбирать. И преуспел Кощей Бессмертный в деле своем несправедном, но никак не может он осилить силу русскую, оттого и ярится-бесится. И взрастил-выкормил он Дракона злого, ненасытного, и напустил на Русь этого Зверя. И началась война страшная, и потекла рекой кровь русская. Но одолеете вы, воины, Дракона лютого, и сломаете ему спину, и отрубите голову, и пировать будете в логове его смрадном — и года не пройдет. И жив ты будешь, и жить будешь долго, и увидишь многое — такое, во что ты сейчас и поверить не можешь, — она ласково провела кончиками пальцев по щеке Павла, и ему вдруг показалось, что на тонких и прохладных ее пальцах не ногти, а острые кошачьи когти.

— Дорогая победа получается, — сказал Павел, отчетливо сознавая всю нереальность происходящего, но поневоле подчиняясь колдовской музыке странной анятиной речи, — цена уж больно высокая. Очень уж много людей поел этот Змей твой Горыныч, чуть ли не всю нашу землю обезлюдил. Видел я, сколько русских людей пало и в землю эту легло.

— Много, — Анна горестно вздохнула. — Да только нельзя иначе: грех свой искупает народ русский. Поверил народ наш Слову лживому да лживому и посадил себе на шею идолище поганое. Вот и приходится теперь смывать этот грех кровью русской...

Павел молчал — слушал.

— И еще одно, — продолжала Анята. — Спит в земле нашей Меч зачарованный, и в

нем спасение земли русской. И хранят его то ли Святогор-богатырь, то ли Вольга-богатырь — то мне доподлинно неизвестно, — и заклятье могучее. А кровь русская пробуждает Меч от сна его тысячелетнего.

«Чего ж этот меч-кладенец не проснулся, когда немцы рвались к Москве? — подумал Павел. — Самое время было вроде бы...». И вдруг он вспомнил слова из видения, посетившего его месяц назад, в мае, на берегу Днестра, где они сидели с Володькой Подгорбунским, снявшим свою гимнастерку-кольчугу: «Ты дашь нам Меч, отец?» — «Нет. Это Зло вы остановите простыми мечами — если очень захотите. А Меч — Меч будет ждать, ждать своего часа...».

— Не проснулся Меч в годину тяжкую, — ведунья словно прочла мысли Дементьева, — не пришел потому что час Последней Битвы со Злом. Но кровь русская льется не зря — этот час придет. Вы убьете Дракона, но Кощей не успокоится — он пустит в ход колдовские свои чары и опутает души ваши Соблазном, и снова земля наша будет на краю гибели. Но когда весь наш Мир закачается над пропастью, вот тогда и проснется Меч, вспоенный русской кровью. Все я сказала тебе, воин, защитник земли русской, — из того, что мне ведомо, и что тебе знать положено. Иди ко мне — наша ночь еще не кончилась...

* * *

Морок растаял с первыми проблесками рассвета. Янтарноглазая ведьма с кошачьими когтями обернулась обыкновенной женщиной, утомленной жаркими ласками, и Павел даже подумал, что все это ему приснилось или привиделось в любовной горячке. Они простились на пороге хаты, и прощание это было горьким — оба знали, что никогда больше не встретятся в мире живых.

По дороге через лес Дементьев изо всех сил жал на педали — он как чувствовал, что надо спешить. И предчувствия не обманули: в Хотыне царила суeta, раздавались команды офицеров, бегали солдаты, урчали прогреваемые моторы машин — артдивизион готовился к передислокации. Павел успел вовремя — Полеводин уже собирался ехать за ним в Баратин.

Все обошлось — Власенко не заметил отсутствия своего начальника штаба, и Павел быстро включился в привычный рабочий ритм. Семенов, правда, заметил, что Дементьев в дивизионе не ночевал, и когда колонна двинулась в путь, пристал с расспросами. Пришлось рассказать — коротко, не вдаваясь в подробности.

— Ох, не доведут тебя бабы до добра, Павел Михайлович, — резюмировал боевой зам, — залетишь ты когда-нибудь, помяни мое слово. Накажут тебя, и поделом. Баба — она отравляет для мужчины.

— Да ладно тебе, философ, — вяло отмахнулся от него Павел, опустошенный душой и телом.

— Ладно так ладно, — смилостивился Александр. — Все хорошо, что хорошо кончается. Зато есть что вспомнить — сладко, небось, было, а?

Семенов хохотнул и дружески толкнул Дементьева локтем в бок, но Павел не стал развивать затронутую тему. В другое время и в другой ситуации он, возможно, и поддержал бы флиртующий мужской разговор о женщинах, но сейчас ему шутить совсем не хотелось: он чувствовал, что с ним произошло что-то ирреальное, далеко выходящее за рамки простого человеческого понимания.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ВСПЫШКА ПАМЯТИ

*Россия пожертвовала собой ради своих союзников,
и несправедливо забывает,
что союзники являются за это неоплатыми должниками
России.*

Гарт Л. Правда о войне 1914–1918 гг.

...Колонна тягачей 461-го дивизиона шла по Приднестровью. Убедившись, что Павел не склонен балагурить на амурные темы, Семенов оставил его в покое. А Дементьев смотрел в окно, и вдруг вспомнил, что места эти известные, след в истории оставившие: здесь в 1916 году русские войска под командованием генерала Брусилова осуществили свой знаменитый «прорыв» и нанесли Австро-Венгрии такой удар, после которого империя Габсбургов уже не оправилась. Павел смотрел на холмы и перелески, и чудились ему там цепи русской пехоты, идущей в атаку, и вспухали в синем небе белые клочки шрапнельных разрывов. И казалось ему — точь-в-точь как в сорок втором, в донских степях, — что он уже был в этих местах, и не только был. Машина шла мягко, убаюкивающе; сказывалась бессонная ночь, проведенная с карглазой колдуньей, и Павел не заметил, как уснул...

* * *

Могилев, 14 апреля 1916 года

Верховный главнокомандующий русской армией Николай II выглядел усталым. Под глазами его обозначились мешки — на последнего русского императора давила непомерная тяжесть: та самая, которая скоро раздавит и его, и всю его империю.

— Как было условлено с нашими союзниками на конференции в Шантильи в декабре прошлого года, — Алексеев, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, сделал паузу, словно подчеркивая весомость этих слов, — мы, верные своему союзническому долгу, будем наступать. Мне видится целесообразным нанести главный удар войсками Западного фронта, где мы имеем двойное превосходство над немцами, а Северному и Юго-Западному фронтам отвести роль вспомогательную.

— Вы правы, Михаил Алексеевич, — генерал Эверт, командующий Западным фронтом, сдвинул брови, — но лишь отчасти. Да, на северо-западе у нас миллион двести тысяч штыков против шестисот тысяч немецких, однако наступление через болота Полесья сопряжено с неимоверными трудностями.

— Прорвать фронт немцев там совершенно невероятно, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу, — поддержал его, пожевав губами, престарелый генерал Куропаткин, командующий Северным фронтом.

Николай II молчал, рассеянно скользя взглядам по картам, развешанным по стенам штабного вагона, и непонятно было, о чем думает российский самодержец.

«Господи, — раздраженно думал Брусилов, — ну неужели японская война нас ничему не научила? Старик опять завел свою маньчжурскую песню «терпение, терпение, и еще раз терпение!». А терпение — оно ведь не безграничное. В войсках брожение — войну нужно кончать, и кончать победой, иначе... Нет, так нельзя».

— Позвольте мне, — сказал он, глядя на Алексева, встал и одернул китель. — Я не согласен с тем, что мой Юго-Западный фронт останется в стороне. Я готов наступать самым решительным образом!

— Но позвольте, — в глазах царя промелькнуло удивление, — у вас всего чуть больше полумиллиона солдат против четырехсот сорока тысяч австрийских. И вы собираетесь наступать, имея столь незначительный перевес над неприятелем?

— Не только собираюсь, но и буду, ваше величество, — отрезал Брусилов, — и успешно. А при должной согласованности действий всех фронтов мы имеем возможность одержать в настоящем году окончательную победу. Войска наши находятся в блестящем состоянии и имеют полное право рассчитывать сломить врага и вышвырнуть его вон из наших пределов.

Генералы молчали.

«Однако, — думал Алексеев, — экая у него прыть...».

«Решил стяжать славу? — думал Эверт. — Что ж, братец, попробуй. Говорить-то мы все горазды, а вот как оно получится на деле...».

«Пусть его, — думал Куропаткин. — Лишь бы меня не трогали...».

— Хорошо, Алексей Алексеевич, — бесцветным голосом произнес Николай, — Ставка разрешает вам начать наступление. Будут ли какие возражения?

Возражений не было.

* * *

Приднестровье, 21 мая 1916 года

— Вам все ясно, господин поручик?

— Так точно, господин штабс-капитан!

— Тогда с богом, Петр Митрофанович. Завтра от нас с вами будет зависеть, сможет ли наша пехота прорвать австрийские позиции или нет.

Демин козырнул и пошел к ожидавшей его лошади. «Да, — думал он, возвращаясь неспешной трусцой к себе на батарею, — мы, артиллеристы, стали подлинными богами этой страшной и непонятной войны, цели которой неясны не только моим солдатам, но и многим офицерам. Чего ради миллионы людей сидят в грязных окопах и убивают, убивают, убивают друг друга? Ради проливов, щита на вратах цареградских и православного креста над Айя-Софией? Или ради торговых преференций Ротшильда и Рябушинского? Англия с Францией — у них свои счета с Германией, и в основном колониальные. Кайзер Вильгельм покусился на стародавнее морское владычество британского льва, чего надменные островитяне никак не могут стерпеть, а Франция помнит Седан и жаждет вернуть Эльзас и Лотарингию. А мы-то тут с какого бока припека? Высшие политические соображения... Освобождение братьев-славян от османского ига и месть за маленькую, но гордую Сербию, растоптанную сапогом императора Франца-Иосифа? Какое освобождение, если братья-болгары, сыновья тех, кто стоял рядом с русскими братьями на Шипке, теперь стреляют в сыновей солдат Скобелева, стоя в одном строю с турецкими янычарами, которыми болгарские матери веками пугали своих детей! Нет, это не война — это какое-то всемирное сумасшествие, повальная мозговая болезнь. Но вылечить эту болезнь можно только одним способом: победить, и чем скорей, тем лучше. И завтра я сделаю все от меня зависящее, чтобы приблизить эту победу. А виноватых потом будем искать».

На батарее все было спокойно. Шестидюймовые гаубицы надежно укрыты в лесу, люди спокойны и уверены. Поручик Демин ценил и уважал своих солдат и видел в них не бесправных нижних чинов, а товарищей по оружию. В артиллерии вообще отношения между солдатами и офицерами были более равными, нежели в пехоте, — обслуживание сложной военной техники требовало высокой общей грамотности, и фейерверкер тяжелого дивизиона выгодно отличался от рядового стрелкового полка, для которого самой хитроумной машиной была обыкновенная борона.

Артиллеристы отдыхали. В яме горел небольшой бездымный костер, вокруг которого сидели солдаты, и только Игнатьев, осанистый мужик в годах, еще раз протирает ветошью двухсполовинопудовые снаряды, разложенные на земле неподалеку от орудий, уставивших в темнеющее небо свои кургузые зевластые жерла. Это был уже ритуал — особой нужды в подобном священнодействии не было.

— Хороши поросята, ваше благородие, — сказал он, заметив Демина, — уж порадуем завтра австрийков ветчинкой тротиловой.

«Да, порадуем» — подумал поручик, вспомнив свое изумление при виде количества снарядов, доставленных на батарею перед наступлением. Четыре тысячи гранат — стреляй, не хочу, пока стволы не выйдут из строя! И приказ — снарядов не жалеть, кончатся — подвезем еще. «Снарядный голод», кошмар пятнадцатого года, остался в прошлом — батарея Демина могла непрерывно вести огонь в течение суток (если, конечно, не отвлекаться на еду и сон).

Когда Демин подошел к костру, солдаты были встали, но он остановил их движением руки:

— Сидите, братцы. Отдыхайте, день завтра обещает быть трудным.

Не желая мешать, поручик отошел в сторону и присел на траву, глядя на багровый закат и покусывая сорванную травинку. «Кровь на небесах, — подумал он, — та, что прольется завтра». Стояла умиротворенная тишина, и до слуха Демина доносились обрывки негромкой беседы солдат, сидящих у костра.

— Третьего дня, сказывали, сам Брусилов приезжал. Лазал на передовую вместе со своими штабными, выглядывал в бинокль австрийские окопы. Сухощавый такой, жилистый, шустрый, в себе уверенный. «Побьем, говорит, супостата, непременно побьем!».

— А что? Очень даже возможно. Силищу-то какую собрали... И главное дело — бомб у нас теперь в избытке, есть чем дорогу мостить пехтуре.

«Если мы не подавим австрийские пулеметы и не порвем проволочные заграждения, — размышлял поручик, — пехота наша не пройдет: ляжет вся, как есть ляжет. Значит, мы должны так перепахать вражеские окопы, чтобы оттуда некому было стрелять. Тогда стрелки дорвутся до рукопашной и повыковыривают недобитых австрийков штыками — только так. А голой грудью на пулеметы идти бессмысленно — наши молодецкие атаки четырнадцатого года оборачивались кучами трупов при почти полном отсутствии результата. Теперь-то мы ученые — после того, как кровью умылись. Да и не одни мы получили этот урок — и немцы, и наши просвещенные союзники поначалу тоже немало своих положили, когда дуриком перли в атаку в полный рост. Страшная это была наука...».

Он вынул папиросу, хотел закурить, но передумал. Посмотрел еще раз на догоравший закат, поднялся и пошел в свой блиндаж: перед завтрашним днем просто необходимо было хорошо выспаться.

* * *

Что бы не говорили, а нельзя не признать, что подготовка к этой операции была образцовая, для чего потребовалось проявление полного напряжения сил начальников всех степеней. Все было продумано и все своевременно сделано.

Брусилов А. А. «Мои воспоминания»

Юго-Западный фронт, 22 мая 1916 года

Генералу Брусилову не спалось: давало о себе знать нервное напряжение, в котором он находился последний месяц. «Все ли сделано? — в который раз спрашивал он себя, и сам же отвечал на этот вопрос: — Да, сделано все».

Прорвать мощную оборону противника, глубоко зарывшегося в землю и опутавшего все подступы к своим окопам густой паутиной колючей проволоки, очень трудно. Брусилов отдавал себе в этом отчет и поэтому требовал от подчиненных максимальной продуманности планов — любую упущенную мелочь придется оплачивать русской кровью, и еще неизвестно, не зря ли будет литься эта кровь. Весь район расположения австрийских войск был изучен с помощью разведки, причем не только наземной, но и воздушной. Аэропланы кружились над головами солдат, и те рассматривали причудливые летающие сооружения, которые были еще в диковинку. Сделанные с аэропланов фотографии неприятельских позиций были увеличены и развернуты в планы, удивлявшие русских офицеров своим непривычным видом. В рощах и лесах затаились батареи тяжелой артиллерии прорыва — огненный молот, предназначенный сокрушить австрийскую оборону. И шло по ночам окопное рытье: саперы трудолюбивыми кротами вгрызались в землю, подтягивая линии русских траншей к вражеским на двести-триста шагов и уменьшая «зону смерти», которую предстояло преодолеть атакующим.

И все время, пока шла эта кропотливая работа, сам Брусилов, его начштаба генерал Клембовский и штабные офицеры почти постоянно находились на позициях, проверяя и перепроверяя, — командующий фронтом теребил всех, от командиров полков и дивизий до командующих армиями.

Даже со всеми пополнениями Юго-Западный фронт не имел и полуторного общего

превосходства над австро-венгерскими войсками эрцгерцога Фридриха, а по тяжелой артиллерии уступал противнику втрое. Для достижения успеха требовался нестандартный ход, и Брусилов его нашел.

Отказавшись от принятого в то время способа прорыва на узком участке фронта при сосредоточении на выбранном направлении превосходящих сил, главком Юго-Западного фронта выдвинул идею прорыва позиций противника нанесением одновременных ударов на нескольких участках при максимально возможной концентрации сил на одном-двух главных, заранее выбранных направлениях. Такая форма прорыва лишала противника возможности определить место нанесения главного удара и не давала ему маневрировать резервами. А наступающая сторона — естественно, при условии соблюдения скрытности, — получала возможность полностью применить принцип внезапности и сковать силы неприятеля на всем фронте и на все время операции.

Командующие армиями Юго-Западного фронта не сразу приняли брусилковский план: новое всегда пробивается с трудом. Первоначально его одобрили только генералы Сахаров и Крылов, командовавшие 11-й и 9-й армиями, затем командарм-7 Щербачев. Дольше всех упирался Каледин: его 8-й армии предстояло действовать на острие главного удара. И все-таки Брусилов сумел убедить и Каледина — убедить, а не заставить: по мнению Брусилова, успех невозможен при неверии в него главных исполнителей.

«Два часа ночи» — подумал командующий Юго-Западным фронтом, взглянув на часы, и потребовал горячего чая: лечь спать уже не имело смысла.

* * *

Выспаться поручику Демину не удалось: в три часа ночи русская тяжелая артиллерия начала взламывать вражескую оборону. Гаубицы, похожие на зверей, вытянувших длинные клепаные хвосты, выдыхали горячие плевки снарядов. Пехота сидела в окопах и ждала, пока огненный вал расчистит ей дорогу.

Позиции австрийцев затянуло черным дымом и закрыло сплошной стеной разрывов. Фонтаны вывороченной земли не успевали опадать, как вставали новые; земля гудела, как исполинский барабан, терзаемый сумасшедшим барабанщиком. От грохота орудий солдаты не слышали друг друга — объяснялись жестами. «Вот оно, — думал Демин, глядя в бинокль на бурую стену дыма и пыли, колыхавшуюся над вражескими окопами, — вот оно! Не иссякла еще русская сила — ломим!».

Артиллерийская подготовка продолжалась почти сутки, а на некоторых участках и сорок восемь часов, и только потом пехота пошла в атаку. Стрелки шли волна за волной через разметанные «поросятами» проволочные заграждения и засыпанные окопы, изрытые трехметровыми воронками, почти не встречая сопротивления. Молот «бога войны» оглушил австрийцев, и огневой вал сдвинулся в глубь вражеской обороны, сопровождая наступающие цепи.

Прорыв был осуществлен в тринадцати местах, в том числе и в ключевых точках, где было достигнуто двух-трехкратное превосходство. За первые три дня войска Юго-Западного фронта продвинулись в глубину на двадцать пять-тридцать километров. Части Восьмой армии 25 мая взяли Луцк и наступали на Ковель, Одиннадцатая армия продвигалась на Злочев, Седьмая — на Станислав, Девятая — на Коломыю.

Австрийский фронт трещал и рушился. Победители считали богатые трофеи, а в тыл русских войск потянулись многотысячные колонны пленных. Это был настоящий триумф русского оружия, изумивший Запад, где после «восточной катастрофы» пятнадцатого года полагали, что Россию можно уже не принимать всерьез.

Наступление на Ковель преследовало стратегическую цель кампании: объединить усилия Юго-Западного и Западного фронтов, разгромить значительные силы противника и выбить из войны Австро-Венгрию. Но этим надеждам не суждено было сбыться: генерал Эверт, ссылаясь на дождливую погоду и незаконченность сосредоточения, отсрочил начало

наступления армий своего Западного фронта и получил при этом одобрение Ставки. Этот промах русского главнокомандования использовали немцы: обеспокоенные судьбой своего основного союзника, они перебросили на Восточный фронт несколько дивизий и заткнули ими «ковельскую дыру».

С 12 июня на Юго-Западном фронте наступила пауза. Армии Брусилова, добившиеся успеха почти на всех направлениях, перешли к обороне, выполняя приказ командующего «впредь до распоряжения прекратить общее наступление и очень прочно закрепиться на занимаемых ныне позициях, которые оборонять активно».

* * *

В 1916 г. она (русская армия — прим. ред.) еще была крепка и, безусловно, боеспособна, ибо она разбила значительно сильнее врага и одержала такие успехи, которых до этого времени ни одна армия не имела.

Брусилов А. А. «Мои воспоминания»

Юго-Западный фронт, середина июня 1916 года

«Если бы у нас был настоящий верховный вождь, — думал генерал, изучая карту, — и все главнокомандующие действовали по его указу, то мои армии, не встречая достаточно сильного противодействия, настолько выдвинулись бы вперед и стратегическое положение врага было бы столь тяжело, что даже без боя ему пришлось бы отходить к своим границам и ход войны принял бы совершенно другой оборот, а ее конец значительно бы ускорился. А мне, — Брусилов поморщился, словно от зубной боли, — потихоньку посылают подкрепления с бездействующих фронтов, но и противник не зевает, и так как он пользуется возможностью более быстрой перестройки войск, то количество их возрастает со значительно большей прогрессией, чем у меня, и численностью своей, невзирая на громадные потери пленными, убитыми и ранеными, противник уже значительно превышает силы моего фронта».

Командование фронта на основе директивы Ставки приступило к подготовке нового общего наступления. В телеграмме начальника штаба фронта Клембовского командующим армиями было сказано: «Перерыв в наступлении надлежит использовать для пополнения частей людьми, накопления огнестрельных припасов, перегруппировок и для подготовки атаки. Хотя противник расстроен и позиции его слабее уже взятых нами, однако тщательность и продуманность подготовки атаки настоятельно необходимы для успеха и уменьшения жертв с нашей стороны».

Юго-Западный фронт, воодушевленный достигнутым успехом, готовился продолжать наступление, а Куропаткин и Эверт, жалуясь на «объективные» трудности, практически не делали ничего. Ставка решила перенести главные усилия на Юго-Западный фронт, однако время было уже упущено.

Новое наступление русских войск началось 21 июня и крайне осложнило положение австрийцев. После мощной артиллерийской подготовки войска Брусилова прорвали оборону противника и через несколько дней вышли на реку Стоход, однако попытки форсировать реку на плечах отступающего противника успеха не принесли. Немцы и австрийцы сумели заблаговременно разрушить переправы и контратаками мешали русским переправиться на западный берег Стохода. Наступление замедлилось и приостановилось — генерал Брусилов вынужден был подтягивать свежие резервы.

Русские войска снова пошли вперед 15 июля, но это наступление уже не было столь успешным: успех был лишь частичным, а потери резко возросли. Противник сосредоточил крупные резервы в полосе Юго-Западного фронта и оказывал ожесточенное сопротивление. Затяжные бои велись с переменным успехом, и к середине сентября фронт стабилизировался. Наступательная операция войск Юго-Западного фронта, продолжавшаяся более ста дней, завершилась.

— Я не буду попусту лить русскую кровь, имея в виду призрачность успеха, — сказал

Брусилов Клембовскому, ознакомившись со сводками потерь. — Мы будем продолжать бои уже не с прежней интенсивностью, стараясь возможно более сберечь людей, а лишь в той мере, которая будет необходимой для сковывания возможно большего количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам — итальянцам и французам. Мы нанесли неприятелю ущерб втрое больше нашего, заняли Буковину и значительную часть Восточной Галиции. Это победа, Владислав Наполеонович, так не будем же омрачать наши сто дней новым Ватерлоо, поставившим точку в судьбе знаменитого тезки вашего батюшки.

Клембовский улыбнулся каламбуру командующего фронтом, а Брусилов, помолчав, добавил:

— Я бы немедленно сместил Эверта за все его фокусы, а Куропаткину не доверил бы и взвода. Бедная Россия, в который раз беззаветное мужество твоих солдат сводится на нет неспособностью высшего командования... При таком способе управления Россия, очевидно, выиграть войну не может, что мы неопровержимо и доказали на деле, а между тем счастье было так близко и так возможно. Только подумать, если бы Западный и Северный фронты навалились всеми силами на германцев, немцы были бы безусловно смяты. А так... — генерал безнадежно махнул рукой и повторил: — Бедная Россия, что тебя ждет...

...В боях на Стоходе неподалеку от батареи Демина лопнул германский «чемодан». Поручик не услышал взрыва — он только ощутил, как что-то горячее с силой толкнуло его в бок. А потом закружились земля и небо, и пришло ощущение падения в бездонную пропасть. Он падал, и слышал голос: «Не верь тому, кто станет говорить, будто бы воины русские не умели и не умеют воевать. Если бы это было так, не раскинулась бы держава русская на шестую часть земли». Петр слушал этот суровый голос и падал, падал, падал в смерть. Падал — и никак не мог упасть...

* * *

...Капитан Дементьев проснулся, как от толчка, и не сразу понял, где он находится, и кто он. Нестерпимо болел бок — там, куда ему (или не ему?) во сне (или наяву?) только что впился зубастый осколок немецкого снаряда. За окнами штабной машины тянулись поля, холмы и рощи Приднестровья лета сорок четвертого года, а в ушах его снова звучал голос. Но это был не тот суровый мужской голос, к тембру которого Павел уже привык, а тихий и мягкий женский голос — голос Анны. «Я колдовала тебе вслед, и ты увидел одну из своих прошлых жизней, оборвавшуюся здесь, в этих местах, двадцать восемь лет назад. А эта твоя жизнь будет долгой. Прощай, воин...».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. НА ЗЕМЛЕ ПОЛЬСКОЙ

На братских могилах не ставят крестов...

Владимир Высоцкий

На этот раз дивизион расположился в большом лесу вдали от поселений. Солдаты сноровисто и привычно соорудили просторные землянки, рассредоточили и укрыли технику. Артиллеристы готовились к новым боям и отдыхали. Отдыхали основательно: по вечерам крутили кинофильмы, нередкими были и выступления фронтовых концертных бригад. Ко всему прочему, командование организовало что-то вроде выставки вооружений, где были представлены новейшие образцы военной техники, поступавшей в войска. Сам факт этой выставки говорил о многом: если есть возможность использовать танки, которые в сорок первом и сорок втором годах распределялись по фронтам чуть ли не поштучно, в качестве экспонатов (пусть даже временно), значит, времена изменились, и победа уже не за горами. На выставку приглашались офицеры вплоть до комбатов и их заместителей, а также летчики соседней воздушной армии, тоже находившейся в резерве Ставки.

Дементьев с интересом разглядывал тяжелые танки прорыва «ИС-2», вооруженные мощной 122-миллиметровой пушкой и имеющие противоснарядное бронирование, и новые «тридцатьчетверки» с 85-миллиметровым оружием.

— «Т-34-85», — пояснил офицер-танкист, исполнявший роль гида при бронированном экспонате, — может служить и транспортером пехоты. Сажаем на броню автоматчиков, и вперед. Видите поручни? Это чтобы держаться.

Как артиллериста, Павла впечатлили самоходки «ИСУ-152». «Да, могучая машина, — подумал он, — гаубица на гусеницах».

— «Зверобой», — сказал «хозяин» этого «предмета экспозиции», похлопав стальное чудовище по скошенному лбу. — Скорость стрельбы из-за раздельного заряжания невелика, но попадания снаряда весом в пятьдесят кило никакой «тигр» не переживет.

Особняком стояли «катюши» гиленковского дивизиона, вызвавшие особый интерес. Однако Дементьеву они были уже не в диковинку, и он предпочел пообщаться с другом Юрием, с которым давно не виделся. Он разговаривали, а тем временем начался коронный номер программы: Катукон, как гостеприимный хозяин, решил удивить гостей «выставки» боевыми стрельбами из всех «экспонатов».

Пока стреляли орудия, минометы и танки, все шло как по маслу: мишени эффектно разлетались на куски и красиво горели, а летчики восторгались. Наконец, дело дошло до «катюш», и Катукон приказал командиру 79-го гвардейского минометного полка полковнику Бондаренко стрелять прямой наводкой. Услышав это, Гиленков переменялся в лице:

— Что сейчас будет... — прошептал он на ухо Павлу. — Пошли-ка отсюда подальше.

— Разъясни, — потребовал Дементьев.

— Эллипс рассеивания, — тихо сказал Юрий. — «Эрэсы» при стрельбе гуляют. У «бэ-эм» огромный разброс снарядов, особенно при стрельбе на малой дистанции. При ведении огня прямой наводкой снаряды начинают рваться буквально в ста метрах от пусковой — эллипс рассеивания идет параллельно плоскости стрельбы. Лучшая кучность на дистанции пять-шесть километров, там эллипс рассеивания приближается к кругу, а на дистанции семь-восемь километров снаряды ложатся эллипсом перпендикулярно плоскости стрельбы. Понял?

— В общих чертах.

— Сейчас увидишь в деталях, — пообещал Гиленков. — Одно не пойму: неужели Бондаренко не знает таких простых вещей? Или он никогда не был на огневых позициях и сваливал всю свою работу на подчиненных?

Тем временем Катукон что-то рассказывал окружающим его высоким летным чинам. Что именно, Павел не слышал по причине довольно большого расстояния, однако, судя по экспрессивной жестикуляции командарма, речь шла о потрясающей эффективности «РС», и гости, естественно, с нетерпением ожидали зримого подтверждения слов хозяина. Наконец, Катукон величественно кивнул Бондаренко, и тот махнул офицеру, сидевшему в кабине боевой машины и державшему руку на замыкателе.

Все шестнадцать реактивных мин одна за другой сорвались с направляющих, подняв за машиной тучу дыма и пыли, и тут же, в той же последовательности, начали рваться неподалеку, причем пара снарядов легла всего в ста пятидесяти от толпы зрителей. В воздухе противно заныли осколки. Гиленков с Дементьевым проворно залегли, рассудив, что продолжение шумного спектакля под названием «Показательная стрельба «катюши» прямой наводкой» безопаснее смотреть из партера, пребывая в положении «лежа». Ошарашенные экскурсанты незамедлительно последовали их примеру. Катукон, лежа на земле, надсадно кричал «Бондаренко, хватит, убедил!», для вящей доходчивости щедро сдабривая свою лаконичную речь непечатными эпитетами. Толстяк полковник стоял растерянный и бледный, наверняка уже прощаясь мысленно со своими тремя звездами на погонах.

К счастью, осколки никого не задел. Гости отделались легким испугом, и кто-то из них даже пошутил: мол, «катюши», оказывается, и по своим стреляют — они, мол, признают за «настоящих своих» только солдат и офицеров армии Катукон.

Павел не узнал, какие «серьги» раздал генерал всем «сестрам», замешанным в этом конфузе, но Юра, заприметив наметанным глазом побелевшие костяшки пальцев Катукова, сжимавшего палку, глубокомысленно изрек, имея в виду Бондаренко:

— Быть ему битым...

Впрочем, летчики не обиделись. Через несколько дней они пригласили танкистов к себе, и капитан Дементьев впервые увидели вблизи истребители, штурмовики и пикирующие бомбардировщики, которые он до этого видел только в небе, маленькими силуэтами. И среди советских машин стоял английский тяжелый бомбардировщик «ланкастер».

— Союзники подарили, — объяснили хозяева аэродрома. — Этот самолет выполнял челночный рейд, был поврежден немецкими зенитками, вот англичане нам его и оставили — не тащить же такую махину домой волоком, да еще через всю Европу и через линию фронта.

А Павел смотрел на громоздкую машину и испытывал странное чувство: неприязнь. Это был бомбардировщик союзников, тоже воевавших против Гитлера, и все же было в нем что-то угрожающее, как будто союзник этот мог в любой момент превратиться в противника.

* * *

Бронированные машины Катукова снова пошли вперед 13 июля 1944 года. Сжатая пружина вновь начала распрямляться, продавливая немецкую оборону. Коричневый Дракон неистовствовал — теперь уже Гитлер издал приказ о том, что солдаты вермахта защищают границы «Тысячелетнего Рейха», и потому отступление будет караться смертью. Германская группа армий «Северная Украина» опиралась на четыре укрепленные линии, из которой самой мощной была вторая — «Принц Евгений», с тремя, а кое-где даже с пятью рядами траншей, густо нафаршированных долговременными огневыми точками. Но русские клинки уверенно вспарывали чешую Зверя — Первая гвардейская танковая армия рвалась к Висле.

Восьмой механизированный корпус Дремова двинулся в наступление семнадцатого июля, а вскоре в судьбе капитана Дементьев произошел перелом, и событие это, совершенно незначительное по фронтовым масштабам, по накалу страстей могло соперничать с драмами Шекспира.

Бок о бок с артиллерийским дивизионом Власенко наступал 405-й дивизион «катюш» Гиленкова. На марше «эрэсники» попали под огонь немецкой дальнобойной артиллерии, а чуть позже Юрий потерял своего начальника штаба Георгия Сидоровича, подорвавшегося на mine. Гиленков немедленно доложил об этом Дремову и попросил назначить начальником штаба капитана Дементьева — помнил Юра свои слова, сказанные им Павлу под Калинином: «Я тебя к себе перетащу, ты так и знай!». Надо сказать, что дивизион «РС» был для Дремова основной ударной силой, «карманной артиллерией резерва», решающим козырем, который он использовал в самых сложных ситуациях. Без начальника штаба стрельба не велась, а комкор никак не мог позволить себе остаться без «катюш» гиленковского дивизиона в ходе наступления.

Генерал Дремов дал «добро», однако не удосужился сообщить об этом Липатенкову. Власенко, услышав, что у него забирают начштаба в самое горячее время, взвыл и кинулся в ноги к комбригу — спасай, отец-командир, меня тут без ножа режут! — и тот, не знавший о решении Дремова, поддержал своего комдива: коней на переправе не меняют. Приехавший за Дементьевым офицер уехал ни с чем.

Однако через два часа Липатенков влетел на «виллисе» в расположение артдивизиона и бросил Дементьеву, не вылезая из машины:

— Садись, едем к Дремову!

— Мне бы вещи собрать, товарищ полковник, и ординарца, — заикнулся было Павел, но комбриг на корню пресек его поползновения:

— Потом заберешь свое имущество, сейчас не до того. Нас ждут на командном пункте корпуса, Дремов там рвет и мечет.

По дороге полковник рассказал, как разворачивались события. Понимая, что Гиленков

без начштаба как без рук, а он, Дремов, без Гиленкова останется без своего личного огневого резерва, грозный комкор тут же вызвал Липатенкова и обрушил на него громы и молнии.

— Из-за тебя он меня чуть палкой не отдубасил, — жаловался комбриг. — Сам знаешь, как он скор на расправу.

Павел знал. Еще весной, под Станиславом, когда наше наступление захлебывалось, Дремов от души отметелил Власенко за то, что дивизион замедлил движение вперед, ожидая, пока саперы проделают проходы в минных полях, и пока не пройдут танки. А сам Дементьев тогда избежал палочной экзекуции только потому, что шустро юркнул в штабной вездеход и завел мотор, демонстрируя готовность наступать и гнать немцев хоть до Берлина.

Дремов ждал их на КП корпуса, сильно напоминая предельно раздраженную пантеру.

— Долговязый какой, — пробурчал он, неласково глядя на Дементьева, — еще в кабину не влезет. Гиленков!

— Здесь, товарищ генерал!

— Забирай своего начальника штаба, и чтоб через час доложил, что мой резерв может стрелять в любую минуту!

Удалившись от начальства на безопасное расстояние, Юра крепко обнял друга.

— Ну, что я тебе говорил? — улыбнулся он, хлопнув Павла по плечу. — Вместе будем воевать, дружище!

...Это была настоящая фронтовая мужская дружба, а не та пошленькая голубоватая, что бледной поганкой проросла на сытом и гнилом болоте конца века двадцатого и начала века двадцать первого, когда слишком многие мужчины перестали быть мужчинами...

Через полчаса Дементьев уже осваивался на новом месте службы.

— Георгий Николаевич Прошкин, — сказал Гиленков, знакомя Павла с замполитом. — Он в курсе всех дел, так что поможет. А матчасть ты и сам освоишь не хуже знакомых тебе семидесятишестимиллиметровых — ты же у нас артиллерист! А я поехал обратно — Дремов привык, чтобы я все время был с ним рядом. Ну, бывай!

И тут же исчез, словно по волшебству.

— Пойдемте, капитан, — произнес комиссар, не слишком приветливо, как показалось Дементьеву, изучая нового начальника штаба, — познакомлю вас с личным составом.

Представив Дементьева бойцам, Прошкин произнес перед строем короткую речь:

— Мы должны в любой обстановке беречь наши боевые машины. Если какой-нибудь разгильдяй, это касается прежде всего водителей, загонит машину в яму или кювет, выведет ее из строя, я лично набью ему морду, и жалобы потом политотдел принимать не будет. Я понятно говорю?

«Будем считать, что политико-воспитательная работа проведена» — подумал Павел и отдал приказ начать движение: дивизиону надо было догонять ушедшую вперед бригаду.

* * *

Польша, куда Первая танковая вошла двадцатого июля, стала для Павла Дементьева первой настоящей за границей. Многое казалось ему здесь необычным и непривычным: крепкие поселки (обязательно с каменными домами), солидные хозяйственные постройки для скота, амбары для зерна, навесы для разнообразной сельскохозяйственной техники. Глаз его поневоле задерживался на ухоженных огородах и садах, на причудливых беседках и верандах, густо увитых плющом и диким виноградом, на дорожках, заботливо и аккуратно посыпанных песком или каменной крошкой, на ладных кирпичных заборах с массивными железными воротами. И сам Павел, и другие офицеры сравнивали все это великолепие с тем, что они видели в родных деревнях, и часто сравнение это было явно не в пользу «страны победившего социализма».

«Наверно, — думал Дементьев, — точно так же смотрели на Европу русские офицеры армии Кутузова, будущие декабристы, гнавшие на запад войска Наполеона. Им, как и нам, тоже многое было в диковинку. Ничего, после войны наша жизнь обязательно станет лучше,

а сейчас главное — добить врага».

Но если польский антураж и был привлекательнее украинского, то об обстановке в Польше этого сказать было нельзя: националистическая каша здесь была солонее и заварена куда круче. Армия Людова была союзницей советских войск, а отряды Армии Крайовой, поддерживавшие эмигрантское правительство Миколайчика, сидевшее в далеком Лондоне, воевали и против немцев, и против русских. И были еще «Народовы силы збройны», сильно напоминавшие махновцев или «зеленых», были «батальоны хлопски», и прятались по лесам разношерстные вооруженные группы без определенной политической ориентации — эти походили на средневековые шайки наемников, служивших мелкопоместным шляхтичам, что кичились властью над одним отдельно взятым уездом, а то и вовсе на самых обыкновенных разбойников. Их разоружали и отпускали на все четыре стороны, не зная, что с ними делать.

— Паршивый народец эти поляки, — злился Прошкин, — запросто могут продать, пойти на сделку с кем угодно. Сегодня с нами сотрудничают, а завтра будут стрелять нам в спину.

И Дементьев, хоть и был против деления народов на «паршивых» и «не паршивых», с ним соглашался: гитлеровцы сражались отчаянно, а тут еще приходится оглядываться, чтобы не получить пулю в спину от тех, кто еще вчера улыбался и приветствовал Красную Армию.

Давали о себя знать и оуновцы, отступившие в Польшу вместе с немцами. Но участь их в итоге оказалась незавидной: спасая от окружения свою Львовскую группировку, немцы бросили на убой украинскую дивизию СС «Галичина», подставив ее под удар наступавших советских войск. Дивизия эта была в полном смысле слова перемолота нашей артиллерией, авиацией и танками под Бродами, Белым Камнем, Бельцеком: из одиннадцати тысяч человек ее личного состава в живых осталось не более трех тысяч, по большей части взятых в плен.

...Наступление продолжалось. Двадцать второго июля восьмой гвардейский корпус вышел к реке Сан и начал ее форсирование, ломая ожесточенное сопротивление немцев.

* * *

Со своими новыми служебными обязанностями начальника штаба дивизиона «РС» Дементьев освоился быстро — с «катюшами» он был уже теоретически знаком, — но в первый же день его пребывания в новой должности все-таки произошел неприятный инцидент.

...Дивизион двигался походной колонной, догоняя танки, вырвавшиеся далеко вперед. Сплошной линии фронта впереди не было: немцы большими группами отходили на запад, и меньше всего Дементьеву хотелось нарваться на такой «блуждающий котел».

К вечеру добрались до небольшого леса и остановились, выслав вперед разведку. Подождав, двинулись дальше, но не пройдя и километра, услышали впереди пулеметные очереди и ружейную стрельбу.

— Капитан, — потребовал Прошкин, — разворачивай дивизион и давай залп. Немцы в лесу!

«Обстановка не ясна, — лихорадочно думал Дементьев. — Здесь недавно прошли наши танки, да и наша разведка противника не обнаружила. Нельзя палить в белый свет — а вдруг влечем по своим? Видел я, что остается после залпа гвардейских минометов».

— Не тяни, капитан, — настаивал комиссар, — а то это плохо кончится! Соображаешь, что будет, если немцы прорвутся к нашим машинам?

Сообразить было нетрудно, к тому же Павел знал, что немцы за уничтожение или захват «катюши» дают железный крест. Дементьев прекрасно понимал всю свалившуюся на него ответственность, и все-таки колебался. Связываться с Гиленковым было уже некогда — дорога каждая минута, — и Павел скрепя сердце согласился.

— Под вашу личную ответственность, товарищ майор, — сказал он, — вы здесь старший по званию. Но не всем дивизионом, а только одной машиной, этого хватит.

После залпа в лесу мигом все стихло, а через некоторое время оттуда стали выходить

мотострелки родной бригады, прочесывавшие лес. Глядя на них, Дементьев испытал острое желание придушить на месте чересчур ретивого политрука и клял себя за мягкотелость. К счастью, реактивные мины легли в стороне — потерь среди пехотинцев не было. А вторым плюсом было то, что Прошкин никогда больше не вмешивался в распоряжения начальника штаба дивизиона, предпочитая не брать на себя чужую ответственность.

* * *

Разрушительная мощь «РС» была куда большей, чем у дивизионных пушек «ЗИС-3», и поэтому Павел всякий раз предельно тщательно готовил данные для стрельбы. А стрелять приходилось часто: Дремов то и дело пускал в ход свой излюбленный «резерв», сокрушая «катюшами» очередной крепкий орешек немецкой обороны. Методика было отлаженной: Гиленков неотлучно находился при штабе Дремова, куда стекалась вся свежая информация о положении дел в полосе наступления корпуса, и стоило только танкистам или мотострелкам где-то споткнуться, как Дремов тут же требовал от Юрия удара «РС». Гиленков связывался с Дементьевым, ставил задачу, сообщал координаты и характеристику цели, советовал, откуда лучше произвести залп и сколькими установками. Он же отслеживал и расположение наших частей и немедленно наносил его на карту во избежание удара по своим. Осторожность была совсем нелишней: стремительно наступавшая армия Катукова оставляла за собой «слоеный пирог», в котором наши части перемешались с отступавшими немецкими частями.

Все остальное делал Дементьев: отмечал на карте заданную цель, готовил исходные данные для стрельбы — буссоль, уровень, прицел, — и сообщал их командирам батарей. «БМ» уже стояли в готовности к выходу на позиции; их водители-виртуозы, в большинстве своем имевшие по два-три ордена, ждали только приказа, и как только Дементьев садился в свою легковую машину, вся колонна следовала за ним. По прибытии на место боевые расчеты и командиры батарей в считанные секунды наводили установки на цель, Дементьев по радио докладывал Гиленкову о готовности дивизиона к стрельбе, а тот, в свою очередь, докладывал Дремову. И только после этого следовала команда «Огонь!».

Залп дивизиона «катюш» — зрелище завораживающее. Каждый раз, следя за потоком огненных стрел, Павел испытывал щемящий восторг. Однако любоваться этим феерическим зрелищем было некогда: последние мины еще рвались у цели, а «БМ» уже срывались с места и на полном газу уносились прочь. Немецкая авиация не зевала, а засечь «РС» было проще простого по густому шлейфу дыма и пыли, поднятому реактивными струями на месте пуска.

Результаты стрельбы узнавали уже «на бегу» — от Гиленкова. Иногда он благодарил, иногда просто давал оценку, а иногда шутил — мол, фрицы сыграли отходную, а кто остался жив, смазали пятки.

Вся эта процедура скоро стала для Дементьева привычной, почти рутинной, и поэтому он насторожился, когда однажды, поставив задачу, Юрий вскоре снова вышел на связь и спросил у него, правильно ли Павел все рассчитал. До сих пор у Гиленкова не было повода сомневаться в компетентности друга, и Дементьев удивился, хотя и не придал этому особого значения — мало ли что могло случиться на КП у непредсказуемого Дремова.

Но когда Гиленков через какое-то время догнал дивизион на марше, Павел понял по выражению его лица: случилось что-то серьезное.

— По своим пальнули, — ответил Юра на его немой вопрос, — по приказу Дремова.

Оказалось, что по просьбе одного из комбригов Дремов приказал дать залп по одному упорно огрызавшемуся немецкому опорному пункту. Дотошный и опытный Гиленков тут же сверился с картой — по его данным, туда уже подходили наши части. О своих опасениях он доложил Дремову, но генерал вошел в раж и приказал немедленно открыть огонь. Однако Юрий проявил твердость, беспокоясь не столько за себя, сколько за русских солдат, которые могли попасть под его снаряды, и потребовал письменного распоряжения. Этого генерал никак не ожидал и схватился за палку, но Гиленков упрямо стоял на своем: хоть под трибунал пойду, а без письменного приказа стрелять не буду. Осатаневший Дремов, недолго

думая, приказал начальнику штаба корпуса, полковнику Воронченко, выдать «упертому майору» требуемый документ с печатью.

К сожалению, на этом позитивная часть события закончилась, и пошел сплошной негатив: как и следовало ожидать, снаряды разорвались в расположении наших войск, были убитые и раненные.

— Так что, Павел Михайлович, жди теперь гостей, — закончил свой невеселый рассказ Гиленков. — Война, брат, не все списывает...

И гости не замедлили явиться: на следующий же день в дивизион прибыл армейский прокурор. Дементьев подробно рассказал ему, как все было, и показал письменный приказ Дремова, полученный от Гиленкова. Прокурор хотел забрать с собой это маленький листок бумаги, но у Павла хватило ума оставить у себя эту «охранную грамоту» и выдать вместо нее копию, заверенную печатью дивизиона.

Как удалось Дремову замять эту историю, ни Дементьев, ни Гиленков не узнали, но он остался командовать корпусом, и никаких карательных мер по отношению к нему так и не последовало. По завершении работы комиссии армейский прокурор сказал Гиленкову, что в случившемся нет его вины, и что они с капитаном Дементьевым действовали правильно, но Павел подумал, что не будь на руках у Юры клочка бумаги с печатью и подписью Дремова, «его превосходительство» (несмотря на то, что Гиленков ходил у него в любимцах) ради сбережения своего генеральского реноме сдал бы их обоих — и Гиленкова, и Дементьева, — со всеми потрохами.

* * *

За годы войны Павел Дементьев много раз форсировал разные реки, и почти всегда под огнем. Не стала исключением из этого правила и Висла конца июля сорок четвертого, которую 405-й дивизион переходил по понтонному мосту, переправляясь на Сандомирский плацдарм.

...Понтоны качались вверх-вниз под тяжестью идущих по мосту машин, а вокруг то и дело вставали столбы вспененной воды: немецкая авиация бомбила переправу. Надрывались тридцатисемимиллиметровые зенитки, прошивавшие дымное небо с обоих берегов Вислы, русские истребители сбивали пикировщиков одного за другим, но «юнкеры» заходили на цель снова и снова, стремясь во что бы то ни стало разрушить понтонный мост.

Голова колонны «катюш» была на середине реки, когда пара «юнкеров» прорвалась к переправе. Дементьев, стоя на подножке «студебеккера», видел, как они приближаются, завывая и вытягивая вперед хлесткие щупальца пулеметных трасс. Один из них задымил и отвалил в сторону, заваливаясь на крыло и теряя высоту, но второй падал прямо на Павла, с каждой секундой увеличиваясь в размерах. И Павел ощутил тягучее чувство приговоренного к смерти, над головой которого уже занесен топор палача.

— Жми без оглядки! Не останавливайся! — крикнул он водителю.

У края моста взметнулась вверх стена воды, пронизанная огнем и дымом. Дементьев машинально вытер рукавом брызги, окатившие его с ног до головы, и тут его будто толкнула в спину чья-то невидимая ладонь. И показалось ему почему-то, что ладонь эта была хоть и сильной, но женской. Подчиняясь этому внезапному толчку, он соскочил с подножки, а в следующую секунду железо подножки вспучилось, взрытое врезавшимися в нее пулями. Они ударили сверху вниз, почти вертикально, и если бы на их пути оказалось тело человека по имени Павел Дементьев...

«Юнкерс», не выходя из пике, рухнул в реку, а Павел снова вскочил на изувеченную подножку, чувствуя подошвами сапог острые края пробоев. Машина с ревом вырвалась на твердую землю, где всюду кипел бой, а он смотрел прямо перед собой невидящими глазами, все еще не веря в то, что остался в живых. И на самом краю сознания своего он разобрал еле слышное «Ты будешь жить, воин...» и узнал голос кареглазой колдуньи Анюты.

...Бои на Сандомирском плацдарме были жестокими. Здесь сложил свою буйную

голову лихой разведчик Володя Подгорбунский, и здесь же погибли сотни и тысячи других русских воинов. Не всех, далеко не всех оберегала невидимая рука хранящая...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ЖЕНСКИЙ ЛИК ВОЙНЫ

*Этой должности нет на листах боевых расписаний,
Не до лирики там, где смертями набиты бои,
И «до гроба любить» на войне не дают обещаний,
Ведь война — это жизнь, у которой законы свои
Говорят, что у войн — абсолютно не женские лица,
Может, это и так, но опять через огненный ад
На высоту ползет, стиснув зубы, девчонка-сестрица,
Словно ангел, крылом укрывая упавших солдат
И нагрянет весна, как кино довоенного мира,
Обожженную ночь забинтует черемухи цвет...
«Полевая жена», фронтовая жена командира
Вдруг заплачет от счастья, названья которому нет
Что поделаешь, если в землянке душа замерзает,
И под встречным огнем повстречались любовь и война
Ведь родная жена только раз на войну провожает,
И почти каждый день смотрит вслед «полевая жена».
Перепутал опять звездопад небеса и погоны,
Но примчится приказ, разметав фронтовое жилье,
И навстречу свинцу командир поведет батальоны,
У последней черты вспоминая совсем не ее
А потом будет май и парадная тяжесть мундира,
Но победный салют поездам не задержит разбег...
«Полевая жена», фронтовая жена командира
Вновь заплачет от счастья, с которым простится навек
Анатолий Пшеничный, «Полевая жена»*

После грохота канонады тишина бьет по ушам взрывом тяжелого снаряда, и живые — те, кому в очередной раз удалось обыграть ненасытную старуху смерть, — чувствуют себя заново рожденными. С детским любопытством смотрят они на мир, надевающий свой желто-багряный осенний наряд, и с детской жадностью спешат попробовать его на вкус. Могучи законы природы и жизни, и никакая война не в силах их отменить.

...Начало осени сорок четвертого на Львовщине, на землях, принадлежавших некогда польскому вельможе графу Потоцкому, выдалось теплым. Огненная топь страшной войны ненадолго выпустила людей из своих цепких объятий, и люди спешили надышаться впрок, перед следующим погружением в кровавый омут. Нырять туда не хотелось — конец войны уже брезжил, это было видно по всему, в том числе и по триумфальному оттенку приказов Сталина, — но оставалось незыблемое «Кто, кроме нас?», и солдаты русские ждали приказа, чтобы снова идти в огонь. А пока они просто жили, радуясь каждой минуте бытия, такого драгоценного и такого хрупкого.

Павел с группой офицеров дивизиона побывал во Львове — древний город, почти не затронутый войной, того стоил. Дементьев бродил по его узким улочкам, где с трудом могли разъехаться два экипажа, любовался строгой готикой костелов, часовней Баимов, гротом со львами на горе Высокий Замок, памятниками поэту Адама Мицкевичу и первопечатнику Ивану Федорову — жила в душе воина тяга к прекрасному. Втайне он надеялся, что вновь отдернется завеса памяти и опять приоткроется дверь в прошлое, как это случилось с ним в Приднестровье, но тени прошлого безмолвствовали.

Прошлое молчало, зато рядом переливалось всеми красками жизни настоящее. Штаб дивизиона стоял несколько дней в селе Яворив, разместившись в школе. Директором школы

был пожилой поляк интеллигентного вида, живший неподалеку от нее в собственном доме с женой и служанкой. По инициативе Прошкина, налаживавшего «отношения с местным населением», Дементьев приглашал пана директора в гости, сманивая его русской водкой и украинским борщом, но поляк отнекивался, ссылаясь на язву желудка.

Зато жена его, пани Гражина, весьма эффектная «язва» лет двадцати четырех, была не прочь пообщаться с «господами русскими офицерами» и охотно принимала приглашения на обед. Наблюдая за ее движениями, мимикой, блеском глаз, Дементьев быстро и безошибочно определил, что темпераменту этой особы позавидует ансамбль африканской песни и пляски: пани Гражина прямо-таки излучала зовущие флюиды. «Да, — подумал Павел о болезном пане директоре, — с такой супругой не то что язву желудка, инфаркт в два счета заработаешь!». Офицеры общались с Гражиной на смеси польского, украинского и русского языков, но это не помешало Павлу понять, что очаровательная пани предпочитает его другим гвардейцам.

— А ведь ясновельможная наша на тебя нацелилась, Паша, — подтвердил его гипотезу Гиленков. — Завидую тебе — какая женщина!

Дементьев и сам это видел: Гражина кокетничала с ним напропалую, пустив в ход весь арсенал извечных женских уловок, предназначенных дать понять мужчине, что дама к нему «неровно дышит».

— Пан капитан, — спросила она однажды, — скажите, как военный человек, где лучше ховаться, если налетят немецки самолеты?

— Лучше всего в подвале школы, — ответил Дементьев, оценив обстановку и немного подумав.

— Покажите, — тут же потребовала Гражина.

В довольно просторном подвальном помещении, заваленном бочками, ящиками, баулами и банками со съестными припасами, было полутемно. Гражина бурно дышала, ее пышная грудь так и норовила выскочить из платья. Прекрасная пани, изображая испуг, взяла Павла за руку и стиснула ее так, словно «немецки самолеты» не только уже налетели, но и сбросили бомбы, которые вот-вот угодят прямо в этот уютный подвал. И тогда Павел обнял Гражину и крепко поцеловал, прикидывая, как бы ему половчее уложить ее на очень кстати подвернувшийся объемистый тюк с какими-то тряпками. Гражина страстно ответила на его поцелуй, но стоило только Дементьеву начать развивать наступление, как она вырвалась вдруг из его объятий и горячечно зашептала:

— Матка Боска, спаси меня! Не могу я, пан капитан, никак не могу!

— Почему, Гражина? — изумился Павел.

— Я мужняя жена, и Бог меня не простит, если я изменю мужу. Грех это большой! Вот если бы я была церковью разведена или вдова, тогда б я с радостью была бы твоя душой и телом, а так — не могу я, никак не могу. Грех это, грех...

«Ну, душа твоя мне как-то ни к чему, — подумал Дементьев, — а вот тело... Оно у тебя любого с ума сведет».

Однако он вынужден был отступить на исходные позиции: предложение быстренько сделать Гражину вдовой выглядело бы неуместным, а мысль о насилии Павлу даже в голову не приходила.

До сих пор он и не предполагал, что католическая церковь имеет в Польше такое влияние на души людей. Павел относился скептически к ее служителям, и на то были у него основания.

Во время боев на Западной Украине они с комдивом Власенко гостили в селе Петриков у местного ксендза. Ксендз оказался личностью интересной: он хорошо разбирался в политике, был образован, прекрасно говорил по-русски и ненавидел «швабов» — так поляки называли немцев. Но царапнула Дементьева в его поведении тень фальши, когда ксендз, воздев очи горе, на вопрос о жене ответил, что он дал обет безбрачия, дабы посвятить себя всецело служению богу. В это можно было поверить, если бы служанкой в доме ксендза не была молоденькая красивая девушка с аппетитными формами, вилявшая крутыми бедрами и

беззастенчиво обстреливавшая глазками обоих офицеров. «При такой служанке безбрачием тут и не пахнет, — подумал тогда Павел, приметив маслянистый блеск в глазах ксендза, когда тот поглядывал на девушку. — Хотел бы он посвятить себя богу, взял бы в дом какую-нибудь старушку, а с такой прислугой времени для всеобщих молитв точно не останется. Богу, как говорится, богово, но о плоти своей грешной наш святой отец явно не забывает».

А совсем недавно, во Львове, Дементьев услышал легенду о женском католическом монастыре, расположенном недалеко от площади Рынок. У монахинь этого монастыря вдруг начали рождаться дети, что повергло в крайнее изумление и все местное католическое начальство, и далекий Рим. Проникнуть в монастырь лицу мужского пола было невозможно, да и монашки категорически отрицали плотскую связь с мужчинами. Правда, они упоминали о каких-то эротических сновидениях, однако красивая версия безгрешного зачатия почему-то не нашла отклика в сердцах высших церковных иерархов. Дело о таинственном рождении детей расследовалось комиссией Ватикана во главе с папским нунцием, но докладывать Святейшему Престолу в результате оказалось нечего.

Тайну раскрыл умирающий настоятель соседнего мужского монастыря, исповедуясь на смертном одре. Оказалось, что его монахи много лет рыли подземный ход из мужского монастыря в женский, а по окончании саперных работ начали тайком посещать по этому ходу своих «коллежанок». По официальной версии, папский нунций не предал эту тайну огласке, пожалев бедных монахов и монахинь, но скорее всего, он просто оказался умным человеком и решил не расшатывать устои веры обнародованием такого прискорбного факта. В итоге все свелось к «безгрешному зачатию» — по распространенным нунцием слухам, дети в монастыре рождались исключительно «по воле божьей».

Понятно, что оба эти случая не слишком убедили Дементьева в том, что католическая церковь способна обуздать любовную стихию, однако случай с Гражиной доказывал именно это. Прекрасная пани, прощаясь с Павлом, пролила горячую слезу, но так и осталась для него чисто платоническим воспоминанием.

А Гиленков, которому Павел рассказал историю своей «любви» с очаровательной и темпераментной, но истово верующей полячкой, заметил философски:

— Да, Паша, женщина — существо загадочное.

* * *

Война — это смертельная игра мужчин, и женщинам, не сумевшим остаться в этой кровавой игре зрительницами, отводится роль или жертв, или призов. Все так, но стальной гребень Великой Войны нещадно проредил мужскую часть населения России, и женщинам пришлось сменить ситцевые платья на гимнастерки. Были среди них беспощадные амазонки — снайперы, считавшие убитых немцев десятками и даже сотнями, или «ночные ведьмы», пилоты легких бомбардировщиков «По-2», доводившие завоевателей до иступления, — но в основном девушки служили связистками или медсестрами, спасавшими и возвращавшими в строй раненых воинов. Женщины шли рядом с мужчинами по жестоким дорогам войны, под теми же пулями и осколками, делили с воинами все тяготы и умирали вместе с ними. Но они оставались женщинами, которым природой назначено не отнимать, а дарить жизнь, и потому цвела на войне горькой полынь-травой фронтовая любовь.

Любовь эта была отчаянной, разбавленной привкусом смертного безумия. На глазах у женщин тысячи и тысячи молодых русских парней, не ставших мужьями и отцами, ложились в братские могилы, и плескался в женском подсознании темный ужас грядущей одинокой старости, не согретой детьми и внуками. И они кидались в любовь, как в омут, с головой, не думая о том, удастся им выплыть или нет. И мужчины, каждый день стоявшие на зыбкой грани, отделявшей живых от мертвых, тоже спешили любить, зная, что уже завтра может не быть ничего.

Зачастую (как и в мирной жизни) фронтовые романы были краткими и ни к чему не обязывающими, но иногда распускались на фронте дивные цветы настоящей любви, которой

по-доброму завидовали. И становилась такая любовь главной для обоих ее участников.

Походно-полевые жены были таким же неотъемлемым атрибутом Великой Войны, как танковые атаки или массированные авианалеты. Фронтная жена маршала Жукова стала и его «мирной» женой, оттеснив прежнюю супругу полковника, а «подвиги» Рокоссовского, одинаково прославленного и на поле брани, и в делах амурных, вызывали острую мужскую зависть его менее удачливых «боевых соратников». Дошло до того, что на красавца-маршала пожаловались Сталину — мол, распутничает на фронте товарищ Рокоссовский, знаменитых актрис соблазняет товарищ Рокоссовский, что будем делать с товарищем Рокоссовским? — на что вождь ответил: «Завидовать будем товарищу Рокоссовскому».

Любви все возрасты покорны — генералы обзаводились молоденькими фронтными женами, не уступая молодым лейтенантам и капитанам. В сорок втором Катюков разругался из-за своей фронтной жены — журналистки Екатерины Красавцевой, ставшей у Катюкова секретарем-машинисткой и дошедшей с ним до Берлина, — со своим сыном от первого брака, лейтенантом-летчиком: сын не смог простить отцу измены памяти матери. Но Катюков был вдовцом, а у большинства генералов в тылу были семьи, что несколько не мешало им иметь походно-полевых жен. И только Кривошеин — единственный из всех генералов — жил на фронте со своей законной женой, приехавшей к мужу и прошедшей рядом с ним всю войну.

Не избежал стрел «Амура в гимнастерке» и грозный генерал Дремов. Он настолько увлекся девушкой-санструктором саперного батальона, что готов был ради нее бросить семью. Знающие люди втихую посмеивались над пылкой генеральской любовью: шустрая девица периодически навещала «эрэсовский» дивизион, чтобы встретиться с фельдшером, с которым она основательно хороводилась до того, как на нее упал благосклонный взгляд «его превосходительства», предавалась с ним любовным утехам, а затем возвращалась на сытные генеральские хлеба. «Фронтному мужу» эти свои отлучки она объясняла просто: хочу, мол, повидать своих подруг из саперного батальона, и Дремов, как ни странно, верил ей.

Капитан Павел Дементьев, заменив погибшего Сидоровича в должности начальника штаба 405-го дивизиона «РС», получил «в наследство» и полевую жену Георгия, медсестру Тамару Василенок. Любовь «по штатному расписанию» не слишком воодушевила Павла, и его отношения с Тамарой быстро сошли на нет. Но та не расстроилась и сменила Дементьева на комиссара саперного батальона: мужчин на фронте была куда больше, чем женщин. И женщины знали себе цену и не стеснялись отстаивать свое право выбора: на фронте все ходили с оружием, и запомнился Павлу Дементьеву случай с одной отчаянной девчонкой-радисткой из штаба бригады, едва не всадившей пулю в живот не понравившемуся ухажеру, упорно не понимавшему отказа, облеченного в вежливую форму.

Медсанбатовское начальство принимало меры по охране своего персонала, дабы он, персонал, не слишком отвлекался от исполнения своих прямых служебных обязанностей. Эта предосторожность была совсем нелишней: лихие «гусары» иногда прорывались к своим возлюбленным с оружием в руках. До танковых прорывов в расположение медсанбата дело, правда, не доходило, но «виллисы» и вездеходы применялись частенько. И сам Дементьев использовал автотранспорт, когда по вечерам «выкрадывал» из медсанбата для своего друга-комдива его пассию, медсестру Аню. Замаскировав «добычу» брезентом, Павел привозил ее в дивизион, а утром увозил обратно.

Юра Гиленков принадлежал к ценителям прекрасного пола, однако придерживался строгого правила: во вверенном ему дивизионе женщин быть не должно. Этим он походил на знаменитого генерала Василия Ивановича Чуйкова, героя обороны Сталинграда, храбреца, мордобойца и матерщинника. Тезка легендарного Чапаева слыл любвеобильным мужчиной, несколько раз был женат, но женщин в армии не терпел, и в его штабе их не было. А когда командарм ехал с проверкой в дивизию или в корпус, там тут же объявлялась тревога похлеще любой воздушной: к штабам подгонялись крытые машины, в них в спешном порядке грузили связисток-телефонисток и увозили куда подальше, чтобы дамы не попались на глаза «женоненавистнику». А Чуйков, пройдя по штабу и не обнаружив там ни одной

особы женского пола, говорил одобрительно: «Вот это настоящий штаб — ни одной бабы! Порядок в танковых войсках, и не только в танковых!». Вот и Гиленков считал точно так же.

Как-то раз в дивизион из корпуса прибыло пополнение, среди которого оказалась симпатичная девушка-радистка. Пока Дементьев знакомился с новобранцами и распределял их кого куда, подошел Гиленков. Пройдя перед строем и обнаружив в нем пышногрудое юное диво, комдив отозвал Павла в сторонку.

— Что это за краля? — сурово спросил он.

— Радистка.

— В нашем дивизионе, капитан Дементьев, никогда не было баб, и быть не должно и впредь. Жили мы спокойно, а из-за нее у нас наверняка будет куча неприятностей. Ты глянь, как смотрят на нее наши орлы — что твои коты на сметану! Баба на корабле — к несчастью, и у нас то же самое. Ты меня понял?

Красавицу-радистку отправили обратно в корпус, невзирая на то, что она просила оставить ее в дивизионе, и повод для локальной Троянской войны вттридивизионного масштаба был ликвидирован.

* * *

Настоящая любовь настигла Юрия Гиленкова осенью сорок четвертого года, и Павел Дементьев был свидетелем зарождения этой фронтовой любви.

Будучи на отдыхе, друзья отправились в гости к Володе Бочковскому, командиру танкового батальона. Комбат принял «эрэсников» хлебосольно, а для украшения мужской компании пригласил своего офицера связи, капитана Александру Самусенко.

Двадцатипятилетняя украинка была явлением уникальным: единственной женщиной-танкистом во всей Красной Армии. О ней много писали и говорили, и Саша того стоила. В свое время, как это было модно в конце тридцатых годов, она написала письмо Калинину с просьбой помочь ей поступить в танковое училище. Извивы судьбы бывают причудливы: просьба девушки была удовлетворена.

Юра представил Дементьева как своего лучшего друга, и пока комбат с комдивом баловались трофейным винишком, Павел с Сашей, как великие трезвенники, посидев какое-то время за столом, пошли погулять по расположению батальона. Саша среди всего прочего увлеченно рассказывала Дементьеву о новых танках, а он смотрел на нее и думал, как дико смотрятся мягкие черты ее лица на фоне железных машин смерти, опершихся на широкие лапы гусениц и уставивших в небо длинные орудийные стволы.

По дороге домой Гиленков дотошно расспрашивал Дементьева о Саше и о том, какое она произвела на него впечатление. И Дементьев понял, что друг Юра серьезно «запал» на чернобровую танкистку, и что ему важно знать мнение друга Павла об этой девушке. Как развивались дальнейшие события, Дементьев в точности не знал, однако вскоре его вылазки в медсанбат за Аней прекратились — Гиленков напрочь забыл прежнюю подругу, с головой уйдя в роман с Сашей Самусенко. Роман этот был красивым и ярким, но не слишком долгим, и кончился он, как и большинство красивых романов, трагически.

...Саша погибла в марте сорок пятого года, когда Павел Дементьев уже командовал дивизионом «катюш» в другой армии и даже в составе другого фронта. Он узнал о ее гибели уже после окончания войны, случайно встретив в Берлине комиссара Прошкина.

Погибла Саша нелепо — на войне вообще многое случается нелепо, как нелепой бывает и сама война. Первая танковая армия вместе с другими нашими частями добивала немецкую группу армий «Висла», и 405-й гвардейский минометный дивизион совершал ночной марш следом за танками 1-й бригады, в состав которой входил батальон Бочковского. В ночной темноте и при слабом свете дорогу было видно плохо, а немцы начали обстрел походной колонны. Александра сидела с другими бойцами на танке, и когда начали рваться немецкие снаряды, она кошкой спрыгнула с танка на землю и пошла рядом с ним, прикрываясь его бронированной тушей от летящих осколков. Неожиданно танк стал

разворачиваться, его водитель-механик не заметил идущих людей, и стальная машина смяла хрупкое женское тело — под гусеницы попала только Саша.

Ехавший сзади Прошкин увидел на дороге в свете фар раздавленную человеческую фигуру и с удивлением и ужасом узнал в ней Сашу Самусенко. Она была еще жива, и последними ее словами были: «Георгий Николаевич, передайте Юре, что я его очень люблю...».

Много лет спустя Юра Гиленков скажет Павлу, оставшись с ним наедине: «А ведь я ее помню, Сашу. Помню, и никогда не забуду. Она была главной любовью всей моей жизни — такую женщину я не встречал, и никогда уже не встречу...».

...Люди поколения рожденных в двадцатые годы века двадцатого, они были такими же людьми, как и люди любого другого поколения рожденных на планете Земля, на Третьей планете системы Желтой звезды. Они жили, дружили, любили, но молодость их и любовь были обожжены самой страшной войной из всех бушевавших дотопе в этом Мире.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ВОИНЫ И МАРОДЕРЫ

...Испытание победой может оказаться более трудным, чем испытание поражением. Когда вопрос стоит «или-или», жить или умереть, — и тебе, и твоей стране, — все остальное отходит на задний план и прячется в темных закоулках души человеческой, а когда хмель побед кружит головы, тут-то и вылезает из тьмы на свет гаденькое и подленькое, до времени таившееся...

* * *

С комиссаром Дементьев вскоре нашел общий язык — Прошкин оказался неплохим мужиком. На гражданке он был инженером-строителем и как политработник справлялся со своими обязанностями. Грыз его, правда, мелкий червячок самолюбия — хотелось ему быть не помполитом, а командиром дивизиона или хотя бы начальником штаба (потому-то и встретил он Дементьева не слишком ласково), но этому мешало отсутствие артиллерийского образования. Однако, как человек неглупый, он понимал, что уж кто-то, а Павел не виноват в сложившемся положении вещей, и перестал смотреть на него как на врага народа. И поэтому Дементьев с чистой совестью попросил комиссара, когда тот с группой солдат собирался за трофеями, привезти для штаба писчую бумагу, кое-какие канцелярские принадлежности и печатную машинку.

В результате боев на Сандомирском и Магнушевском плацдармах армия Катуква захватила огромные трофеи, в том числе и военные склады города Дембица, обеспечивавшие вермахт всем необходимым, от боеприпасов и горючего до сигарет и пипифакса. Об этих складах в Первой танковой ходили легенды, и число «полномочных представителей» от всех частей и соединений армии, желавших навестить Дембицкие склады, росло в геометрической прогрессии. И Прошкин во главе группы вооруженных «добровольцев» направился туда на полуторке, прихвати «для солидности» «катюшу» и машину с крупнокалиберным пулеметом ДШК.

Уехали они рано утром, рассчитывая вернуться через пару часов, но даже к полудню «трофейная экспедиция» еще не вернулась. Дементьев уже не на шутку беспокоился — мало ли что могло случиться, — когда нагруженные трофеями машины наконец прибыли. Однако особой радости на лицах «мародеров» капитан не заметил, не было среди них и доблестного замполита.

— Где комиссар? — насел Дементьев на командира взвода, участвовавшего в «налете», и тот, виновато переминаясь с ноги на ногу, не особо внятно доложил, что «товарищ майор остался на складах, приказав нам пробиваться с боем». Эта формулировка повергла Павла в шок — почему, с каким боем? — но тут, к счастью, появился и сам Прошкин. Его физиономия сияла как начищенный медный самовар, и весь облик политрука мог бы

служить красочной иллюстрацией к известному высказыванию «Жизнь прекрасна и удивительна». И поведал он Дементьеву трагикомическую историю, достойную подвигов brave солдата Швейка.

Оказалось, что попасть на территорию Дембицких складов не так-то просто: она была обнесена высоченным забором, а возле единственных ворот уже стояла вооруженная охрана. Возле этих ворот собралась внушительная толпа «представителей», однако охрана никого не пропускала. Страсти понемногу накалялись; «эрэсники» тихо стояли в сторонке и наблюдали — давать залп реактивными минами по воротам Прошкин считал не самым разумным выходом из положения. Переговоры жаждущих «подтрофеить» с охраной кончились ничем, и тогда к воротам, взрывая двигателем, направился танк, номер которого был предусмотрительно прикрыт брезентом для сохранения инкогнито. Из приоткрывшегося башенного люка высунулась чумазая физиономия, перемазанная до полной невозможности узнавания, и на матерном русском потребовала немедленно открыть ворота во избежание нежелательных последствий. В ответ на эту эскападу охрана молча взяла автоматы наизготовку.

Чумазая голова скрылась в люке, но зашевелился ствол танковой пушки и уставился прямо на ворота. Автоматчики охраны заколебались и, не располагая противотанковыми средствами, подались в стороны: ребята в башнях слыли (и частенько были) «безбашенными парнями». А «тридцатьчетверка», развернув башню задом наперед, медленно наехала на ворота и выдавила их. Оборона была прорвана танками, и в прорыв пошла воодушевленная пехота. Чуть выждав, Прошкин со всей своей «зондеркомандой» подъехал к проломленным воротам и объяснил опешившей охране, что ему надо немедленно дать залп по прячущемуся в лесу противнику, а расчетная точка залпа находится здесь, на территории складов. Охрана ожидала чего угодно, но только не появления «катюши» со снарядами на направляющих, и беспрепятственно пропустила все три машины.

А внутри уже вовсю резвилась разгульная русская душа — зрелище напоминало то ли последний день Помпеи, то ли первый день свободы. Более хозяйственные волокли ящики и бутылки, а самые нетерпеливые уже праздновали. Спиртного на складах было море, причем в самой разнообразной упаковке. Бочки простреливали автоматными очередями, под струи вина и коньяка подставляли кружки и котелки, а то и просто ловили их ртом. На земле тут и там блестели ароматные лужи, вино стекало в подвалы — кое-где его набралось по колено. Между складами бродили пьяные, некоторые из них пели песни — победители веселились.

Прошкин оказался на высоте, да и его бойцы считали, что праздновать лучше дома, в дивизионе, в спокойной обстановке. Выяснив расположение складов, «добытчики» быстро и оперативно загрузили свои машины ящиками со шнапсом, упаковками галет, коробками шоколада, банками консервов, мешками сахара; не забыли и канцелярский заказ начальника штаба. Операция завершилась, Прошкин скомандовал отход, и машины направились назад, к воротам. И вот тут-то веселая комедия едва не превратилась в самую настоящую трагедию.

На территории Дембицких складов появился взбешенный генерал Попель, член Военного совета и самый главный политработник армии в сопровождении красномордых автоматчиков своей личной охраны. «Лучше бы это был батальон эсэсовцев» — такой была мысль, появившаяся в голове Прошкина, а затем его душа стремительно эвакуировалась в район пяток.

— Мародеры! Подлецы! Изменники Родины! — орал Попель на пьяных солдат, грозно потрясая маузером. Ощущения майора Прошкина нетрудно было понять — генерал не только потрясал своим любимым оружием, но и стрелял, причем не только в воздух.

Путь к отступлению был отрезан, однако боевой комиссар дивизиона «катюш» не растерялся — замечено, что в экстремальных ситуациях сообразительность резко обостряется (правда, не у всех). Оценив обстановку, он приказал командиру взвода отогнать машины на противоположный конец складов, затаиться и ждать дальнейшего развития ситуации. Если же, паче чаяния, ситуация будет развиваться в неблагоприятном направлении — выбираться любым способом, вплоть до подрыва стены. Подрывать стену было чем — на всех «катюшах» имелись ящики взрывчатки для самоподрыва при угрозе захвата машины

противником. Это и имел в виду взводный, докладывая Дементьеву о получении приказа «прорываться с боем».

Машины быстро ретировались в заданном направлении, а Прошкин, улучив момент, вытащил из кобуры пистолет и с руганью набросился на мародерствующих солдат. Он тоже стрелял, но, в отличие от Попеля, исключительно в воздух.

Заметив майора, Попель, хорошо его знавший, спросил, поигрывая маузером:

— А ты что здесь делаешь?

— Да вот, — доложил Прошкин, поедая глазами начальство, — случайно здесь оказался. Смотрю — чистый грабеж идет, пришлось вмешаться.

— Правильно действуешь, — генерал одобрительно кивнул, — политработники всегда должны показывать пример в наведении порядка в армии.

Прошкин сопровождал Попеля еще минут тридцать, а потом незаметно отстал от его «карательного отряда» и без дальнейших приключений покинул Дембицкие склады. Его беспокоила судьба машин, но лихой комвзвода не подкачал: увидев, что автоматчики Попеля начали прочесывать территорию складов, он подорвал стену и через пролом успешно вывел вверенную ему часть из окружения.

Закончив свой рассказ, Прошкин выпил полкружки коньяка, добытого с таким трудом и риском для жизни, и признался:

— Знаешь, Павел Михайлович, а я ведь порядком струхнул. Узнай Попель, зачем я на самом деле там оказался, он бы меня расстрелял на месте, и глазом бы не моргнул.

— Это точно, — согласился Дементьев.

* * *

Павел нисколько не кривил душой — в данном случае не согласиться с Прошкиным было невозможно. Попель был фигурой одиозной — его боялись как огня. Он наводил порядок железной рукой, и в армии Катукова даже ходила поговорка: «Пробку на переправе могут разогнать только «мессершмитты» или генерал Попель». Николай Кириллович Попель не применял мат, кулаки или палку — считая эти аргументы недостойными настоящего политработника, он сразу хватался за маузер и не стеснялся пускать его в ход. Маленького роста, с большим крючковатым носом и округлым брюшком, генерал-лейтенант Попель ездил на открытом бронетранспортере с многочисленной охраной из отборных головорезов, и его заметная издали генеральская папаха с красным верхом воспринималась в любой части Первой гвардейской танковой армии как сигнал приближающейся опасности.

Павла Дементьева уберег ангел-хранитель от близкого знакомства с Попелем, хотя выступления главного комиссара армии перед солдатами и офицерами капитан слышал не раз. Однажды, после боев на Сандомирском плацдарме, Дементьев вел походную колонну дивизиона и вдруг почувствовал, как его легковую машину прижимает к обочине что-то массивное. Пришлось притормозить, а затем и вовсе остановиться. И мимо торжествующе прогромыхал бронетранспортер, над бортами которого круглыми шляпками грибов торчали каски автоматчиков, а над ними возвышались красной папахой генерала Попеля и его знаменитый нос. Генерал повернулся в сторону машины Дементьева и погрозил ему кулаком — ты что, мол, не видишь, кто едет? — но Павел облегченно вздохнул: пронесло. А могло ведь и не пронести: Попель свято верил в постулат «Был бы человек, а вина на него найдется» — в тот самый постулат, который нанес столько вреда и армии, и всей стране и во время Великой Войны, и до нее, и после...

А после войны прошел слух, что главный блюститель порядка Первой гвардейской танковой армии погорел, да еще как: с огнем и вонючим дымом. Попель отправил в Москву несколько «студебеккеров», до отказа набитых трофейным барахлом. В одном из грузовиков находились бочки с бензином — якобы для заправки в пути. И оказались эти бочки с двойным дном, в котором запрятано было золото и драгоценности. Скорее всего, об этой контрабанде пограничники уже знали — стукнул какой-нибудь «доброжелатель».

Существовал приказ Сталина о досмотре имущества, отправляемого из Германии нашими генералами, и золото обнаружили. Как выкрутился «гроза мародеров» из этой пикантной ситуации, знали только Катуков и люди на самом верху, включая Поскребышева и самого Сталина. Генерала Попеля несколько раз вызывали в Кремль, и в конце концов уволили из армии, хотя это можно было назвать «дешево отделался».

Павел и верил, и не верил этим слухам: не хотел честный воин поверить в то, что комиссар такого высокого уровня (пусть даже самодур) способен на подобный поступок. Но спустя тридцать лет после Победы довелось ему встретиться с бывшим начальником тыла Первой гвардейской танковой Василием Фомичом Коньковым, который подтвердил слухи о праведных и грешных делах генерала Попеля и других воевод. И вспомнил тогда Дементьев слова генерала Попеля, сказанные им Прошкину на Дембицких складах «политработники всегда должны показывать пример в наведении порядка в армии».

«Навел порядок, ничего не скажешь» — с горечью подумал тогда Павел Михайлович.

* * *

...Великая Война беспощадно разворошила налаженный мирный быт многих стран Европы. Обломки этого быта усыпали улицы разрушенных городов и поля сражений, они валялись, никому уже не нужные, в пустых комнатах брошенных домов и лежали на мертвых телах людей, которым уже никогда ничего не потребуется. Это сладкое слово «трофеи» — то, за чем стоит только нагнуться, поднять и положить в карман. И нагибались, и поднимали — в конце концов, за что кровь проливали? Жизнь человеческая стоит не дороже снарядного осколка, так что тут говорить о каких-то тряпках и безделушках? И росла жадность, и многие не в силах были ее обуздать...

Капитан Дементьев трофеями не увлекался, считая, что всякое хапанье, особенно у мертвых, ни к чему хорошему не приведет. Жило у него в душе какое-то то ли суеверие (бог накажет!), то ли твердая убежденность, что дело это недоброе, и хотелось ему быть чистым и перед своей совестью, и перед мертвыми. И доводилось ему видеть, как грех ограбления мертвых тянет за собой гораздо более тяжкий грех убийства безоружного.

Единственное, к чему он не оставался равнодушным, это к оружию и автомашинам. Оружие тянуло его, как любого мужчину-воина, и не мог капитан Дементьев отказать себе в удовольствии взять в руки ухватистый «зауэр», сиротливо висевший на стене какого-нибудь богатого дома, оставленного хозяевами, и пострелять из него (благо дичи в окрестных лесах, несмотря на войну, хватало).

А трофейные автомобили — это вообще была песня без слов. В Советском Союзе машины были редкостью, роскошью практически недоступной, а тут прекрасные немецкие «опели» и «мерседесы» стояли в гаражах в полной исправности, заводи да езжай. За годы войны Павел Дементьев научился водить все, от мотоцикла до танка, и не мог пройти мимо лакированных красавцев, только и ждущих уверенной руки шофера. Но если оружием (если не особо им размахивать) можно было пользоваться долго, то с шикарными авто этот номер не проходил. Личных легковых машин среднему командному составу иметь не полагалось, зоркий глаз начальства тут же фиксировал все колесные трофеи, и полковники отбирали лимузины у майоров и капитанов, чтобы в свою очередь уступить их генералам. Офицеры это знали, и потому пользовались попадавшимися на их пути автомобилями, словно краткой благосклонностью чужой жены-красавицы: хоть одна ночь, да моя.

Уже будучи в Германии, сумел Дементьев объехать на кривой суровое армейское правило «кто старше, тот и прав». В одном из занятых его дивизионом немецких городков в гараже обнаружился роскошный «опель-кадет». Крыша гаража рухнула, но очень удачно: упавшие балки образовали подобие шатра, и машина почти не пострадала. Ремонтники быстро выправили слегка помятое крыло, подкрасили трофей, и когда Павел вывел «опель» на прогулку, то не мог на него нарадоваться. «Ласточка, а не машина» — с восторгом думал он, выписывая круги по расположению части. Но радость его быстро пошла на убыль, как

только капитан сообразил, что ездить на этой ласточке он будет до первого встреченного им большого чина. Решение пришло мгновенно.

Дементьев загнал красавца в ремонтный бокс и на глазах у изумленных рембатовцев от души прошелся молотком по его крыльям и корпусу, сиявшему черным лаком. Затем Павел вытащил пистолет и прострелил машину в нескольких местах — но аккуратно, чтобы не повредить внутреннюю отделку и не устроить сквозняк в салоне. И в довершении всего он собственноручно замазал блестящий черный лак краской мерзкого поносного цвета, предварительно смешанной с песком. Солдаты, наблюдавшие за вивисекцией, понимающе ухмыльнулись — ну, капитан, голова!

Так и ездил Дементьев на своей «Антилопе-Гну» до самого конца войны — уродливая колымага не вызывала нездорового интереса у вышестоящего начальства. И лишь однажды комполка залез в «опель», оглядел богатую кожаную обивку и сказал: «А ты, братец, хитер. Ладно, ездь — на твою «Золушку» никто не польстится».

* * *

Кровавое полотно войны соткано не только из боев, грохота взрывов, лязга гусениц, радости побед и похорон павших товарищей. Война — это жизнь среди смерти, и человек — существо, умеющее приспосабливаться ко всему, — привыкает к жизни на войне и живет, хотя ему же самому во времена мирные такая жизнь показалась бы невозможной.

Осенью сорок четвертого армия Катукова была выведена в резерв. Четыреста пятый дивизион «катюш» отдыхал в облитых золотом осенних листьях лесах под Немировым, на границе с Польшей, и после двухмесячных тяжелых боев жизнь эта казалась райской. Жизнь в дивизионе текла размеренно. Серьезных ЧП не было — так, мелочевка: кто-то нарежется до чертиков, у кого-то с кем-то возникнет конфликт из-за женщины, кто-то от усталости уснет на посту. Гиленков разбирался со всей это мелочевкой оперативно, не вынося сор из избы, — в большинстве своем солдаты и офицеры 405-го гвардейского давно уже воевали вместе и хорошо знали друг друга. Пожалуй, наиболее примечательным нарушением за все это время была выходка расчета одной из «БМ»: бойцы умудрились залить запасной бензобак машины спиртом и почти постоянно пребывали в блаженном состоянии, пока комдив не дознался об источнике алкогольного изобилия и не покарал изобретателей. Общую идиллию несколько портил osobист дивизиона Васька Селиверстов, тупой крестьянский парень, пьянь и стукач по призванию, но к нему Гиленков нашел индивидуальный подход. Он взял его на крючок, прочитав все донесения, который тот забыл по пьяному делу. С тех все донесения Васи в СМЕРШ шли через Гиленкова, а то и писались под его диктовку. Дементьев предлагал другу и вовсе избавиться от Селиверстова, доложив по начальству о пьяных безобразиях Василия, но Юра отверг этот дружеский совет.

— Вася уже не опасен, — сказал Гиленков, — он ходит на поводке. А вместо него могут прислать какую-нибудь темную лошадку, и что мы тогда с тобой делать будем?

— Резонно, — согласился Павел.

А леса вокруг кишели дичью. Зверья, особенно зайцев, за время войны тут развелось великое множество. На них никто не охотился — немцы запрещали местному населению иметь ружья, — и Гиленкову пришла мысль устроить ночную охоту. Ноги охотники решили не утруждать — стреляли с автомашины. Заяц, попавший в луч света от фар, бежит строго по прямой, не сворачивая, — легкая добыча. За одну ночь взяли несколько десятков зайчишек и отправили трофеи на солдатскую кухню.

Однако ночная стрельба вблизи расположения 1-й танковой бригады встревожила ее комбрига, полковника Горелова. На совещании у командира корпуса он потребовал найти виновных и строго наказать. Егерям-«эрэсникам» пришлось бы солоно, если бы Гиленков не сообразил пригласить на такую охоту генерала Дремова.

Но дело могло бы кончиться печально, если бы о браконьерской охоте узнал Катук. Рано утром после одной такой вылазки в дивизион заявился начальник артиллерии армии

генерал Фролов. Он прибыл с обычной проверкой и узрел многочисленные заячьи шкурки, развешенные на деревьях для просушки — в дивизионе нашелся свой мастер-скорняк.

— Откуда трофеи? — поинтересовался Фролов.

— В части организована группа охотников, хороших стрелков, товарищ генерал! — тут же нашелся Гиленков. — Группа снабжает мясом солдатскую кухню. А шкурки выделяваем — не пропадать же добру, товарищ генерал.

— Забота о солдатах — это хорошо, — одобрил генерал и с миром отбыл восвояси.

У Дементьева отлегло от сердца. Узнай Катуков, как именно охотились «эрэсники», он спустил бы шкуру и с Гиленкова, и с Дементьева примерно так же, как скорняк снимал ее с несчастных зайчишек. Командарм был заядлым охотником, возил с собой охотничье ружье и даже собаку, но свято чтит кодекс охотника и злостного браконьерства не терпел ни под каким видом.

...Осенью сорок четвертого жизнь казалась капитану Дементьеву почти мирной, но война стояла рядом, глядела в глаза и не давала о себе забыть. Коричневый Дракон пятился, отползал, тяжело дыша и раздувая свои бронированные бока, иссеченные ударами русских мечей, однако силы у него еще были. И Зверь отплевывался длинными струями пламени, бил когтистыми лапами и рычал. Рычание это походило уже на тоскливый предсмертный вой — Дракон чуял близкую свою гибель, — но Зверь не был бы Зверем, если бы, даже издыхая, он перестал бы убивать.

«Идите, и убейте его!» — звучало в сознании Павла, и он знал, что пойдет, пойдет до конца, что бы не ждало его впереди. А впереди — впереди была Германия.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. РЕЙД К ОДЕРУ (зима 1944–1945 годов)

Мне отмщение, и Аз воздам!

Ветхий Завет, (Пятая книга Моисеева)

Новый Завет, (Послание к Римлянам апостола Павла)

Кулак, затянутый в латную перчатку танковой брони, сжимался. Двадцать пятого ноября сорок четвертого года Первая гвардейская танковая армия вышла из состава Первого Украинского фронта и вошла в состав Первого Белорусского фронта. В декабре сорок четвертого танковая армия Катукова перебазировалась под Люблин, а в январе сорок пятого сосредоточилась на Магнушевском плацдарме, полностью готовая к наступлению. Восьмому гвардейскому механизированному корпусу генерала Дремова была поставлена задача форсировать реку Пилицу, затем выйти к реке Бзура, в район Ловича-Кутно, далее наступать на Познань и выйти к Одеру.

Тринадцатого января дивизион переправился через Вислу — на этот раз переправа прошла спокойно, без надсадного воя «юнкерсов» над головой: фронт отодвинулся далеко на запад. По мосту сплошным потоком шли танки, автомашины, самоходные орудия — особенно много было самоходок, гораздо больше, чем раньше, во время предыдущих наступлений Первой танковой.

— Экая силища... — донеслось до слуха Дементьева.

— И слава богу! Больше техники — меньше потерь. Чай, не сорок первый год.

«Да, арифметика простая — солдатская» — подумал Павел.

К вечеру следующего дня, когда дивизион вышел на исходные позиции, из штаба корпуса вернулся майор Гиленков.

— Когда наступление? — был первый вопрос, который задал ему Дементьев.

— Завтра, капитан, завтра. Будем ломать «Восточный вал». Задача — выйти к Одеру. За первые четыре дня корпус должен пройти сто тридцать километров. Засиделись-застоялись, теперь разомнемся!

Ночь перед наступлением — время особое. В воздухе висит нечто незримое, словно скапливается там грозное электричество, готовое разрядиться рукотворной молнией, как только электроды — русские и немецкие войска — сойдутся.

Закончив с комдивом все неотложные дела, Дементьев отошел в сторону от боевых машин. Вокруг безмолвствовал зимний лес, на лапах елей лежали густые снежные шапки. В тишине, нарушаемой только шорохом дыхания, отчетливо было слышно шипение ракет, то и дело взлетающих над передним краем. «А завтра эту стеклянную тишину, — подумал Павел, — раздробит на осколки рев моторов и грохот орудий. Как нелепо устроено все в этом мире!».

Ночь прошла на удивление спокойно. Утром Павла разбудил Полеводин, успевший вскипятить чайник. Завтра оказался скудным — черный хлеб и банка тушенки.

— Так подъели все, что добыли на Дембицких складах, — чуть виновато объяснил ординарец, извлекая из заначки пачку трофейных галет.

Бивак уже шумел голосами, хлопали дверцы, урчали моторы. Гиленков, подтянутый, чисто выбритый и напряженный, как натянутая струна, сидел в своей машине.

— Я на КП к Дремову. Связь как всегда — по радио. Морозец, — Юрий снял кожаную перчатку и потер кончик носа, — но денек у нас будет жарким. Ну, ни пуха, ни пера!

«Виллис» комдива рванул с места, взметнув крутящийся снежный вихрь, в который упало запоздалое дементьевское «К черту!».

А в восемь ноль-ноль земля вздрогнула — тысячи орудийный стволов выплюнули огонь и сталь. Непрерывная обработка артиллерией и авиацией переднего края немецкой обороны продолжалась полтора часа, и «катюши» 405-го дивизиона тоже спели свою партию в общем многоголосом хоре. Что оставалось на пресловутом «Восточном валу» после этого огненного шторма, Дементьев увидел собственными глазами, когда дивизион «РС» вошел в прорыв и двинулся на запад: земля, перепаханная вдоль и поперек, исковерканные танки, разбитые машины, перевернутые пушки и трупы, трупы, трупы — горы трупов.

Армия Чуйкова прорвала немецкую оборону и ушла вперед на десять-пятнадцать километров. Обгоняя пехоту, в прорыв устремился подвижный передовой отряд восьмого корпуса: танковая бригада полковника Темника, 400-й полк самоходок подполковника Хватова, две зенитные батареи, саперный и понтонный батальоны — рек впереди хватало, — а за ними вытянулась походная колонна «катюш». Пехоты в отряде было мало — десант на броне, и все.

Ударный отряд двигался быстро — до ста километров в сутки, останавливаясь лишь для заправки горючим и пополнения боезапаса. Передовые отряды 8-го и 11-го корпусов не ввязывались в бои для занятия городов и деревень, обходили узлы сопротивления, оставляли на съедение идущим позади них частям огрызавшиеся группы противника. Танковый нож вонзался в незащищенное подкожное мясо Зверя, резал жилы коммуникаций и нервы линий связи, рвал артерии, по которым, натужно пульсируя, проталкивалась к фронту свежая кровь пополнений. Нож этот вызывал болевой шок паники, заставляя Дракона корчиться в страхе. Если где-то отряд наткнулся на более-менее организованную оборону, которую нельзя было обойти, полковник Темник, избегая ненужных потерь и экономя время и силы, пускал в ход дивизион «РС». Дивизион стрелял с ювелирной точностью, после чего танки шли дальше по дымящимся развалинам, вминая в мерзлую землю обломки сожженной техники и обгорелые трупы немцев.

Подвижный передовой отряд выполнял поставленную задачу: достичь заданного рубежа, закрепиться там и держаться до подхода основных сил корпуса. В сорок пятом году русские войска хорошо научились воевать, оставив далеко позади учителей, не скупившихся в свое время брать со своих учеников щедрую плату кровью и жизнями.

* * *

Дементьев впервые участвовал в глубоком танковом рейде. Памятуя наставления

Гиленкова «В рейде зевать не приходится — если не хочешь схлопотать в борт фаустпатрон, крути головой на триста шестьдесят градусов», он добросовестно выполнял эту инструкцию, сожалея порой, что у него нет глаз на затылке, и что шея человеческая несколько отличается от оси, на которой крутится колесо. И на второй день рейда, когда ударный отряд миновал лес и оседлал шоссе, уходившее к какому-то небольшому городку, Павел одним из первых заметил на этом шоссе колонну немцев — темную толпу на серой ленте дороги, рассекавшей пустынную заснеженную равнину.

— Немцы, — захрипела рация голосом капитана Бочковского, — человек восемьсот-девятьсот. Предположительно маршевый батальон.

— Атакуй, — приказал в ответ полковник Темник, командовавший отрядом.

И около тридцати танков, развернувшись широким веером, обрушились на немцев. Те оказались практически безоружными: у большинства из них не было ни фаустпатронов, ни даже карабинов — маршевые батальоны довооружались на подходе к линии фронта. На шоссе началась дикая бойня — истошные крики размазываемых по асфальту людей тонули в треске пулеметов, в грохочущем рычании моторов и в лязге танковых гусениц. Дементьев смотрел, и всплывали в его памяти лесная поляна на берегу маленькой речушки подо Мгой и красноармейцы, падавшие под гусеницы немецких танков. «Вот оно и отыгается, — думал он с мрачным торжеством. — Мне отмщение, и аз воздам...».

Немецкий маршевый батальон был вытоптан танками начисто, и когда колонна «БМ» проходила через место побоища, Павел Дементьев увидел зрелище, которого он не видел за все годы войны.

Покореженное полотно шоссе был сплошь залито кровью — оно стало красным, как будто кто-то аккуратно покрасил его на протяжении нескольких сотен метров. Под колесами машин хлюпало и чавкало, «бээмки» шли по изуродованным обрывкам человеческих тел, словно по кочкам, разбрасывая по сторонам фонтаны брызг из багряных луж. Дементьеву хотелось, чтобы эта дорога по перемолотым костям поскорее кончилась, однако «катюшам» пришлось притормозить — впереди началась стрельба, и надо было дожидаться прояснения обстановки.

Дементьев разыскал Бочковского — танк комбата стоял чуть в стороне от дороги.

— Вот, Павел Михайлович, до чего немцы дожили, — сказал танкист, поздоровавшись с Дементьевым и показывая на окровавленное шоссе. — Их уже в бой бросают без оружия!

— А ты вспомни начало войны, Володя. Помнишь, как наши солдаты бросались на немцев с голыми руками, чтобы добыть винтовку или автомат? Око за око, Володя, — ответил Павел, подумав про себя: «И поражение, и победа одинаково смердят мертвечиной. Но нам нужна победа — только так».

— Да эти не очень-то и бросались, — Бочковский усмехнулся. — Они удрать норовили, но от «тридцатьчетверки», — он любовно похлопал по броне танка, забрызганного кровью по самую башню, — в чистом поле разве убежишь?

Воспользовавшись остановкой, на дорогу выскочил Полеводин. Зоркий глаз Василия приметил грузного немца, лежавшего на обочине лицом вниз. Сам по себе труп не вызвал бы у ординарца никакого интереса — вон их сколько валяется,дохлых, — но на вытянутой вперед руке немца поблескивали часы. Бытовала у солдат мода — меняться трофейными часами «не глядя», вот Полеводин и решил подтрофеить. Присев на корточки, он взял немца за руку, примеряясь, как бы ему снять тикающий трофей, и вдруг резко отскочил назад.

«Труп» зашевелился, встал и безропотно поднял руки. Мясистое лицо немца было бледным, из его широко раскрытых глаз еще не ушел ужас. Тучный, с «пивным» животом, немец не двигался, да и оружия у него не было — он просто стоял с поднятыми вверх руками. А Полеводин сорвал с плеча автомат и всадил в немца короткую очередь.

Немец покачнулся и захрипел. На лице его проступило жалобное недоумение: «За что?». Полеводин то ли взвизгнул, то ли всхлипнул и дал вторую очередь, затем третью. Немец медленно упал навзничь; над его грудью, развороченной пулями, ударившими в упор, потянулись вверх струйки теплого пара, хорошо заметные в морозном воздухе. Солдаты

молчали: передовой отряд пленных не брал — возиться с ними было некогда, да и некому.

— По машинам! — скомандовал Дементьев и тут заметил, что за одной из «бээмок» тащатся по земле какие-то тонкие веревки. И лишь приглядевшись, он понял, что это были вытянутые человеческие кишки, намотавшиеся на красные от крови колеса и зацепившиеся за раму машины. Павел брезгливо поморщился.

— Ерохин! — крикнул он, найдя глазами командира машины. — Видишь эти сопли? Подбери, а то позорят нам весь гвардейский вид!

Забравшийся в штабную машину и забившийся в угол ординарец молчал, стискивая автомат, и Павел хорошо понимал этого парня. Полеводин не был трусом, не тошнило его и от вида крови, пролитой в честном бою, но что бы вот так... Жалея ординарца, Дементьев не стал ему говорить, что он думает о сборе трофеев вообще и о снятии их с трупов в частности, и только когда дивизион миновал городок, а Вася немного отошел, Павел сказал негромко:

— Ну, что, допрыгался, Василий?

— Чтобы я больше хоть когда-нибудь... — одними губами прошелестел Полеводин.

И слово свое он сдержал — зарекся «барахолить», а трупы обходил десятой дорогой.

* * *

Небольшую речку за городом танковая колонна перешла по перекинутому мосту — немцы то ли не успели его взорвать, то ли и не собирались взрывать, не ожидая появления русских танков в своем глубоком тылу.

Навстречу колонне вынеслась легковая машина. Не доезжая моста, по которому шли танки, она остановилась — дорога была перекрыта.

— «Опель-адмирал», — произнес Бочковский, разглядывая машину в бинокль, — а ведь хорош лимузинчик. Посолидней, чем наша колымага. Товарищ полковник, разрешите вам его подарить?

— Давай, — ухмыльнулся Темник, — только осторожно, не поцарапай подарок.

«Тридцатьчетверка» сорвалась с места и помчалась по снежной целине напрямик, срезая дугу поворота шоссе. Выскочив на дорогу позади лимузина, танк чуть присел, словно готовясь к прыжку, развернулся и не спеша двинулся к немецкой легковушке, гремя траками по асфальту. Пассажиры лимузина поняли, что деваться некуда, — в снегу их машина тут же бы застряла, шоссе перекрыто теперь уже с обеих сторон, а для боя с танками легковушка явно не предназначалась, — и покорно подняли руки. Главным пассажиром «опеля» оказался важный чин — генерал, представитель ведомства по эвакуации материальных ценностей. Его допросили и отправили на танке в тыл, в штаб армии. «Генерал — он всегда генерал, будь он хоть наш, хоть немецкий, — думал Павел, наблюдая, как важную птицу подсаживают в танк. — Офицерику какого-нибудь отвели бы в сторонку да шлепнули, а с этим возятся, личный транспорт подают. Не такой удобный, как «опель-адмирал», конечно, зато куда безопаснее — доедет генерал до плена в лучшем виде. А на его машине теперь наш комбриг будет ездить».

* * *

«Радуйтесь войне — мир будет ужасен!» — кликушествовал доктор Геббельс, главный глашатай Зверя. «Ни шагу назад!» — призывали-заклинали лозунги на серых стенах немецких домов. А по всем дорогам Польши и Германии шли на запад толпы беженцев, спасаясь от «беспощадных большевистских орд».

Они шли сплошным потоком — автомашины, мотоциклы, повозки, велосипеды, пешеходы. Их гнал страх — кое-кто опасался мести за содеянное, но большинство искренне верило геббельсовской пропаганде, сообщавшей о том, что дикие русские варвары скопом насилуют женщин и девочек-подростков прямо там, где поймают, расстреливают на месте всех без разбора мужчин в возрасте от двенадцати до семидесяти лет и жарят на кострах

маленьких детей, чтобы закусывать их мясом водку.

Беженцы шли на запад, а Павел Дементьев смотрел на них и вспоминал, как точно так же три года назад шли — только на восток — толпы русских беженцев. «Вам еще повезло, — думал он, глядя на средних лет женщину, толкавшую перед собой двухколесную тележку, набитую узлами и чемоданами, — над вашими головами не висят «юнкерсы», не сбрасывают бомбы и не косят вас из пулеметов. Наши штурмовики заняты работой воинов, а не убийц. А вы — сидели бы вы лучше по домам, а не путались у нас под колесами».

Да, это наверняка было бы лучше — для всех. Беженцы жались к обочинам, торопливо расступаясь и пропуская мчащиеся на запад русские танки и самоходки, но случалось и так, что на дороге возникала грандиозная пробка — ни пройти, ни обойти. Машины сигналили, танкисты стреляли из пулеметов в воздух, поверх голов. Зачастую это помогало — беженцы очищали дорогу, шарахались прочь, неохотно расставаясь со своим скарбом, но иногда пробка и не думала рассасываться. И тогда танкисты, сжав зубы, шли вперед, подгоняемые приказом «Выйти точно в срок на заданный рубеж!» и грохотом непрекращавшихся боев. И хрустели под гусеницами «тридцатьчетверок» тележки, коляски, велосипеды и кости людей, не успевших отскочить в сторону...

И орала истошно глашатаи Дракона о новых зверствах «монголо-татарских скифов» и «пархатых казаков».

* * *

Всякие люди и людишки попадались среди мирных беженцев, сдернутых войной с насиженных мест. На подходе к реке Пилице, во время разбушевавшейся ночью сильнейшей пурги, в колонну дивизиона непонятно как затесался небольшой крытый грузовичок. Он шел рядом с «катюшами» тихо и скромно, ничем не привлекая к себе внимания, и только утром бдительный комиссар Прошкин заметил прибудную чужую машину. Заглянув в ее кабину, политрук увидел за рулем пожилого поляка; рядом с ним сидел еще какой-то тип, укутанный в дубленую шубу с меховым воротником. Эта неизвестная личность оказалась немцем: под шубой-дубленкой на нем был надет мундир старшего офицера вермахта — оберста — с двумя железными крестами. А в кузове грузовичка, под брезентом, обнаружили еще двое гражданских лиц и три холеные дамы-польки.

Проверка документов показала, что эти гражданские лица тоже были поляками и принадлежали к местной администрации, назначенной немцами и выполнявшей все приказы завоевателей.

— Польские полицаи, — резюмировал Прошкин, — уносят ноги, пока их свои же за все хорошее не повесили на первом столбе.

Какую службу служили паненки, сказать было трудно (никаких документов они при себе не имели), но судя по их ухоженной внешности и хорошей (если не сказать изысканной) одежде, резко отличавшейся от потрепанной одежды большинства беженцев, можно было сделать вывод, что они при «швабах» отнюдь не бедствовали и по карточкам не питались. Оберст угрюмо молчал, шофер-поляк обреченно смотрел себе под ноги, «полицаи» сильно нервничали, паненки заискивающе улыбались Прошкину и подошедшему к ним Дементьеву. Темник, которому Павел доложил о захваченных пленных, только махнул рукой.

— У меня на всех немецких полковников, в тыл их возить, танков не напасешься, — отрезал он, — а про местную польскую шушери я и слышать не хочу. Хлопнуть их всех — и баста, нам боевую задачу надо выполнять.

— Значит, по законам военного времени, — пожал плечами комиссар, услышав вердикт командира отряда. — И верно, где мы сейчас будем искать польских партизан, чтобы они разбирались со своими двурушниками?

То ли кто-то из полячек понимал по-русски, то ли они почуяли недоброе, но все три паненки дружно кинулись к Прошкину, умоляюще сложив руки на груди. Из их быстрого и взволнованного щебетания Павел понял только «прошу пана» и «пше прашем», но комиссар,

поднаторевший за полгода «разуметь по-польски», криво усмехнулся.

— Они говорят, — пояснил он Дементьеву, — мол, делайте с нами что хотите, бейте, насилуйте, мы сами разденемся, только коханных наших, то есть любовников, не троньте. И немец, как я понял, тоже у кого-то из них в любовниках числится.

Павел смотрел на женщин со смешанным чувством жалости и гадливости. «Да, бить по немцам «эрэсами» куда достойнее, — думал он. — Черт бы побрал этих сучек — навязались на мою голову...».

— Что будем делать, капитан? — напомнил Прошкин.

«Хлопнуть их всех — и баста!» — вспомнил Дементьев слова полковника Темника.

— Мужчин расстрелять, — приказал он, — а баб гнать в три шеи! Пусть пешком идут в свой фатерланд или куда они там собрались.

Паненки взвыли. Солдаты оттащили их в сторону от машины; женщины вырывались, выкрикивая что-то бессвязное. Немец и поляки понуро пошли к обочине, подталкиваемые в спины стволами автоматов.

Сухо простучали автоматные очереди, а через некоторое время зареванные паненки исчезли в толпе беженцев, бредущих по обочине и с опаской поглядывающих на русские танки. Беженцы не обращали особого внимания на свежие трупы, лежавшие у самого края дороги, — они просто обходили их, чтобы не запачкаться.

Дивизион тронулся дальше — «катюши» шли на запад.

* * *

Глубокий танковый рейд очень мало похож на победную прогулку по тылам в панике бегущего противника, и меньше всего он напоминает увеселительное путешествие с целью ознакомления с красотами природы и местными архитектурными достопримечательностями. Слуги Зверя оборонялись свирепо: навстречу «тридцатьчетверкам» полковника Темника выходили «тигры» и «элефанты», из засад били противотанковые пушки-«змеи», а в домах городков и поселков прятались фаустники. Железная рука тотальной мобилизации загребала шестидесятилетних стариков и шестнадцатилетних подростков, но хватало еще у Дракона и настоящих вояк, фанатично преданных фюреру и готовых драться до конца. И горели наши танки, становясь братскими могилами экипажей...

По неписаному закону, впереди бригады батальоны шли по очереди, в батальонах каждый день менялись роты, в ротах — взводы, во взводах — танки, чтобы на следующий день уступить место другим. Экипажи взвода, идущего впереди, на всякий случай прощались с товарищами — слишком уж часто не возвращались они из очередного боя. За время рейда танкисты ударного отряда теряли до восьмидесяти процентов машин и до половины личного состава. Особенно тяжело приходилось на завершающем этапе рейда, когда немцы яростно контратаковали передовой подвижный отряд на достигнутом рубеже. Самые большие потери приходились на это время и среди танкистов, многие из которых не успевали или не могли выбраться из своих подбитых машин и сгорали вместе с ними.

Но до этого рубежа — до реки Одер — было еще далеко.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ЛЮДИ В БРОНЕ

*По полю танки грохотали, танкисты шли в последний бой,
А молодого командира несли с пробитой головой...*

Народная песня

Павел Дементьев любил танки, и даже порой жалел, что стал артиллеристом. Когда перед очередным наступлением он смотрел на стальные громадины, готовые двинуться вперед, сметая все на своем пути, он испытывал чувство какого-то языческого преклонения

перед этими грозными машинами, и казалось ему, что это воинственные боги древности спустились на землю для кровавого пира. А командиры и башнеры, поводыри боевых слонов двадцатого века, напоминали ему сказочных героев, отправлявшихся совершать подвиги. В сущности, так оно и было — подвиги совершались танкистами ежедневно и ежечасно. Они шли первыми, дрались отчаянно и погибали страшно: далеко не всегда удавалось танкистам выбраться из тесного нутра подбитых машин, когда люки заклинены, а танк горит, и пламя вот-вот доберется до боезапаса. Людям в броне многое прощалось: на войне смерть может поцеловать любого, но танкистов эта сволочная старуха любила особо пылкой любовью. И холодное дыхание смерти, стоявшей рядом, леденило сердца и вымораживало души людей в броне.

И кое-кто из них зависал на зыбкой грани, разделявшей живых и мертвых, не уйдя еще в мир смерти, но уже отринув мир жизни. Далеко не у всех хватало сил выдержать это страшное испытание, не спасала и водка. И запомнил Павел Дементьев картину, виденную им в январе сорок пятого — картина эта поразила его своей запредельностью.

Подвижный передовой отряд остановился на ночь в каком-то маленьком городишке. Кругом было тихо, ярко светила луна, серебра иней, подернувший железо боевых машин. С лязгом распахнулся башенный люк танка, стоявшего неподалеку от машины Дементьева. Из люка выглянул лейтенант-танкист. Он снял шлем, вытер им лицо, посмотрел в небо, на луну и звезды, а потом вытащил пистолет и равнодушно выстрелил себе в висок...

* * *

Прошкин был бледен до синевы.

— Что случилось, Георгий Николаевич? — встревожено спросил Павел, увидев лицо комиссара.

— Подлецы! Дрянь! Так опозорить честь советского солдата! — выкрикнул замполит, поперхнувшись матерными проклятиями. — Мразь!

— Кто?!

— Танкисты, — мрачно произнес политрук, — мать их распротак...

...Польское село под названием Воля было небольшим. Батальон Бочковского ждал здесь прибытия заправщиков, отставших от стремительно двигавшихся танков. «Эрэсники» устраивались на ночлег по соседству — дело шло к вечеру. Прошкин пошел размяться, и тут вдруг услышал в одном из ближайших домов душераздирающий женский крик. Подбежав к дому, он толкнул дверь — заперто. Не раздумывая, майор вышиб двери ногой и оказался в узком коридорчике, ведущим в большую комнату. Крик повторился — кричали там, в этой комнате. Майор влетел в комнату и остолбенел.

На столе тускло горела керосиновая лампа, стояли пустые бутылки, открытая банка консервов, валялись куски хлеба. В углу, на широкой кровати, лежала раздетая женщина, на ней сопел танкист в расстегнутом комбинезоне. Женщина уже не кричала — она стонала и плакала, давясь слезами. А вокруг стола сидело еще человек семь танкистов, наблюдая за происходящим и ожидая своей очереди. Все они были пьяны — это было видно по всему.

Прошкин был человеком не робкого десятка. Он никогда не прятался в бою за чужие спины, но тут ему стало не по себе — в комнате висела какая-то нелюдская атмосфера. Один из солдат встал, покачнувшись, подошел к замполиту и пьяно выдохнул ему прямо в лицо:

— Советуем тебе, майор, убраться отсюда куда подальше, а то как бы чего не вышло.

Выпивохы потянулись за оружием. Комиссар посмотрел в глаза танкиста, в которых плавало пьяное безумие, и понял, что словами здесь уже ничего не сделаешь. Его могли тут же пристрелить — в этом Прошкин нисколько не сомневался.³ Он молча повернулся и

³ В похожей ситуации в том же январе 1945 года под Познанью погиб заместитель командира 8-го механизированного корпуса полковник Владимир Михайлович Горелов, до этого в течение двух лет командовавший 1-й танковой бригадой (после него комбригом-1 стал Темник).

Несчастье случилось в местечке Овиньски, при переправе 8-го мехкорпуса через реку Варту. Здесь же

вышел из комнаты.

— Этого так оставлять нельзя, — шевельнул желваками Дементьев, выслушав рассказ Прошкина, — пошли к Бочковскому, комиссар.

— Пошли, — замполит кивнул. — Даже если эти мерзавцы уже сбежали — в чем я сильно сомневаюсь, они там все пьяные были до зеленых соплей, — найти их проще простого. Возле того дома стояли два наших танка из батальона Бочковского — я номера запомнил. Наверняка это их экипажи и паскудничали. Ну, пошли, капитан.

* * *

Комбат встретил их неласково. Был он выпивши или нет, Дементьев с уверенностью сказать не мог, однако внешний вид Бочковского оставлял желать лучшего. Щеки капитана ввалились, сухая кожа туго обтянула скулы, запавшие глаза блестели нездоровым блеском — Володя походил на тяжелобольного, если не сказать больше. Павел очень хорошо понимал его состояние, но понимал он и то, что танкисты из батальона Бочковского сотворили черное дело, которое не должно остаться безнаказанным.

Выслушав Дементьева и Прошкина, Бочковский сказал с поразившим Павла ледяным спокойствием:

— Я понимаю, что насиловать женщину отвратительно. Я сам этого никогда не делал, и делать не буду — это гнусно и противно моей натуре. Но и ссориться по пустякам с моей чумазой братией мне не с руки.

— По пустякам? — изумился Дементьев. — И это ты называешь пустяками?

переправлялись части 2-го танкового корпуса генерала Ющука, из-за которых на переправе возникла пробка. Горелов, опасаясь налета немецкой авиации (горький опыт имелся в избытке), бросился на берег — искать начальника переправы. Им оказался подполковник, командир одной из бригад 2-го корпуса. Однако он не занимался своим прямым делом, а пьянствовал с группой своих офицеров в домике на берегу реки. Зайдя в дом и увидев там пьяную компанию, Горелов потребовал, что бы танки 2-го корпуса были немедленно убраны с переправы. Подвыпившие танкисты послали его куда подальше, а один из них развязно бросил — мол, да кто ты такой, а вот мы тебя сейчас проверим.

Вспыливший Горелов сбил наглеца с ног ударом кулака и вышел из дома, решив сам разогнать пробку. Обиженный им офицер выскочил за ним следом с автоматом в руках и выстрелил Горелову в спину. Из дома выскочили и другие танкисты; один из них стал искать документы убитого. Расстегнув полушубок полковника, он увидел на гимнастерке Горелова Золотую Звезду Героя и целый набор орденов. Мигом протрезвевшие танкисты тут же разбежались по своим танкам и быстро скрылись с места преступления. Горелова хватилась его ординарец — заместитель командира корпуса долго не возвращался. Зная, куда пошел Горелов, ординарец побежал к домику и нашел там полковника мертвым.

Гибель Горелова оплакивала вся 1-я танковая армия — его любили и уважали все: и солдаты, и офицеры, и сам Катуков. Под его командованием 1-я танковая бригада отличилась и на Курской дуге, и на Украине, и в Польше. Комбриг был настоящим человеком и настоящим русским офицером, опытным и отважным.

По злой иронии судьбы, роковая пуля убила и Горелова, и настоящую любовь двух людей. Горелов, будучи разведенным (его первая жена Валерия, врач по профессии, нашла себе на фронте другого, и Горелов подал на развод), встретил на фронте военврача Агнию Федоровну. Этой паре, удивительно подходившей друг другу, по-доброму завидовали.

Убийцу искали долго. Нашли и судили его уже в самом конце войны — убийцей оказался сотрудник СМЕРШ (что и затруднило поиски) танковой части 2-го корпуса, форсировавшей Варту в тот злосчастный день. Вышнее командование тщательно замалчивало этот дикий случай — о смерти Горелова говорили и писали традиционно: «пал смертью храбрых».

Вот, например, что пишет об этом Катуков: «Под Познанью произошел трагический случай, который больно отозвался в сердце каждого бойца 1-й танковой. В результате нелепой случайности погиб один из талантливейших командиров Герой Советского Союза Владимир Михайлович Горелов. Горелов стал заместителем командира корпуса в тридцать четыре года. Высокого роста, с красивым, еще мальчишеским лицом, он был человеком необыкновенной личной храбрости. Когда он возглавлял 1-ю гвардейскую танковую бригаду, она всегда шла впереди корпуса. Горелов выходил целым и невредимым из сложнейших боевых операций. И вот шальная пуля оборвала жизнь этого замечательного человека...».

И только спустя много лет маршал бронетанковых войск Амазаспас (Армо) Бабаджанян вскользь упомянул в своих мемуарах, как было дело: «Подлая пуля пьяного бандита скосила его, угодив спину».

— Повторяю, — комбат зло сверкнул глазами, — ссориться со своими ребятами сейчас, когда мы идем по немецким тылам, я не буду. Мне с ними еще воевать, они в каждом бою рискуют жизнью — ты знаешь, капитан, сколько танков мы теряем каждый день. Кроме того, на войне, и вы знаете это не хуже меня, пули и снаряды могут лететь и попасть в тебя и со стороны своих. Пули — они ведь не меченые, и откуда они в тебя попадут, узнать нельзя. И я не хочу, чтобы со мной произошел какой-нибудь непредвиденный случай, как, например, с командиром танкового полка девятнадцатой бригады, которого совершенно случайно, знаете ли, раздавил свой танк. Тот подполковник ретиво требовал со своих экипажей высокого порядка и жесткой дисциплины, строго наказывал за пустяки и очень показывал свою власть, а у нас в танковых войсках так поступать нельзя.

— А ты что, считаешь, пусть лучше твои бойцы делают, что хотят? — не выдержал Прошкин. — Пьют, грабят, насилуют? И никакой дисциплины? Война все спишет, да? Они же советские солдаты, черт подери!

— Они прежде всего люди, — все так же спокойно произнес Бочковский, — а с людьми надо вести себя разумно. Предположим, сниму я сейчас эти экипажи, отдам их под трибунал, который пошлет их в штрафбат, и что дальше? Кого я посажу в танки — ваших ракетчиков-минометчиков? После завершения операции, если живы будем, я проведу соответствующую воспитательную работу, — он сжал увесистый кулак, — но сейчас, в разгар рейда, я не хочу восстанавливать своих орлов против себя. Я с ними вместе рискую жизнью, и выполнение боевой задачи зависит от них. А сейчас, ребята, вы лучше уйдите из батальона, и не советую вам поднимать шум по этому поводу и докладывать начальству.

Дементьев молчал, не зная, что возразить. В словах Бочковского было своя правда, но это была какая-то неправильная правда, идущая вразрез с той правдой, которая с детства жила в душе Павла: «Есть вещи, которые человеку делать нельзя, и никакие оправдания тут не помогут».

— Поговорили, называется, — угрюмо сказал Прошкин, когда они возвращались к себе, и замысловато выругался. — Танковые войска, краса и гордость... Тьфу!

— Ты лучше, Георгий Николаевич, — посоветовал Павел, — смотри, чтобы у нас такого не было. У нас ведь тоже люди, и тоже, между прочим, каждый день жизнью рискуют.

— Если у нас случится такое, — глухо отозвался комиссар, — я до трибунала доводить не буду. Сам расстреляю, на месте, вот этой вот рукой, а там пусть меня хоть судят, хоть пулю в спину пустят. Капитан Бочковский не прав — нельзя так. Один раз дашь слабину — вроде бы из благих побуждений или еще почему, — а там все, пошло-поехало. Если можно насиловать женщину — причем, заметь, не немку даже, вражью бабу, а полячку! — то почему нельзя потом вспороть ей живот? И почему нельзя вместе с перстнями оторвать пальцы, отрезать уши вместе с сережками, вырвать золотые зубы вместе с челюстью? И что дальше? Будем детей танками давить, забавы ради? Чем же мы тогда лучше фашистов, спрашиваю я тебя, Павел Михайлович? Вот то-то и оно...

* * *

«Грязное это дело — война, — размышлял Дементьев, — грязное и мерзкое. Может, когда-то, веке в семнадцатом-восемнадцатом, она и была увеселением, красивым зрелищем со шпагами, мушкетами, ватными клубами порохового дыма, благородными кавалерами, яркими мундирами, шляпами с перьями, белыми конями и рыцарским отношением к дамам и к побежденным. Да и то, наверно, все это было только лишь в книгах Александра Дюма, а в реальности вшивые солдаты-наемники давали жару, получив на три дня на разграбление захваченный город... Но сейчас, в двадцатом веке, все, что связано с войной, приводит к разрушению человеческой цивилизации, какой бы идеологией эта война не прикрывалась. Звереет на войне двадцатого века человек, дичает и теряет свой облик. Распадается душа его, и рассыпается в пыль хрупкое здание нравственных ценностей, с таким трудом выстроенное

гуманистами — писателями, художниками, мыслителями — за последние пару столетий. Но какой бы омерзительной ни была война, эту, Отечественную войну, мы должны закончить во что бы то ни стало — надо добить гнусную тварь, пожирающую все и вся».

Ординарец Вася Полеводин безмятежно дремал, но Павлу было не заснуть. Наконец, промаявшись, он встал и пошел к Гиленкову — отвести душу в разговоре с другом. Комдив не спал, сидел в своей машине и пил чай, и Дементьев выложил ему всю эту поганую историю.

— У тебя что, своих дел мало? — сказал Гиленков, ставя на походный столик кружку с чаем. — Пусть со своими танкистами Володька Бочковский разбирается.

— Не будет он разбираться — были мы с Прошкиным у него. Оправдывает он своих — они, мол, у меня святые великомученики, им все можно.

— Не надо драматизировать, Паша, — миролюбиво сказал Юрий. — Что уж такого особенного произошло-случилось? Ну, помяли ребята польку — сильно с нее убудет? Не убили же они ее, в самом-то деле. Они каждый день со смертью обнимаются, в танках горят свечками, пусть хоть разок бабу потискают.

— В танках горят? А мы с тобой что, гуляем-развлекаемся, и от смерти заговоренные? А летчики — они не горят в своих самолетах? А пехотинцы не идут на немецкие пулеметы голой грудью, без всякой брони? Нельзя гнать душевную на войну списывать — человеком надо быть, и оставаться им всегда и везде! Силком брать женщину — это преступление, и насильник есть преступник, даже если на нем форма, и он только что вышел из боя. Мы защитники Родины, воины-освободители или грабители-завоеватели? Володя Бочковский мне друг, воюет он дай бог каждому, и ты, Юра, тоже мой друг не первый год, но тут мы с вами как будто говорим на разных языках, словно вы не люди, а марсиане какие-то!

— Да мы-то люди, а вот ты, Паша, точно не от мира сего. Ну чего ты так горячишься? Человек — скотина довольно-таки неприятная, и на войне это особенно заметно. Людей не переделаешь, Паша, да и не наша с тобой это задача — нам бы до Одера дойти, и желательно потом назад вернуться: живыми.

— Людей нужно и можно переделать, — упрямо возразил Павел, — сделал же Гитлер из немецких рабочих и крестьян убийц в мундирах. И коммунизм — он ведь для новых людей предназначен, разве не так? Только вот задача эта ох и непростая... Как в грязь падать, так человек делает это легко и даже с радостью — падает, а потом гордо хрюкает в этой грязи как свинья. А как надо ему эту грязь с себя соскабливать, тут он, понимаешь, ворчать начинает — не нравится... Но если люди души свои не вычистят, то всему миру нашему конец придет: стряхнет Земля человечество со своей спины, словно блох кусачих, и полетит себе дальше, нimalo о нас, людях, не сожалея.

— Тебе бы в проповедники податься, — сказал Гиленков, глядя на Павла так, словно видел его впервые. — Философия это, а мы с тобой на войне. И поэтому, капитан Дементьев, выкинь ты это все из головы да иди-ка ты спать — завтра снова бой.

Вернувшись в свою штабную машину, Павел лег и уснул. И уже на грани сна и яви услышал он знакомый голос ведуна, но что именно сказал ему этот голос, Дементьев, уходя в сон, не разобрал.

* * *

Утро было белесым и бесцветным.

Дементьев стоял у своей машины, наблюдая, как солдаты дивизиона его разбегаются по «бээмкам». Колонна «катюш» готовилась к движению, а мимо нее с лязгом, расшвыривая гусеницами комья земли и снега, шли танки батальона Владимира Бочковского — как всегда, танкисты первыми уходили навстречу огню.

— Смотри! — Прошкин, стоявший рядом с начальником штаба, толкнул его локтем. — Вот они!

— Кто они? — не понял Павел.

— Помнишь, я говорил тебе, что запомнил номера танков, стоявших у того дома, где насиловали польку? Вот это они и есть, красавцы, — комиссар показал глазами на идущие «тридцатьчетверки», — этот вот танк, и следующий.

В башенном люке танка видна была фигура танкиста. Он смотрел прямо перед собой, но вдруг, как будто услышав слова Прошкина, повернулся и посмотрел на эрэсников. Взгляд его равнодушно миновал Дементьева, а на замполите чуть задержался, словно припоминая и узнавая. А потом танкист улыбнулся — точнее, оскалился, — зловещей волчьей улыбкой, на темном лице его сверкнули белые зубы, и он скрылся в люке. Крышка захлопнулась.

Дементьев смотрел вслед уходящим в бой танкам, и память его с фотографической точностью зафиксировала их номера — белые цифры на серой броне.

А потом был очень длинный день, и был бой, и разрывы снарядов, и кровь на снегу. Очередной немецкий опорный пункт оказался крепким орешком, танкисты не смогли его расколоть, и тогда Темник пустил в ход «катюши». Залп дивизиона «РС» поставил жирную огненную точку, и подвижный передовой отряд двинулся дальше, оставляя позади горящие дома, разбитую технику, трупы и землю, изрытую дымящимися воронками.

В разрушенном поселке не осталось ничего живого, выстрелы смолкли. Колонна «БМ» змеей втягивалась в поселок, и у самого въезда, метрах в пятидесяти от первых домов, превратившихся в развалины и горевших, Павел увидел две подбитые «тридцатьчетверки». Танки стояли рядом, облизанные огнем, и еще дымились, хотя их подбили, судя по всему, еще во время первой неудачной атаки, часа полтора назад. Краска обгорела и зашелушилась, однако номера обеих машин еще можно было разобрать. Дементьев вздрогнул: это были те самые номера, который он видел и запомнил утром, на выезде из небольшого польского села с красивым названием Воля. А рядом с подбитыми машинами стоял еще один танк, целый и невредимый. Это был танк Бочковского. А сам комбат стоял у своей машины, опершись на нее локтем, курил и угрюмо глядел на сгоревшие «тридцатьчетверки».

Услышав шум моторов колонны гвардейских минометов, он повернул голову.

— Видишь? — сказал он, встретившись глазами с Дементьевым. — Вот так... Два танка, восемь трупов, и не трупов даже, а... Сгорели ребята до головешек — расстреляли их в упор, никто не выскочил. Одного я только не пойму — я же им кричал по радио: «Не лезьте в лоб, обойдите! Обойдите, мать вашу, отходите, не прите на рожон!». А они как глухие — ни один экипаж не отозвался, ни другой не ответил. Вот и нарвались...

«Возмездие судьбы» — прошелестело в сознании Павла, и он понял-догадался, что именно эти слова слышал он вчера, засыпая: слышал, но не разобрал.

— Может, мне не надо тебе этого говорить, Володя, — произнес он, глядя в больные глаза Бочковского, — но я все-таки скажу. Именно эти твои ребята так славно порезвились вчера ночью, в селе, где мы ночевали, — комиссар наш запомнил номера танков. Наверно, есть не только людской суд, но еще и другой, который оправданий не признает, понимаешь?

Комбат не ответил. Он посмотрел на Павла свинцовым взглядом, бросил папиросу и молча полез в танк. Лязгнули траки, и машина, выстрелив сизым дымом сгоревшей солярки, двинулась дальше — на запад.

* * *

Коричневый Дракон, выпестованный Кощеем Бессмертным, зачехленным над златом до состояния костлявой мумии, был созданием жутким. Астральный Зверь был страшен в бою — его чудовищные когти раздирали земную твердь, зубы дробили камень и металл, поток огня, извергаемый монстром, сжигал все, что могло гореть — и даже то, что гореть не могло. Зверь был ненасытен, и питался он кровью и муками людскими — без этого не мог он поддерживать то сумрачное подобие жизни, которой жил Коричневый Дракон.

И было ядовитым дыхание Зверя. Яд этот не был смертелен для тела, но выжигал он души людские, обращая их в пепел, на котором не растут цветы. И даже кровь, хлещущая из ран чудовища, нанесенных мечами бившихся с ним воинов, истекала ядовитым паром. И тот,

кто вдыхал этот смрадный пар, получал ожог души — неисцеляемый и передающийся от отца к сыну, от сына к внуку, из поколения в поколение. И жили люди с обожженными душами, переставшие отличать вкус, цвет и запах Добра от вкуса, цвета и запаха Зла.

Война калечила не только тела, но и души людей. И только истинные воины и люди с настоящей душой — настоящие люди — могли устоять перед ядом Коричневого Дракона, не одичать, не оскотиниться, сберечь свои души и сохранить их в чистоте.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ПРИЗРАК И ЕГО ДЕТИ

*На равных подлеца и храбреца
Пропарывались пулями сердца
И складывались в общие потери...*

Восьмой гвардейский механизированный корпус продолжал наступление — стрела, пущенная из тугого лука, еще не утратила своей убойной силы и пронзала все новые и новые панцири немецких оборонительных рубежей. Восемнадцатого января сорок пятого года с ходу, без затяжных боев и особых трудностей, был взят Александров, но следующий город — Згеж — оказался крепким орешком: его пришлось брать штурмом. Батальоны девятнадцатой мехбригады штурмовали каждую улицу, каждый дом, выковыривая немцев из всех щелей. И здесь, в Згеже, погиб славный командир девятнадцатой бригады — полковник Липатенков, непосредственно руководивший боем. В его танк попал снаряд, и звание Героя Советского Союза Липатенков⁴ получил уже посмертно.

«На войне почему-то всегда больше погибает хороших и славных людей, — подумал Дементьев, узнав о гибели комбрига, — Богатырев, МIRONЕНКО, теперь вот Федор Петрович... Наверно, так происходит потому, что лучшие люди — настоящие люди — идут впереди, они не прячутся за спины других и первыми ловят пули, летящие навстречу. Какой-то ученый муж утверждал, что война, мол, дело полезное, это своего рода естественный отбор, селекция, улучшение рода человеческого — жестокое испытание войной проходят только самые лучшие и самые жизнеспособные. Сюда бы его, этого кабинетного мыслителя, под снаряды и пули — «естественно отбираться» среди грязи и крови. Если бы война действительно отбирала бы самых лучших, отсеивая в могилы только шлак и мусор человеческий, я бы, наверно, увидел бы в ней пользу, несмотря на всю ее жестокость и мерзость. Но дело в том, что людишки мелкие и подленькие приспособляются к любым обстоятельствам куда лучше, чем честные и прямодушные, и выживают именно они, подлые, а вовсе не герои, кидающиеся под танки и лежащие на амбразуры. Герои остаются лежать под гранитными обелисками, а выжившие за их спинами плодятся и размножаются, как крысы, которых так трудно вывести. Так что не прав этот теоретик — войны вовсе не

⁴ Липатенков Федор Петрович родился в деревне Нижние Савенки Почаевского сельсовета Смоленского района 2 сентября 1910 года. В 1928 году добровольцем пошел служить в Красную Армию. После окончания Московских пехотных курсов был командиром взвода и роты. В 1941 году окончил военную академию имени Фрунзе, на фронте с июня 1941 года. Был дважды ранен, награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями. Командир 19-й гвардейской механизированной бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса Первой танковой армии Каткова. Отличился в боях на Курской дуге, на Украине и в Польше. В ходе Висло-Одерской операции 19-я мехбригада 15 января 1945 года прорвала немецкую оборонительную полосу на магнушевском плацдарме, 16 января 1945 года с ходу форсировала реку Пилицу, обеспечила переправу войск армии, освободила польский город Ново-Място. 17 января 1945 года 19-я мехбригада совершила стремительный бросок на 70 км и отрезала крупной группировке противника пути отхода из города Лодзь.

Погиб в бою 21 января 1945 года.

За образцовое выполнение заданий командования, личную храбрость и героизм в боях с захватчиками Федору Петровичу Липатенкову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

улучшают породу людей, скорее наоборот...».

Колонна дивизиона шла через горящий Згеж, над головами попискивали пули, по обеим сторонам улицы мрачно и торжественно полыхали дома, словно погребальные костры, на которых воины-русичи некогда сжигали павших. Вокруг не было видно ни единой живой души, но кое-где еще постреливали. «Катюши» прошли удачно, а идущий следом зенитный дивизион был обстрелян шалой группой уцелевших немцев. Зенитчики тут же развернули свои тридцатисемимиллиметровые автоматы и в считанные секунды смели недобитков.

Отряд Темника прошел уже сто пятьдесят километров и с разбегу форсировал Варту. У Конины споткнулись — город выкинул белые флаги только двадцать первого января, когда подошла вся девятнадцатая мехбригада. Немцы сбрасывали воду из водохранилища на реке Дунаец — вода затопила пойменные луга, ее уровень в Висле поднялся более чем на метр, — но не смогли задержать наступление русских войск.

...Корпус Дремова шел на Познань — город-крепость на старой польско-германской границе, прикрывавший дорогу на Берлин.

* * *

Сведения разведки были неутешительными: город защищен тремя оборонительными обводами, напичканными дотами и дзотами, подтянуты резервы — гарнизон насчитывал до пятидесяти тысяч солдат с запасами продовольствия на три месяца осады. И все-таки Темник решил попробовать стены крепости на зуб. Попробовал — и поморщился: удары по Познани разведывательными группами и всем передовым отрядом не дали ощутимых результатов. Не принес удачи и штурм, предпринятый всеми силами корпуса, — бригады дважды пытались ворваться в город, и оба раза откатывались, неся ощутимые потери. По режиму и плотности огня защитников можно было сделать вывод, что крепость обороняют не тыловые части и не наспех собранные фольксштурмовцы, а опытные отборные войска.

Глядя в бинокль на Познань, Павел Дементьев испытал странное чувство: ему вдруг показалось, что ожило и вернулось средневековье. Не танки и самоходки шли на город — по белому заснеженному полю ползли к стенам осажденной крепости стенобитные машины на полозьях. Их тащили толпы полуголых изможденных рабов, подгоняемых ударами плетей и гортанными выкриками узкоглазых воинов с луками и кривыми саблями. И на высоком холме стоял ордынский военачальник, и вислоухий лисий малахай скрывал генеральские погоны на его плечах. А на стенах и башнях крепости горели факелы, и рыцари с тревогой смотрели сквозь щели забрал не несметное войско кочевников, выплеснувшееся откуда-то из глубин Азии, и ждали приступа, и возносили молитвы, прося Господа укрепить их руки и сердца.

«Нет, шалишь, — внутреннее усмехнулся Павел. — Не дикая монгольская орда явилась к вам, одержимая жаждой грабежа, — к вам, господа рыцари-крестоносцы, пришло возмездие: возмездие за все то, что вы натворили на нашей русской земле, придя туда с огнем, мечом и надписью на бляхах солдатских ремней «С нами бог!». Не с вами Бог, тевтоны, нет, не с вами — придется вам ответить за все».

Взять Познань одними танками, да еще с явно недостаточными силами, не удалось. К счастью, Дрема-нойон и его темник⁵ быстро поняли безнадежность этой затеи, понял ее и Катуков, понял и сам Жуков, хотя он и настаивал вначале на скорейшем взятии города. Брать крепость было нечем: Познань защищала целая армия, а у осаждающих не было тяжелой артиллерии, тылы отстали, и войска испытывали острую нехватку горючего и боеприпасов.

В итоге Познань обошли (только через месяц город взяли полевые армии Чуйкова и Колпакчи), и основные силы Первой гвардейской танковой армии перенацелились на прорыв

⁵ Игра слов: фамилия командира передового отряда 8-го мехкорпуса полковника Темника совпадает со званием темника (начальника тумена — десяти тысячного корпуса) в монгольском войске.

Мезеритцкого укрепленного района. Обходя город, танкисты Дремова мимоходом захватили на аэродромах под Познанью свыше семисот (!) немецких самолетов. Высшее командование не поверило — такого, мол, просто не может быть. «Слишком большое» число трофейных самолетов произвела ошеломляющее впечатление в Москве. Ставка направила для проверки специальную комиссию, и та подтвердила цифру: да, захваченных самолетов действительно оказалось свыше 700.

Московская комиссия считала трофейные самолеты, а танкисты считали километры, оставшиеся до немецко-польской границы: двести, сто пятьдесят, сто... Еще немного — и вот она, река Обра, вот она, Германия.

...Гусеницы русских танков яростно дожевывали последние километры, отделявшие их от границы Тысячелетнего Рейха...

* * *

Реку Обру перескочили с ходу, и с ходу же ворвались в Бомст, небольшой немецкий городок с обширной центральной площадью и многочисленными средневековыми зданиями и памятниками. Это была уже Германия — та самая, куда русские воины шли три с половиной года и наконец-то дошли. Павел прислушался к своим чувствам — не было у него в душе ни злобной радости, ни желания мстить мирному населению, ни ликующей ненависти. Было только какое-то внутреннее волнение — «Неужели?» — и спокойное торжество победителя, уверенного, что дойдет он и до логова Зверя: до Берлина.

Город, покинутый жителями, горел. Не было слышно уже ни взрывов, ни выстрелов — только шуршание огня и тихий треск горящего дерева. Дивизион «катюш» остановился на центральной площади, где уже стояли танки Бочковского, опасливо пригнувшись стволами орудий к пустым и темным улицам. Дементьев вышел из машины и огляделся по сторонам. Вокруг, кроме русских солдат, не было никого — Бомст вымер, на его улицах царили мрак, разгоняемый языками пламени, и тишина, нарушаемая приглушенным урчанием моторов танков и «бээмок». Не было видно и трупов — гарнизон, если он здесь был, оставил город без боя. Со второго этажа большого серого каменного дома выпала прогоревшая оконная рама, ударилась о мостовую и рассыпалась на рдеющие уголья. Тишина была давящей, зловещей и черное беззвездное небо казалось тяжелой могильной плитой, накрывшей мертвый город.

Павел еще раз огляделся и пошел к серому дому, откуда выпала горящая рама, — что-то тянуло его зайти в этот дом. На первом этаже, похоже, располагался какой-то магазин — внутри видны были прилавки и полки, над входом сохранились остатки вывески. Выбитая дверь лежала на полу, засыпанном битым стеклом, кусками кирпича и обломками мебели. Дом горел с одной стороны; дым тек по стенам, поднимался вверх и уползал по черепичной крыше. Первый этаж был пуст — в багровом свете пожара Дементьев видел только разгром, царивший в помещении магазина. И еще он увидел лестницу, ведущую на второй этаж. И он поднялся наверх по скрипучим ступенькам, не понимая даже, зачем ему это надо. На втором этаже находились жилые квартиры, но людей не было. Павел толкнул первую попавшуюся дверь — она оказалась незапертой — и увидел первого жителя Германии: страны, принесшей столько горя его стране.

Взору Павла Дементьева открылась огромная пустая комната, на середине которой стояла большая и широкая деревянная кровать, а на ней среди неестественно белых подушек и простыней лежала морщинистая худая старуха в белых одеждах и в кружевном чепце. Она умирала и лежала совершенно неподвижно, хотя была еще жива. Лицо старухи напоминало застывшую гипсовую маску — на этом бескровном лице выделялись огромные темные глаза, в которых отражался огонь — одна из стен комнаты горела, ярко освещая постель умиравшей. В комнате больше никого не было — исхудавшая старуха завершала свой долгий жизненный путь в разрушенном доме среди огня в полном одиночестве.

Умиравшая заметила человека, вошедшего в комнату, и даже, похоже, поняла, кто он,

этот человек. Глаза старухи медленно повернулись — Павлу почудилось, что он слышит скрип глазных яблок, трущихся о кости черепа, — и уставились на прищельца. И взгляд этот ожил: отблеск пожара в глазах старухи собрался в две яркие точки, и глаза ее вспыхнули, как два внезапно разгоревшихся угля.

По спине Дементьева волной прошел озноб: одеяло исчезло, и он увидел лежащий на постели скелет, одетый в прозрачный белый саван, сквозь который видны были высохшие желтые кости. Глаза скелета горели дьявольским красным огнем, и Павлу на миг показалось, что призрак сейчас встанет, подойдет к нему, гремя костями, и вцепится в горло костлявой рукой. У него даже мелькнула мысль вытащить пистолет, хотя он и знал, что против нечисти оружие людей бессильно.

Скелет не поднялся со смертного ложа — видение длилось всего несколько секунд, а потом Павел Дементьев вновь увидел перед собой дряхлую умирающую страху, бессильную и безопасную. Она продолжала глядеть на него, не мигая, но злой огонь в ее черных глазах потух, словно задутый порывом свежего ветра — ветра с востока.

«Это символ агонизирующей Германии, — подумал Павел. — Германия посылала своих сыновей жечь чужие дома и убивать людей, а теперь ее сыновья лежат мертвыми в степях Придонья, под Москвой и Сталинградом, под Курском и Обоянью, на Украине и в Польше. Они, шедшие убивать, мертвы, и некому закрыть глаза этой умирающей старухе и принять ее последний вздох. И ненависть фашистской Германии к нам, воинам-победителям, бессильна, как бессильны худые руки этой старухи, вытянутые вдоль ее полумертвого тела. Свершилось — возмездие пришло».

Двери в комнату оставались открытыми, и Дементьев услышал на лестнице чьи-то шаги. Он подумал, что это кто-то из родственников старухи, но в комнату ворвался капитан Бочковский. Комбат был возбужден и зол, как черт, и держал в руке горящий факел. Глаза танкиста горели лихорадочным огнем; шумно и прерывисто дыша, он остановился рядом с Павлом и долго смотрел на умирающую. Дементьев знал, что семья Володи находилась на оккупированной территории и хлебнула полной чашей всех прелестей «нового порядка». Бочковский⁶ поклялся отомстить за свою погибшую родню и, ступив на землю Германии, в первом же немецком городе — Бомсте — сделал большой факел, ходил с ним и поджигал все строения, которые попадались на его пути.

Дементьеву показалось, что Володя сейчас бросит факел на постель старухи, но тот, постояв, резко повернулся и вышел из горящего дома. Павел вышел следом и пошел к своей машине. По дороге он обернулся и посмотрел на горящий серый дом, где остался призрак. В окнах второго этажа кое-где уцелели стекла, и Дементьев заметил тень, мелькнувшую за оконным стеклом. Павел не стал размышлять над тем, кто бы этот мог быть — если кто-то из спрятавшихся родных умирающей вернулся к ее постели, пусть будет с ней рядом, а если призрак все-таки встал со смертного одра, ему не выйти из горящего здания — Павел был в этом уверен.

* * *

⁶ БОЧКОВСКИЙ Владимир Александрович родился 28 июня 1923 года в городе Тирасполь Молдавской ССР в семье служащего. Русский. Окончил 10 классов. В Красной Армии с апреля 1941 года. В 1942 году окончил Харьковское танковое училище.

В действующей армии с июля 1942 года. Экипаж Бочковского 6 июля 1943 года подбил три «Пантеры». Заместитель командира танкового батальона 1-й гвардейской танковой бригады (8-й гвардейский механизированный корпус, 1-я танковая армия, 1-й Украинский фронт), гвардии капитан Бочковский 21 марта 1944 года с группой танков форсировал реку Теребна у села Романове Село (Збаражский район Тернопольской области) и захватил плацдарм. В бою за расширение плацдарма танкисты Бочковского уничтожили 16 пушек, 4 штурмовых орудия, более 200 автомашин, 22 марта в районе города Тербовля (Тернопольская область) — 3 танка, 5 минометов, до 50 автомашин. Звание Героя Советского Союза присвоено Владимиру Бочковскому 26 апреля 1944 года.

«Панцерверке» — это автономные сталебетонные двух-или трехэтажные сооружения, углубленные в землю на тридцать метров, на поверхности которых имеются спускающиеся и поднимающиеся пушечно-пулеметные бронеколпаки. Толщина стен и перекрытий у этих дотов доходила до двух с половиной метров, а толщина бронеколпаков до 350 миллиметров. Каждый «панцерверке» имел гарнизон в десять-пятнадцать человек, пушечное, пулеметное, минометное и огнеметное вооружение, месячный запас продовольствия и боеприпасов, свою электростанцию, калориферное отопление, вентиляцию, водоснабжение и канализацию.

А Мезеритцкий укрепленный район, или «Одерский четырехугольник», — это целая сеть «панцеверке», связанных между собой сложной системой подземных ходов сообщения, усиленных полевыми укреплениями и прикрытых минными полями и противотанковыми заграждениями. Это гигантский подземный город, выстроенный из брони и бетона, — щит Зверя, которым он должен был остановить удар русского меча. Мезеритцкий укрепрайон построили еще до войны, но после Сталинграда существенно усилили — Дракон почуял запах жареного, донесшийся до его ноздрей с берегов Волги, и призадумался над тем, что его ждет, если русские армии дойдут до берегов Одера.

Прорыв танками укрепрайона, доты которого могут выдержать попадание тяжелого снаряда, — дело небывалое. И это небывалое дело было сделано: танки Катукowa где обошли бетонные клыки «панцерверке», где просочились, а где и с боем прорвались через «Одерский четырехугольник», оставив подтягивавшейся артиллерии особой мощности доламывать его укрепления. Восьмидесятипятимиллиметровые пушки «тридцатьчетверок» не брали толстые железобетонные стены артиллерийских капониров, но опытные башенные стрелки, которых было немало в экипажах, прошедших с боями от Курска до Познани, «били белку в глаз» — они всаживали снаряды в амбразуры, заклинивая взрывами немецкие орудия. А если даже снаряды и не попадали в амбразуры, а разрывались рядом, то взрыв их был губительным для защитников «панцерверке»: контуженные слуги Зверя глохли от ударов, разрисовывая бетон кровью, текущей из ушей.

Основной удар по Мезеритцу наносил одиннадцатый гвардейский танковый корпус генерала Гетмана, корпус Дремова шел чуть южнее. Взят Либенау, пал Швибус — Первая танковая армия Катукowa за двое суток боев вышла в тыл линии укреплений, строившихся в течение пятнадцати лет.

Восьмой механизированный корпус ртутью протек через Мезеритцкий укрепрайон и лавиной покатился к Одру. От него до Берлина — рукой подать, всего семьдесят километров. Отряд Темника по-прежнему шел впереди. Все дороги были забиты толпами беженцев, которых здесь, в Германии, было гораздо больше, чем на дорогах Польши. И танкисты шли напролом, давя все на своем пути и не разглядывая, кто или что попадает под гусеницы...

Иногда на пути встречались отряды фольксштурма, собранные из мобилизованных стариков и подростков. При первых же выстрелах они, как правило, тут же бросали винтовки и фаустпатроны и разбегались, но случалось и по-иному: уже на подходе к Одру колонну «БМ» дивизиона Гиленкова обстреляли.

* * *

Стреляли из тощего лесочка, стреляли редко и неумело — всего одна пуля щелкнула по железной раме одной из «катюш», и никого из бойцов не зацепило. Десантники быстро прочесали лесок и выволокли из кустов трех юнцов лет шестнадцати-семнадцати.

— Вояки, — презрительно бросил один из солдат, — мамкино молоко еще на губах не обсохло, а туда же, за оружие хватаются. Снять штаны, да надрать им ремнем задницы, чтоб месяц не сели, и пусть катятся к едреней фене, сопляки.

— Это гитлерюгенд, — возразил ему другой, — сопляки-то сопляки, а стрелять умеют, да и мозги у них набекрень. Будущие эсэсы, сучата...

Пленные пацаны производили странное и двойственное впечатление. Шинели не по

росту, тонкие шеи, юношеские прыщи на грязных лицах, исцарапанные худые руки. Один из них были в кепи горнострелка, другой в пилотке, третий где-то потерял свой головной убор, и стылый ветер шевелил его спутанные светлые волосы. Они не казались врагами, но Павел заметил искривленные гримасой ненависти губы и злой блеск в глазах этих мальчишек. «Вот волчата... — подумал он. — И что же нам теперь с ними делать?»

Они стояли, тесно прижавшись друг к другу и гордо подняв головы, и вдруг начали кричать: «Хайль Гитлер!».

— А ну заткнитесь! — гаркнул Прошкин, подходя к ним. — Капут ваш Гитлер, и война тоже капут, понятно?

Но «гитлерюгенды» не унимались — они продолжали орать «Хайль!», а один из них со злобой выпалил длинную немецкую фразу, из которой Дементьев понял только «руссише швайне» и «унтерменшен».

— Пасти закройте, я кому сказал? — повторил комиссар и от души врезал одному из них по физиономии.

Юный немец пошатнулся, но двое его товарищей тут же подхватили его за плечи и поддержали. А затем они все трое обнялись и что-то запели ломающимися мальчишескими голосами.

— Гитлеровский молодежный гимн, — проговорил Прошкин и добавил, чугуня лицом: — Расстрелять. Всех троих.

— Может, не надо расстреливать, Георгий Николаевич? — сказал Дементьев. — Совсем ведь еще пацаны-несмышлениши...

— Не надо? А что мне прикажешь с ними делать, а? Ты этим несмышленишам в глаза посмотри, а потом уже их жале! Отпустим мы их, а они подберут где-нибудь фаустпатроны — этого барахла сейчас кругом навалом — и будут стрелять по нашим танкам. И по милости твоей милосердной кто-нибудь из наших ребят сгорит в своем танке, а дома его мать ждет не дождется, ночей не спит. Ты ей будешь похоронку писать, товарищ капитан? — Комиссар зло сплюнул и повторил: — Расстрелять, я сказал!

Павел промолчал — замполит был кругом прав, и возразить ему было нечего.

Мальчишек отвели к обочине. Там они и упали, сраженные автоматными очередями, — не опустив гордо поднятых голов и стоя плечом к плечу, обнявшись.

«Как там говорил друг Юра, — думал Дементьев, когда дивизион двинулся дальше, — «людей не переделаешь»? А вот у Гитлера это получилось, и не у него одного. Эти пацаны, которым жить да жить, с восторгом умерли за своего фюрера, за неправое дело. Они умерли, наверняка зная, что война уже проиграна, и что фашистскую Германию не спасет уже никто и ничто. И точно так же умирали наши мальчишки — умирали за Сталина, за советскую Родину. Они, эти несмышлениши, были еще слишком молоды, чтобы понять умом и нутром глубинное значение слов «род, народ, Родина», — это понимание приходит позже, с опытом и взрослением, — им было достаточно красивой идеи и фигуры вождя, перед которым можно преклоняться и с радостью идти туда, куда он укажет. Молодежь — это податливая мягкая глина, из которой вожди лепят все, что им заблагорассудится, воспитывая молодежь в духе преданности фатерланду и себе лично. Великие вожди очень хорошо владеют искусством художественной лепки, но вот найдется ли когда-нибудь такой величайший вождь, который сумеет вылепить новых людей, свободных от зависти, жадности, лжи, подлости и злобы? Или это уже дело не вождя, каким бы великим он ни был, а самих людей? А если не людей, то чье это дело — Бога? Но почему тогда Господь, сотворивший род людской, создал людей такими несовершенными? Или это ошибка Создателя? А если это ошибка Бога, то кто и как будет ее исправлять?».

— О чем задумался, Павел Михайлович? — услышал он голос Прошкина. — О том, сколько нам еще ехать до Берлина? Доедем, не сомневайся. Немец пошел уже не тот, что в сорок первом, — слаб стал на все места. Хороший огонь из всех видов оружия плюс морозец — и фриц поплыл косяком, поднимая руки в гору. «Гитлер капут, Иван — гут!» — сам, небось, слышал.

— Слышал, Георгий Николаевич, — ответил Павел. — Ты прав: наступили приятные сердцу времена.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. КУНЕРСДОРФ (февраль 1945 года)

Русского солдата мало убить, его надо еще и повалить
Фридрих II, король Пруссии

Первого февраля сорок пятого года подвижный передовой отряд, пройдя от берегов Вислы всего за восемнадцать дней около пятисот километров, вышел на правый берег Одера, захватив мимоходом деревню Кунерсдорф. Деревня была маленькой, ее можно было бы даже назвать деревушкой, если бы это слово подходило к буколическому европейскому населенному пункту с аккуратными домиками, не задетыми войной. Большинству солдат дивизиона название этой деревни не говорило ни о чем — так, очередной «дорф», — но Павел Дементьев знал, что место это историческое. Именно здесь первого августа 1759 года, в ходе Семилетней войны, русские войска под командованием генерал-аншефа Петра Салтыкова наголову разгромили прусскую армию воинственного короля Фридриха II, нещадно бившего в хвост и в гриву австрийцев и французов и оставшегося в истории под именем «Фридрих дер Гроссе» — Фридрих Великий. Величие знаменитого полководца изрядно поблекло под Кунерсдорфом, и вот теперь, без малого два века спустя, потомки елизаветинских солдат вернулись на берега Одера, чтобы сбить спесь с потомков Зейдлица и его кирасир.

Глядя на поля и холмы, окружавшие Кунерсдорф, Павел испытывал очень странное чувство, схожее с тем, что он испытал в Приднестровье, на месте Брусиловского прорыва. И поэтому он даже не удивился, когда, взглянув на своего ординарца, увидел вдруг у него на плече не автомат ППШ, а старинную фузею с трехгранным штыком. И не солдатская шапка-ушанка была на голове Василия Полеводина, а черная треуголка из тех, что носили русские солдаты восемнадцатого века. Преобразившийся Полеводин стоял рядом с Дементьевым и смотрел на холмы и поля, окружавшие Кунерсдорф. Взгляд у солдата был отрешенным, хотя Павел был больше чем уверен, что никто, в том числе и сам Василий, не замечают изменений в одежде и внешности ординарца.

— О чем задумался, Вася? — спросил Павел. — Или знакомые места увидел?

* * *

— О чем задумался, Васька? Тебя спрашиваю, Воднев! — голос капрала построжел.

— Да это я так, дядя Егор, — смутился Василий Воднев, восемнадцатилетний парень, только этой весной сданный в рекруты, и встрепенул, как вспугнутый воробей. — Деревню свою вспомнил — там сейчас самая страда...

— Про деревню забудь! — строго заметил капрал. — Ты теперь отрезанный ломоть, ты теперь солдат на службе государевой, и вернешься ты домой стариком глубоким, ежели...

— ...ежели вернешься, — закончил за него Зыкин, старый солдат, тянувший лямку уже тридцать лет и поседевший в боях и походах. — Пули шведские, сабли турецкие — много чего на тебя припасено. И просторна мать сыра-земля — в ентот постеле всем места хватит.

— Ты мне молодого не стражай! — одернул его Егор Лукич. — Ишь, раскаркался! От судьбы не уйдешь, но и на карачки перед ей падать не след — не солдатское это дело. Смерть — она всех приголубит в час назначенный, да только отходную раньше времени запевать не спеши.

...С раннего утра тридцать первого июля русские войска целый день укреплялись на холмах близ Одера. На склонах Еврейской горы, Большого Шпица и Мельничной горы рыли окопы, насыпали батареи, плели туры — по слухам, которые ловили чуткие солдатские уши,

пруссак был уже близко и норовил зайти с тылу. Главные многопушечные батареи строили на правом крыле и в центре, на Большом Шпице, устанавливая за насыпями «секретные» шуваловские единороги. Дула шуваловских гаубиц закрывали медные крышки, но вся армия и шустрые маркитанты давно знали, что жерла у единорогов не круглые, а как яйцо.

Апшеронский полк насыпал большую батарею. По летней жаре солдаты — гренадеры, мушкетеры, артиллеристы — работали босиком, в одних штанах, скинув кафтаны и камзолы и повязав головы платками. Работали споро и в охотку: работа была привычной, крестьянской — это тебе не «артикул метать». За постройкой батареи доглядывал заместитель Салтыкова генерал Фермор, однако следить за работами он поставил какого-то невысокого, сухощавого, быстрого в движениях офицера в чине подполковника.

Этот штаб-офицер, которого солдаты прозвали «шустрым», изумлял их тем, что вел себя совсем не так, как господа офицеры: в расстегнутом камзоле, перемазанный глиной, он копошился во рву вместе с солдатами и пил с ними ржавую болотную воду. Подполковник сыпал шутками, не гнушался и сам взяться за лопату, и в то же время зорко наблюдал за тем, чтобы все делалось правильно.

К полудню апшеронцы закончили половину главной батареи. Объявили полдник; офицеры подались в тени, к кустикам, солдаты расположились прямо на теплой, нагретой солнцем земле.

Воднев лег на спину, глядя в небо, по которому плыли редкие белые облака. «Домой к нам плывут, — думал он, — в деревню нашу, туда, где остались мать, сестренка Катюша и черноглазая Дарюшка... Увижу ли я их когда-нибудь?». Васька погрузился, но зоркий Егор Лукич это заметил и тут же окликнул молодого солдата. Знал старый капрал, что творится на душе у рекрута — сам был таким. Дядька Егор был строг по должности своей, но оставался человеком, и солдаты видели это и ценили.

— Не журишь, Воднев, — сказал он, глядя на затосковавшего Василия. — Первый бой — это всегда страшно. Главное — первый страх пережить, а там легче будет.

Зыкин пробормотал было что-то вроде «ты сначала переживи этот бой», но капрал зыркнул на него сердитым глазом, и старик умолк.

* * *

Король Фридрих изучал карту. Вот она, голубая лента Одера, вот кирпично-красные прямоугольники Франкфурта, вот буро-зеленые холмы Юденберга, Мюльберга, Шпицберга. Карта — это разноцветная шахматная доска, на которой он, король Пруссии, разыграет завтра свою очередную победную партию.

Итак, дебют: построение будет такое же, как при Лейтене. Миттельшпиль: косой удар — правым крылом по левому крылу русских. Генерал Финк ударит с тыла — эндшпиль: русские варвары беспорядочной кучей валятся в реку и тонут, тонут, тонут. Этот недалекий русский барин, Салтыков, — о чем он сейчас думает? Рассчитывает, что сможет отсидеться за рогатками от палашей лучшей конницы мира — гусар Зейдлица? Или он считает, что его вонючие казаки да калмыки, вооруженные луками и стрелами, смогут устоять перед лейб-кирасирами Бидербее? Наивный глупец... А его солдаты — это просто стадо крепостных. Они одеты в мундиры, но остались рабами, годными только для услужения своим барам, — какие из них воины?

Прусский солдат знает, за что воюет. Прусскому солдату платят, а после победы этот солдат может напиться, пограбить и вдоволь повалить баб — что еще нужно двуногим скотам, обученным убивать? Рассуждать этим скотам не нужно — ни в коем случае. За них думают офицеры (а за офицеров — король), а дело солдат — беспрекословно выполнять приказы, идти вперед и умирать во славу короля Пруссии (пусть даже до славы этой им нет никакого дела). Правда, наемники — силезцы, швейцарцы, итальянцы, сброд со всего света, — так и норовят смыться, особенно перед битвой, исход которой неясен, но лагерь армии Фридриха Великого зорко сторожат верные гусары, чистокровные немцы, за которых,

если что, ответят их семьи. Страх — вот самый лучший способ создать непобедимую армию. Солдат должен бояться своего капрала во сто крат больше, чем самого грозного неприятеля, — вот залог победы.

Королю Фридриху хотелось спать, но спать было уже некогда — за пологом палатки светлело. Ничего выспимся, когда разобьем Салтыкова.

— Рудольф!

У входа в палатку тут же возник светловолосый и голубоглазый адъютант, настоящий Зигфрид.

— Поднять лагерь. Без барабанов!

Без барабанов — это значит, что офицеры бьют палками капралов, а капралы — солдат. Стук палок по спинам не слышен в русском лагере, но эти палки поднимут любого сонного ленивца в лагере прусском.

Итак, партия начинается. А пока — пока на разноцветном игровом поле расставляют фигуры — можно подумать о чем-нибудь возвышенном: о музыке, о живописи, о философии. Об этом можно думать по-французски: немецкий язык — это язык войны, язык приказов, язык непобедимых воинов.

* * *

Главные силы прусской армии обходили левый фланг русских. Впереди — эскадроны Зейдлица, за ними, держа равнение, как на параде в Берлине, — батальоны гренадер. Солдаты шли, как машины — по кочкам, по не сжатым полям, с монотонностью часового механизма: семьдесят пять шагов в минуту. Военная машина — машина победы.

Машина споткнулась на прудах Кунгрунда — этих прудов не было на карте. Король был зол — король неистовствовал, хотя внешне это было заметно только по его глазам и по длинному носу, казавшемуся еще длиннее от надвинутой на левую бровь черной треуголки. Но генералы хорошо знали «Фрица», как звали короля солдаты, и не сомневались: окажись сейчас здесь кто-нибудь из картографов, этот «кто-нибудь» уже дрыгал бы ногами на первой же мало-мальски подходящей осине, вздернутый за шею веревкой.

Пруды казались бесконечными, словно кто-то, издеваясь, бросал и бросал их один за другим под ноги солдатам армии прусского короля. Пять часов солдаты обходили блестящие кляксы прудов, изнывая от жары — поднявшееся солнце раскалило медные бляхи высоких гренадерских шапок. А за прудами Коровьей лощины начался лес, где застряла артиллерия: конным упряжкам трудно было разворачиваться между деревьев, и солдатам приходилось выпрягать лошадей и катить орудия на руках.

А впереди уже вовсю гремели пушки: генерал Финк, выполняя план короля и вводя русских в заблуждение, открыл огонь по Мельничной горе. Русская артиллерия ответила незамедлительно — гром канонады густел, потянуло дымом от горящих домов Кунерсдорфа, подожженных русскими брандскугелями.⁷ Но только к полудню непобедимые батальоны короля Фридриха вышли из леса на простор кунерсдорфских полей и начали готовиться к своей сокрушительной «косой» атаке.

* * *

Салтыков тоже поднял свою армию рано — в четвертом часу утра. Казачья разведка донесла о движении прусских колонн, и атаки врага можно было ждать с минуты на минуту. Солдаты успели сварить кашу, позавтракать и выпить по чарке водки, когда в шесть часов за Гюнером послышались выстрела — казачьи пикеты столкнулись там с передовыми частями неприятеля.

⁷ Брандскугель — зажигательное ядро.

Русский лагерь зашевелился — «Пруссак идет!». Врага еще не было видно — только в зрительные трубы офицеры штаба наблюдали, как отходили казаки, нахлестывая нагайками коней и поминутно оглядываясь назад.

В девять часов утра началось. С третинских высот по Мюльбергу ударили прусские пушки, и зарычали в ответ шуваловские единороги — глухо и ворчливо, словно медведь, вырванный из зимней спячки. Орудия гремели с обеих сторон, Мельничную гору заволокло пороховым дымом — князь Голицын, командовавший стоявшим на горе Обсервационным корпусом, отвечал тремя выстрелами на каждый выстрел пруссаков, — но немцы не начинали атаку: они чего-то ждали.

— Ожидают прибытия его величества, — сказал Салтыков, мерявший шагами вершину холма, — но они что-то запаздывать изволят.

После полудня, наконец, на Малом Шпице появились пушки, за ними маячила конница, за ней показались колонны пехоты.

— Вот вы где, голубчики, — проговорил русский главнокомандующий, не отрываясь от подзорной трубы, — а мы вас уже заждались...

А пруссаки, словно наверстывая потерянное время, пошли в атаку — без промедления. Они шли, презирая сильный огонь войск князя Голицына, шли уступами, неправдоподобно четкими и правильными: военная машина прусского короля демонстрировала свою мощь. Гренадеры Фридриха — высокие, плотные, как на подбор, — шли стеной. Если кто-нибудь из них падал, выбитый пулей, ряд тут же смыкался, затягивая брешь, и мерное наступление продолжалось. Время от времени прусские шеренги вспыхивали огнем — гренадеры стреляли залпами, по команде.

Пруссаки вошли в мертвую зону у подножья горы, и огонь оборонявшихся разом стих. А стройные прямоугольники прусских батальонов надвигались на Мюльберг не только с фронта, но и с флангов, со стороны Третины и Малого Шпица — генерал Финк тоже пошел в атаку.

— Как они стоят? — заволновались в свите командующего, имея в виду солдат князя Голицына. — Их же сейчас зажмут в клещи!

На Мельничной горе заметили опасность, угрожавшую Обсервационному корпусу, — видно было, как там засуетились, перестраивая ряды. Но в русской армии и в мирное время перестроение проходило не слишком гладко, а тут, перед лицом надвигавшегося с трех сторон врага, мушктеры не столько перестроились поперек горы, сколько сбились в кучу. А тем временем на артиллеристов-шуваловцев обрушился тяжкий удар наступавших прусских батальонов, и пушкарки не выдержали — побежали. Четыре пехотных полка Обсервационного корпуса, наполовину укомплектованные наспех обученными и необстрелянными рекрутами, положения не спасли. Они продержались недолго и вскоре побежали вслед за шуваловцами по склонам Мюльберга вниз, к болоту и к берегам Одера.

Король Фридрих имел все основания быть довольным. Миттельшпиль разыгран успешно — все левое крыло русских войск разгромлено. Оставалось только закрепить успех и довершить дело.

И вскоре вновь загрохотали барабаны: прусские батальоны снова пошли в атаку.

* * *

Пруссие каре атаквали Большой Шпиц — центр армии Салтыкова. Граф послал туда подкрепления — Азовский и Низовский полки, стоявшие на склоне Юденберга, побежали к Большому Шпицу, тарахтя на бегу амуницией.

Пруссаки шли все так же — безукоризненно ровно, быстро и неумолимо: военная машина короля Фридриха работа без сбоев — пока.

«Машина, тупая, бездушная машина, помилуй бог! — думал сухощавый подполковник, состоявший при штабе Салтыкова, наблюдая за механической поступью прусских шеренг. — Солдат идет, как заведенный, не ведая, куда и зачем он идет. В голове у него одна забота —

как бы линию соблюсти. А как только этот строй рассыплется на кочках да в кустиках, тут-то им и конец. Эх, дали бы мне хотя бы полк, я бы всю эту прусскую позитуру — в кашу! Нет, нужно всю нашу армию переделать, и тогда...».

Пруссаки шли вперед, привыкшие к тому, что неприятель не выдерживал одного вида их слитного строя, не обращавшего внимания на выпадавших из него убитых и раненых и надвигавшегося с неудержимостью морской волны, и бежал при звуках их воинственного гимна: «Ich bin ja, Herr, in deiner Macht!»⁸ Но этот противник — русские — оказался иным.

Сломав строй, гренадеры Фридриха начали карабкаться вверх по крутым склонам Большого Шпица. И тут среди визга ядер и треска ружейной пальбы прокатилось русское «ура!» — азовцы и низовцы бросились в штыки. И хваленая прусская пехота дрогнула и побежала, забыв и про строй, и про жалованье.

Атака в центре была отбита, но на правом крыле исход боя был еще далеко не ясен — кирасиры прусского короля охватывали фланг Новгородского полка. Новгородцы били по ним из ружей; несколько всадников, сверкая на солнце медью кирас, грузно рухнули наземь вместе со своими лошадьми, однако конная лавина домчалась. Вороные кони встали на дыбы на гребне Большого Шпица, и засверкали палаши — кирасиры рубили русских пехотинцев. Новгородцы попятились, и воспрянувшая духом прусская пехота, не сумевшая забраться на гору в лоб, тут же кинулась из Кунгрунда в брешь, образовавшуюся в русских рядах.

«Что это? — подумал сухощавый подполковник. — Неужели поражение?».

Но тут снова разнеслось дружное «ура» — по неширокой площадке Большого Шпица во весь опор мчалась союзная конница, и яркие ментики австрийских гусар перемешались с васьиковыми кафтанами русских драгун.

— Свершилось невозможное, — генерал Фермор весело улыбнулся, — граф Румянцов и генерал Лаудон всего с тремя слабыми полками опрокинули кирасир короля!

— Истинно так, — подтвердил генерал-поручик Вильбуа, — смотрите, пруссаки бегут! Граф Салтыков молча перекрестился.

Ни пехоты, ни конницы неприятельской на Большом Шпице уже не было. По всему склону горы рассыпались вороные кони кирасир и гренадеры, отступавшие к болотистой ложине Кунгрунда.

И тогда король Фридрих выложил свою последнюю, козырную карту — он бросил на Большой Шпиц конницу Зейдлица, лучшую конницу мира.

* * *

День клонился к вечеру, а Василий Воднев так и не побывал еще в бою: апшеронцы, прикрывавшие большую батарею Румянцова, не сходили с места. Когда на гору заскочили прусские кирасиры, апшеронцы и псковичи подались было вперед, но неприятеля погнали и без их помощи.

Водневу было страшно. Он тискал в руках фузею, и исподтишка посматривал на своих товарищей — а ну как кто заметит его робость и поднимет на смех молодого рекрута?

После того, как атака пруссаков на Большой Шпиц была отбита с большим уроном для неприятеля, на горе появился со свитой главнокомандующий граф Салтыков.

— Победа за нами, ребяташки! — прокричал он, размахивая шляпой. — Бежит пруссак!

Апшеронцы оживились и повеселели — отбитая яростная атака противника подняла настроение, упавшее после разгрома пруссаками левого крыла русской армии и занятия ими Мюльберга. Но до победы было еще далеко, и Водневу вскоре пришлось в этом убедиться.

Из-за кунерсдорфских огородов, где еще совсем недавно молодые мушкеры копали диковинный овощ картофель и варили его в котелках, показалась конница — в глазах у Васи

⁸ Господи, я в твоей власти! (нем.).

зарябило от разноцветия мундиров и пестроты лошадиных мастей. По ней ударила русская артиллерия, и тут же нарядные кавалеристы на рысях ринулась вперед, в узкие проходы между кунерсдорфскими прудами.

Русские ядра нещадно косили великолепную конницу Зейдлица. Проходы между прудами заваливались трупами людей и лошадей, но сотни и сотни гусар и драгун миновали их благополучно и уже выстраивались, готовясь к атаке. И понеслись на Большой Шпиц три линии прусской кавалерии.

— Оправляй замки, кремни! — услышал Воднев. — К стрельбе готовься! Пали!

Василий стрелял, как учили — целясь в грудь коня, — быстро, в семнадцать приемов, заряжал. Конница приближалась, блестели на солнце клинки сабель и палашей. «Доскачут или нет? — стучало сердце в груди молодого солдата. — Доскачут или нет?».

Еще залп. Еще раз большая батарея метнула навстречу пруссакам картечь из всех своих единорогов. А затем над кунерсдорфскими полями в третий раз за этот день раздалось громкое «ура». Воднев поспешно зарядил фузею, но стрелять уже не было нужды: конница Зейдлица в беспорядке мчалась обратно, преследуемая по пятам кавалерией союзников.

«Ну, таперича нарубят капусты» — подумал Василий.

* * *

Сражение переломилось. Потрепанная конница Зейдлица откатилась, а гренадеры Фридриха, занявшие Мюльберг, стояли там, не имея ни сил, ни желания снова идти вперед. Салтыков перебрасывал в центр полки правого крыла — Большой Шпиц кишел войсками. Снизу, из-за кустов Кунгрунда, вяло постреливали пруссаки, крепко получившие по носу и усвоившие этот урок. Король проигрывал свою партию — ход был за русскими.

Солнце потихоньку сползало к западу, и надо было что-то решать — не стоять же всю ночь в сотне шагов друг от друга. Но Салтыков медлил, твердо помня одну из основных догм линейной тактики: заняв удобную позицию, не сходи с нее. Лаудон и Румянцов советовали наступать, Вильбуа отмалчивался. Князь Голицын своего слова сказать уже не мог — он был тяжело ранен в бою за Мюльберг.

— Что будем делать, Вилим Вилимович? — обратился Салтыков к Фермору. — Вечереет уже, а...

Речь командующего заглушили крики «ура» — солдаты Первого гренадерского полка, долго и нудно перестреливавшиеся с пруссаками, засевшими в Кунгрунде, не выдержали и бросились в штыки. Следом за ними кинулся в атаку Вологодский полк.

— Вперед! — Салтыков махнул рукой. — Ну, так тому и быть! Александр Васильевич, голубчик, — сказал он, обернувшись к штабным офицерам и найдя среди них сухощавого подполковника, — известите Апшеронский полк, пусть поддержат вологодцев атакою.

— Слушаю-с, ваше сиятельство!

«Эка встрепенулся, — подумал Салтыков, провожая подполковника взглядом, — ровно кречет охотничий...».

* * *

Когда вологодцы ринулись на пруссаков, апшеронцы зашевелились-заволновались. Чутье солдатское, обостренное многочасовым боем, подсказывало им — вот-вот, и они тоже бросятся на врага. Полк напоминал кучу пересушенной соломы, ждущей только искры, чтоб вспыхнуть ярким огнем-пламенем.

«Не бежит, а летит, ровно птица хищная, — подумал Воднев, заметив стремительного худощавого подполковника и узнав в нем того самого офицера, который так удивлял своим поведением апшеронцев при построении большой батареи. — Ну, будет сейчас дело...»

«Куда ему с таким брюхом на пруссаков!» — подумал на бегу подполковник, глядя на тучного полкового командира, восседавшего на барабане и поднявшегося с него только при

появлении штаб-офицера. И тогда он выхватил шпагу, вскинул ее высоко, поймав острием ярко сверкнувший солнечный зайчик, и выкрикнул звеняще-пронзительно:

— За мной, ребята!

Ответом ему было дружное «ура» и слитный топот сотен солдатских ног.

...Над его головой пели пули, а он бежал вниз по склону Большого Шпица, бежал легко и стремительно, и на бледных щеках его горел румянец боевого азарта. Подполковнику не было страшно — есть, как ни странно, люди, созданные для войны и не находящие себе места в жизни мирной. И был этот бой боевым крещением человека, вся дальнейшая жизнь которого прошла в походах и победных битвах...

— Ваше высокоблагородие, да бросьте вы этот вертел! — услышал он за спиной. — На нем курей жарить, а не на пруссака с ним идтить! Пропадете вы с ним ни за грош — возьмите лучше ружье!

— Спасибо, братец, — подполковник сунул шпагу в ножны и принял тяжелую фузею со штыком, поданную ему старым капралом. — Вперед, ребята!

А впереди лязгало, хрюкало, вопило истошно — вологодцы схлестнулись с солдатами короля Фридриха. Прусские гренадеры, рослые и плотные, отбивались отчаянно, но русские мушкеры, распаленные боем, словно лихой кулачной дракой, настырно лезли на них со всех сторон.

Подполковник с разбегу перепрыгнул кочку, увенчанную невысоким кустиком, и тут же увидел перед собой черную фигуру пруссака — на голову выше него. «Велика фигура, да дура» — успел подумать Суворов, ловко всаживая штык в прусский мундир. Гренадер грузно завалился, выворачивая из рук подполковника фузею. Суворов чуть повернулся и перехватил ружье, торопясь вытащить штык, застрявший в теле поверженного врага, и заметил краем глаза черную тень, метнувшуюся из-за кустов. Саженого роста прусский гренадер летел на него черным вороном, выставив вперед острое жало штыка.

«Конец!» — молнией вспыхнуло в сознании.

Но пруссак, не добежав до подполковника всего пару шагов, вдруг словно споткнулся и повалился лицом вниз, а на его месте появился совсем еще молодой русский мушкатель, деловито выдернувший штык из гренадерской спины.

...Это была победа. Одни пруссаки бежали вниз, к тем прудам, через которые они шли утром; другие, спасаясь от русских штыков, лезли на Мельничную гору. Мюльберг кишел черными мундирами, но это была уже не армия, а толпа. Русская картечь рвала эту толпу, и пруссаки не выдержали и побежали вниз, к болотистым берегам Гюнера, оставляя позиции, взятые ими еще днем. Русские сидели на плечах бегущего неприятеля — эндшпиль оказался совсем не таким, на который рассчитывал «Фридрих дер Гроссе».

«Непобедимая» прусская армия рассеялась, как дым под сильным порывом ветра — ветра с востока, — оставив под Кунерсдорфом сто семьдесят пушек, двадцать шесть знамен и шляпу короля. Поражение было полным: армия перестала существовать, и король, передав под начало генерала Финка жалкие три тысячи солдат, оставшихся от бывших сорока восьми тысяч, написал в Берлин: «Я передаю ему армию, которая не в силах бороться с русскими. Все потеряно, спасайте двор и архивы!».

...Первого августа тысяча семьсот пятьдесят девятого года мушкатель-апшеронец Василий Воднев еще не знал имени спасенного им офицера в чине полполковника. Это имя — Александр Васильевич Суворов — он узнал позже, сражаясь под началом этого человека при Козлуджи, Фокшанах, Рымнике, Измаиле, Треббии, Нови. И не знал Василий Воднев, что сражаться он будет еще долгих сорок лет, и что смерть свою встретит на скользкой тропе альпийского перевала Сен-Готард — оступится и сорвется в каменную пропасть. И еще не знал Василий, крестьянский сын, — и не мог знать, — что через без малого двести лет он — точнее, не совсем он, — вернется под Кунерсдорф, и будет глядеть на его поля и холмы, пораженный ощущением уже виденного когда-то.

— О чем задумался, Вася? — повторил Дементьев.
— Виноват, товарищ капитан, — Полеводин поправил на плече автомат и сдвинул на затылок шапку. — Чертовщина какая-то померещилась — пушки старинные, конница, солдаты в треуголках... И бывает же такое — вроде как выпил, хотя вроде и не пил.
— Бывает, — согласился Павел.
И усмехнулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ПОТРЕВОЖЕННЫЙ МУРАВЕЙНИК

Войну заказывали? Получите, и распишитесь!
П. М. Демидов

...Несмотря на туманную дымку, город хорошо просматривался с высот восточного берега Одера — до него было не больше двух-трех километров. Город Франкфурт, крупный промышленный центр, жил своей обычной жизнью, словно не замечая войны, которая уже стояла у самого его порога, — по улицам двигались трамваи, шли люди, работали магазины, дымили трубы заводов. Город еще не знал, что с противоположного берега Одера на него смотрят в бинокли трое русских офицеров: полковник Темник, майор Гиленков и капитан Дементьев.

«О штурме Франкфурта, понятное дело, не может быть речи, — думал Павел, — у нас просто-напросто не хватит сил ни взять, ни удержать такой большой город. И войск здесь у немцев наверняка не взвод, не рота и не батальон, и даже не полк, а поболее. А у нас горючее на исходе, да и боеприпасов кот наплакал. Свою задачу мы выполнили — до Одера дошли, плацдарм захватили. Дело за малым — дожждаться подхода главных сил корпуса. Только вот, похоже, это малое дело может оказаться совсем не простым...».

Ночь с первого на второе февраля прошла спокойно — немцы, по всей вероятности, еще не знали о прорыве русских танков к восточному берегу Одера. Но полковник Темник не постеснялся заявить им о своем прибытии: разведка доложила, что поблизости обнаружен немецкий аэродром, и командир передового отряда направил туда танки. Танкисты сожгли несколько самолетов; немцы всполошились и пустили в ход артиллерию, которой оказалось много — батальон Бочковского потерял два танка.

Отряд занял круговую оборону — было ясно, что теперь противник навалится со всех сторон. И рассчитывать — во всяком случае, в ближайшие сутки-двое, — приходилось только на собственные силы: корпус Дремова шел к Одера, но его продвижение задерживали бои с немецкими «блуждающими котлами», в изобилии возникшими в результате стремительного прорыва армии Катуква. Рассеянные и разрозненные, но вооруженные группы отступавших немцев доставляли немало хлопот, нападая на колонны машин, штабы, тыловые части. Их не успели еще похитить, и Дремову то и дело приходилось снаряжать «пожарные команды» для «гашения» очагов сопротивления и уничтожения тех, кто все еще пытался вести войну «до победного конца».

Темник, тем не менее, не бездействовал и помышлял не только о глухой обороне. Он решил прижечь пятки франкфуртским бюргерам и для этого вызвал к себе «эрэсников».

— Сколько залпов ты можешь дать по городу? — отрывисто спросил он у Гиленкова.

— Не больше трех, товарищ полковник. Один залп мы всегда оставляем про запас, на самый крайний случай.

— Да я не собираюсь разносить весь город по камушкам, — пояснил командир отряда. — Можем мы пальнуть так, чтобы они забегали, как ошпаренные? Панику хочу организовать: здравствуйте, немцы, война пришла к вам! Соображаешь?

— Это можно, — ответил майор, поняв, что от него требуется. — И для этого не нужно трех залпов, хватит и одного, только не сосредоточенного, а рассеянного — по всей площади

города. Каждая машина будет бить по своему квадрату, а не весь дивизион по одной цели. А если еще поставить взрыватели пятьдесят на пятьдесят — у половины снарядов на фугасное действие, у остальных — на осколочное, — то эффект будет впечатляющим.

— Вот и отлично, — обрадовался Темник, — это нам и надо! Готовь установки, майор, — сыграем немцам на «сталинском органе»⁹ концерт по заявкам!

Вернувшись в дивизион, Гиленков с Дементьевым засели за карту и прикинули, по каким квадратам нанести удар — с тем, чтобы накрыть возможно большую часть Франкфурта и в то же время зацепить наиболее аппетитные (с военной точки зрения) цели. Дементьев быстро подготовил исходные данные и вывел установки на огневую позицию. Руководить стрельбой комдив решил сам, и Павел понимал друга: на его месте он поступил бы точно так же. Наведение «бээмок» не заняло много времени, и по взмаху руки Гиленкова реактивные мины огненной стаей сорвались с направляющих и с воинственным курлыканьем понеслись к цели.

Когда-то в детстве маленький Павел видел, что происходит в муравейнике, если его разворошить веточкой, и запомнил шуршащий шелест тысяч потревоженных муравьиных ног. Что-то похожее он увидел и сейчас: в городе протяжно завывали сирены, загудели гудки заводов и фабрик, на улицах суетливо заматались машины и люди.

«Вы бомбили наши города, — думал Дементьев, глядя на столбы огня и черного дыма, вставшие в разных частях Франкфурта, — а теперь наши снаряды рвутся на ваших улицах. Как, нравится? Вы хотели войны — вы ее получили, с доставкой на дом!».

После залпа они с Гиленковым еще немного постояли на берегу Одера, и Юрий, задумчиво глядя на растревоженный, сердитый город, сказал:

— А вот теперь, Паша, начнется для нас самое опасное и трудное — второе отделение концерта по заявкам. И если к вечеру не подойдет подмога, нам придется кисло. Ну что ж, будем держаться. И дай нам, боже, силы и удачи, чтобы благополучно выбраться из этой западни, куда мы влезли всеми четырьмя лапами, и остаться в живых...

* * *

Гиленков не ошибся: немцы начали стягивать на правый берег Одера значительные силы, чтобы ликвидировать плацдарм, захваченный отрядом Темника, — скрыть трамплин для прыжка русского медведя за Одер. На передовой подвижный отряд обрушились части 5-го горнострелкового корпуса СС, не успевшего занять оборону в «панцерверке» Мезеритцкого укрепрайона и теперь пытавшегося наверстать упущенное у Кунерсдорфа, сборная солянка из остатков растрепанных пехотных и танковых дивизий, рота власовцев и туркестанский батальон. Дрались отчаянно, в бою участвовали все — и штабы, и даже санчасть. Расстреляв весь боезапас, танкисты открывали люки и забрасывалиседавших эсэсовцев гранатами. Дивизион «РС» несколько раз отбивал атаки, сметая атакующих прямой наводкой и засыпая поля Кунерсдорфа их обгорелыми трупами.

К середине дня ожесточенность боя возросла. В воздухе появилась немецкая авиация (от чего солдаты Темника успели уже отвыкнуть), началась бомбежка. Гиленков убрал «БМ» в ближайший лес и приказал их замаскировать: снаряды кончались, у «катюш» оставался только неприкосновенный запас — один залп минами, уже подвешенными на направляющих. Держались до вечера, и продержались — к вечеру бой стал стихать. Оборона устояла, однако опытные русские офицеры, прошедшие всю войну, понимали: еще на один такой бой сил уже не хватит. Понимал это и полковник Темник.

— Еще сутки мы, может, и продержимся, — угрюмо сказал он, собрав всех офицеров, — отбиваясь из последних сил. Но нам нужны солянка, бензин и снаряды, которых взять негде — и так уже ездим на трофейном горючем, а немецкие снаряды к нашим

⁹ «Сталинский орган» — так называли немцы установки «РС» («катюши»).

пушкам не походят. Мы полуокружены, и если до утра не выберемся из этого мешка, окружение станет полным, и тогда...

Он не договорил — все и так прекрасно знали, что будет тогда. Главные силы корпуса все не показывались, а собственные силы отряды были на исходе.

— Значит, так, — подытожил командир отряда, — ищем слабое место, прореху в мешке, через которую можно выскользнуть. Отправляем разведку.

В ночь на пятое февраля на разведку направилась группа старшего лейтенанта Ухова. Вернулась она только под утро и сообщила, что обнаружила небольшую ложину, не занятую немцами, и что по этой ложине вполне смогут пройти и танки, и колесные машины.

— Выступаем немедленно, пока не рассвело, — распорядился Темник. — Первыми пойдут колесные машины и артиллерия, за ними танки и самоходки подполковника Хватова. Прикрывать отход будет батальон капитана Бочковского.

Шли в полной темноте, не включая фар, и прошли уже половину пути, когда немцы, услышав в ночи шум моторов, спохватились и открыли артиллерийский огонь. Они стреляли наугад, вслепую, пока не причиняя вреда, однако с рассветом их огонь стал прицельным, и тяжелее всего пришлось самоходчикам, замыкавшим прорывающуюся колонну. В машину Хватова попал тяжелый снаряд, и подполковник погиб — сгорел вместе со всем экипажем.

Но еще солонее пришлось батальону Бочковского, прикрывавшему отход. У Володи осталось всего тринадцать танков из тридцати, с которыми он начал рейд к Одеру, и только полроты пехотинцев-десантников. Когда отряд Темника уже выходил из опасной зоны, теряя под жестоким огнем немецкой артиллерии концевые машины, Бочковский понял, что ему этот огненный коридор не пройти. Он развернулся в противоположном направлении, введя в заблуждение и немцев, и самого Темника, выскочил на шоссе, идущее вдоль Одера, отмахал по нему километров двадцать и еще раз резко свернул в сторону. Смелых удача любит — расшибая последними снарядами кидавшиеся на него «пантеры» и сметая заградительные отряды немцев, батальон на последних каплях горючего вырвался из окружения.

За этот бой Владимира Бочковского представили ко второй Золотой Звезде Героя, но, как это часто случается, по иронии судьбы (а точнее — по прихоти начальства) он получил орден Суворова II степени. «Заслужил одну награду — дали другую. А могли бы и вообще ничего не дать» — философски заметил по этому поводу Юра Гиленков, и был абсолютно прав.

Раздосадованный противник преследовал отряд Темника, но тут наконец-то подошли части восьмого механизированного корпуса генерала Дремова. Двадцатая и двадцать первая мехбригады во встречном бою отбросили немцев — потрепанный передовой отряд вздохнул с облегчением.

Поле битвы под Кунерсдорфом вновь, как и двести лет назад, осталось за русскими. Шляпу короля, правда, на поле этом не нашли, зато на танковом полигоне близ Кунерсдорфа танкисты Дремова захватили вражескую новинку: сверхтяжелый танк «мышонок».¹⁰

— Дожили немцы, — пошутил кто-то из офицеров, узнав название этого чудовища, — тигры и прочее зверье им не помогли, так они теперь грызунов решили мобилизовать.

¹⁰ В 1944 году немцы разработали сверхтяжелый танк Maus («Мышонок»). Весил этот танк 180 тонн, был вооружен двумя пушками калибра 128 мм и 75 мм и 7,62-мм пулеметом и хорошо защищен двухсотмиллиметровой броней. Управлял этим монстром экипаж из 6 человек. Танк мог проходить водоемы по дну, но скорость у него была всего 25 км/час. Немцы успели сделать всего два гигантских танка.

Военный инженер Рыков рассказывал, как доставлялся «Мышонок» в Кубинку. Башня, ходовая часть, трансмиссия и другие части были погружены на железнодорожные платформы. Рыкову вручили специальные документы, и с каждой крупной железнодорожной станции он докладывал лично маршалу Жукову о прохождении эшелона. Прежде всего Maus привлек наших конструкторов и военных оригинальными техническими решениями и, конечно, танк имел ценность как необычный военный трофей (сейчас он единственный в мире). Есть версия, что эти машины создавались специально как подвижные орудия для охраны бункера Гитлера. Амбициозный проект не состоялся: русские солдаты изловили «мышонка» — «сверхтанк» в Берлине так и не появился.

Танковый прорыв к Одеру был успешно завершён. Восьмой гвардейский мехкорпус выполнил поставленную задачу, и в середине февраля началась его переброска на север, в район Ландсберга, против группы армий «Висла», засевшей за Померанским валом.

Но Павлу не суждено было отправиться под Ландсберг: семнадцатого февраля сорок пятого года пришел письменный приказ «об откомандировании капитана Дементьева П.М. в распоряжение отдела кадров». Сдав дела своему помощнику, обнявшись с Гиленковым, крепко, от души, пожав руку Прошкину и распрощавшись с другими офицерами дивизиона, он выехал в штаб артиллерии фронта, где получил назначение на должность командира дивизиона в сорок первый гвардейский отдельный минометный полк «РС», входивший в группу ГМЧ (гвардейских минометных частей) Первого Белорусского фронта.

* * *

— Хорошо-то как, — проговорил Полеводин, по-кошачьи жмурясь на солнце, — весна начинается...

Капитан Дементьев со своим верным ординарцем Василием Полеводиным ехали в 41-й гвардейский минометный полк. Был конец февраля, но погода стояла уже по-весеннему теплая, дул легкий и мягкий ветерок, деловито погонявший по синему небесному лугу отару белых кучевых облаков. Приближалась весна, она была уже рядом, и оба не сомневались, что эта весна будет последней военной весной, которую наконец-то сменят мирные весны.

Подполковник Ересько, командир полка, встретил Дементьева приветливо. Павлу он понравился с первых минут — спокойный и неторопливый, подполковник чем-то напоминал ему комбрига Липатенкова, погибшего в бою за польский город Згеж.

Минометный полк, сформированный из моряков Северного флота, всю войну воевал на Карельском фронте, насмерть стоял в обороне, вцепившись в лесистые скалы Карельского перешейка, и не отступил на восток ни на шаг. Боевой опыт имелся, но потерь полк почти не понес, и поэтому его солдаты и офицеры хорошо узнали друг друга, три года воюя бок о бок с одними и теми же товарищами по оружию. Высокая боеспособность части была оценена командованием, и по окончании боев в Карелии минометный полк перебросили в Германию. Понравились Дементьеву и офицеры его дивизиона — старший лейтенант Гизетли, начальник штаба, азербайджанец, и командиры батарей Виленский и Коган. Воинским чутьем Павел вскоре понял, что его офицеры — люди толковые и добросовестные, а как они поведут себя в бою, ему предстояло узнать в самое ближайшее время. Война никуда не делась, она смрадно дышала в лицо и забирала свое — с замполитом дивизиона капитаном Братинным Дементьев не успел даже как следует познакомиться: комиссар был убит немецким снарядом в первом же бою, в самом начале Берлинской операции.

Полеводин оценил новую часть по своей методике — по состоянию кухни. Василий, умудренный жизненным и солдатским опытом, считал, что знакомство надо начинать не со штаба, а с полевой кухни: если каша приготовлена хорошо, значит, хозяйвод работает как положено, из чего неопровержимо следует, что и в остальном в части полный порядок. Вдумчивая проверка «боепитания» удовлетворила Василия, причем настолько, что вскоре он стал именовать местную кухню «камбузом», отдавая должное флотским традициям полка.

Дементьев едва успел освоиться со своими обязанностями, как пришлось ему сдавать боевой экзамен уже как командиру дивизиона — минометный полк придали 314-й стрелковой дивизии, продвигавшейся на запад с тяжелыми боями. Немцы дрались остервенело, цепляясь зубами и ногтями за каждый городок, за каждую высоту, и наша наступающая пехота несла тяжелые потери.

Командирский экзамен оказался серьезным — Павел волновался так, как волновался три года назад, в марте сорок второго, в московской квартире Саши, когда шел в темноте, ступая босыми ногами по холодному паркету, к своей первой в жизни женщине.

Стрелковая дивизия уперлась в очередной немецкий опорный пункт. Соседи справа и слева его обошли, и в результате получилось что-то вроде языка, вытянутого в нашу сторону.

И вот этот паскудный язык и предстояло вырвать своими «катюшами» капитану Дементьеву.

— Вот, — командир дивизии ткнул пальцем в карту, — торчит, сука, как кость в горле. Не хочу я своих зря класть, а эта заноза не дает нам и шагу ступить: огрызается, сволочь.

Срезать язык не представлялось Павлу особо трудной задачей — не впервой, — если бы не одно «но»: рядом залегла наша пехота, и, учитывая большое рассеивание реактивных мин, существовала реальная опасность ударить по своим.

— Да-а-а... — протянул комдив, выслушав Дементьева. — Незадача... И отвести оттуда наши батальоны не так просто — все простреливается.

— А если перед залпом спрятать нашу пехоту в окопы? — предложил стоявший рядом начальник штаба дивизии. — Сведем возможные потери до минимума, а до нашего КП оттуда метров восемьсот — авось не зацепит.

— Соглашайтесь, капитан, — оживился комдив. — Ну нет у нас другого выхода — не кровью же русской смывать эту пакость!

Однако Павел колебался. «Если бы я бил из семидесятишестимиллиметровых пушек, — думал он, — нет вопросов, уложил бы снаряды аккуратно, тютельница в тютельница. Но «РС»... Я ведь тоже не хочу зря класть своих, да еще под конец войны!»

Его размышления прервал сердитый голос голоса командира триста четырнадцатой:

— Капитан, у нас нет времени для раздумий. Решения здесь принимаю я, и я беру на себя всю ответственность!

Отступать было некуда. Дементьев предупредил Гизетли, что стрельба ответственная — «Наводите «БМ», как винтовку в тире!», — приказал ему увеличить дальность стрельбы на пятьсот метров, для подстраховки, и доложил командиру стрелковой дивизии о готовности к залпу.

— Действуй, капитан! — решительно произнес комдив.

Реактивные мины с воем ушли в небо. Через минуту-полторы послышались разрывы, а затем до командного пункта дивизии порывом тугого горячего ветра докатилась воздушная волна, сбивая людей с ног. Еще через минуту взрывы прекратились, офицеры на КП ожили, зашевелились, поднялись, стряхивая с себя пыль, и кто-то уважительно произнес:

— Вот так «катюша»!

Но Дементьеву было не до восторгов — он еще не знал, как лег его залп. Взрывная волна наводила на размышления: «А что же чувствуют фрицы, когда наши «поросята» рвутся среди них?». Был угрюм и комдив, и на лице его яснее ясного читалось: «Ну что, паршивец, стукнул по своим?».

Вскоре из полков поступили донесения, и Павел облегченно вздохнул: реактивные мины легли близко к окопам пехотинцев, но никого не задели, а вот опорный пункт молчит, как вымерший. Комдив повеселел и, хлопнув Дементьева по плечу, бросил коротко:

— Молодец!

И тут же начал терзать связь, требуя от командиров полков атаковать, «пока немцы не очухались».

Экзамен на командира был сдан. Опорный пункт взяли без потерь, и дивизия бодро пошла вперед, догоняя опередивших ее соседей.

* * *

В середине марта дивизион Дементьева отозвали: минометный полк вышел во второй эшелон фронта и разместился в лесах восточнее Одера, готовясь к наступлению на Берлин. К этому времени Павел окончательно освоился, нашел общий язык с офицерами и солдатами и чувствовал себя настоящим командиром дивизиона гвардейских минометов. Это льстило ему и грело душу — ведь капитану Дементьеву не исполнилось еще и двадцати четырех.

Правда, в большой кадучке меда появилась и малая ложка дегтя: генерал-лейтенант Шамшин, командующий ГМЧ фронта, назначил Ересько заместителем комбрига, а 41-й полк принял полковник Пуховкин.

Новый комполка оказался полной противоположностью Ересько — с первого же дня он стал «закручивать гайки», причем исключительно при помощи откровенной грубости и мата. Офицеры и солдаты, привыкшие к стилю Ересько, невзлюбили Пуховкина и тут же окрестили его «фельдфебелем». А для полноты комплекта в полк прибыл и новый комиссар Иванов, вышедший из рядовых матросов и слепленный из того же теста, что и Пуховкин. Эта «дубовая парочка» попортила капитану Дементьеву (и не только ему одному) немало крови, хотя Павел и старался утешать себя армейской мудростью «Выбирают жен и любовниц, а командиров назначают».

Однако все это было не стоящей внимания мелочью по сравнению с тем, что происходило на фронте. Советские армии неудержимо шли вперед, победа была близка — в этом никто уже нисколько не сомневался, гадали только, сколько осталось дней (не месяцев) до конца войны, — и на этом фоне стоило ли придавать чересчур большое значение выходкам доморощенных самодуrow?

И еще — вокруг бушевала весна, и молодые русские воины (все до единого, напрочь забыв о немецких снарядах, бомбах и пулях) надеялись дожить до победы, после которой обязательно наступит прекрасная и удивительная жизнь: разве может быть по-другому после такой войны?

А впереди их ждало Логово Зверя — Берлин, — до которого оставалось пройти совсем немного.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ЛОГОВО ЗВЕРЯ

Развалинами рейхстага удовлетворен!

х/ф «В бой идут одни «старики»

И пришел апрель, апрель сорок пятого года от Рождества Христова. Природа цвела, и птицы вили гнезда, не обращая ни малейшего внимания на громыхающее железо, ползущее и перекатывающееся по земле. А люди — люди шли вперед, чтобы покончить с осточертевшей войной и вернуться к мирной жизни, в которой уже не надо будет убивать друг друга. Но для этого нужно было добить Зверя, все еще скалящего зубы — даже в предсмертной агонии.

Подготовка к наступлению на Берлин заканчивалась, когда Пуховкин собрал всех офицеров полка и сообщил, что в предстоящей Берлинской операции 41-й минометный полк придается Первой армии Войска Польского. Удивление, равно как и другие эмоции, в армии не слишком приветствуются, и потому капитан Дементьев без лишних вопросов отправился в польский штаб для получения боевой задачи.

Польские части начали формироваться на территории Советского Союза еще в сорок первом году, но до участия их в боевых действиях дело так и не дошло.¹¹ А в начале тысяча девятьсот сорок третьего года под Рязанью родилась 1-я польская дивизия имени Тадеуша Костюшко, которую повел в бой Зигмунд Берлинг. Затем на базе этой дивизии появилась 1-я армия Войска Польского, воевавшая против немцев до самого конца Великой Войны. Весь ее командный состав подбирался из советских офицеров польского происхождения или из тех, у которых были польские фамилии. В штабах этой армии звучала в основном русская речь, в частях — польская, которая была родной для солдат и младших командиров.

С освобождением польских земель от фашистов ряды Войска Польского пополнялись за счет мобилизации поляков на территории Польши, и поэтому в Первой армии оказывались самые разные люди: от истинных польских патриотов до проходимцев. Однако большинство солдат и младших офицеров воевали честно, и марш Домбровского «Ще Польша не сгинела,

¹¹ Армия Андерса формировалась с осени 1941 году на территории Советского Союза из поляков. В августе 1942 года армия Андерса была выведена в Иран и позднее сражалась в Италии в составе 8-й британской армии (как 2-й польский корпус). Судьба этой армии — это отдельная история, сложная и неоднозначная, подробное рассмотрение которой выходит за рамки этого романа. — Прим. авт.

поки ми жиemi» для них многое значил. В одном из стрелковых полков 2-й армии Войска Польского воевал молодой командир взвода разведки, поручник Ярузельский, тогда еще и не подозревавший, кем он станет в будущем.

Дементьева и других русских офицеров, прикомандированных к Войску Польскому, многое удивляло: и форма — конфедератки с белыми орлами, нашивки, погоны; и обращение друг к другу с добавлением слова «пан» — «пан поручник», «пан капитан», «пан полковник»; и польская манера отдания воинской чести — двумя пальцами правой руки, сжав остальные пальцы в кулак.

Удивляло и мирное сосуществование в польских частях политотделов и ксендзов — они как-то умудрялись не мешать друг другу. После случая с Гражиной Дементьев стал куда серьезнее оценивать силу и влияние католической церкви на поляков, а поскольку и попы, и замполиты в принципе делали одно и то же дело — вдохновляли польских жолнежей на бой со швабами, Павел считал такой симбиоз явлением нормальным и даже полезным. К тому же среди ксендзов попадались лихие ребята — из уст в уста передавался рассказ об одном таком попе, который с распятием в одной руке и с автоматом в другой поднял польских солдат в атаку и с криком «Ще Польшка не сгинела, с нами Бог и Матка Боска!» первым ворвался в немецкие окопы, раздавая «швабам» свое пастырское благословение направо и налево.

И неподдельный интерес у молодых русских капитанов и лейтенантов вызывало обилие в польской армии женщин, причем на строевых должностях. В 1-й армии Войска Польского в чине полковника служила известная польская писательница Ванда Василевская, однако много было и менее известных (но более молодых) полячек. Военная форма сидела на них с каким-то особым шиком, и Павел (исподтишка, чтобы не показаться невежливым) с удовольствием посматривал на воинственных паненок, и мысли его при этом были весьма далеки от вопросов тактического взаимодействия с польскими частями.

Но война еще не кончилась, и для лирики оставалось не так много места. Дивизион Дементьева был придан четвертой пехотной дивизии, которой командовал генерал Кеневич, а непосредственным начальником Павла стал начальник штаба артиллерии этой дивизии подполковник Певишкис. Оказалось, что он тоже окончил Ленинградское артиллерийское училище, только гораздо раньше Дементьева, еще в тридцать втором году, и оба офицера быстро нашли общий язык.

— Перво-наперво, капитан, запомни, — сказал Певишкис Павлу через десять минут после знакомства, — и близко не подходи к походно-полевой жене нашего комдива. Кеневич дико ревнует ее ко всем молодым офицерам, и, — подполковник хитро прищурился, — не без основания. Так что держись от нее подальше, вот такой тебе мой добрый совет.

После такого вступления начштабарт перешел к делу: развернул карту и показал на ней район огневых позиций дивизиона, наблюдательный пункт, а также цели, которые должны быть накрыты «эрсами» в ходе общей артподготовки перед началом наступления. Завершив боевой инструктаж, Певишкис предложил перейти к неофициальной части — на столе, быстро накрытом ординарцем подполковника, появились коньяк и отменная колбаса. «Хорошо живут, черти» — с легкой завистью подумал Дементьев, выпив рюмку душистого напитка и жуя колбасу. Но окончательно сразил его кувшин густой сметаны, принесенный ординарцем, — такого лакомства Павел не видел с начала войны. Спрашивать у начальства — откуда, мол, такой деликатес? — не полагалось, но позже капитан узнал, что подполковник Певишкис держал на фронте корову. Его шофер исполнял и обязанности скотника, ухаживая за буренкой и регулярно поставляя начштабарту свежие молочные продукты. Вообще все — или почти все, за малым исключением, — «русско-польские» офицеры Первой армии Войска Польского быстро входили во вкус своего положения и превращались в самых настоящих «ясновельможных панов» — холеных, ходивших со стеками в руках и свысока, надменно-покровительственно, разговаривавших с «нижними чинами». И подполковник Певишкис не был исключением — Павел, со своим обостренным чувством справедливости, не мог этого не замечать, несмотря на доброе к нему отношение со стороны начштабарта.

Беседа капитана Дементьева и подполковника Певикиса, которую уже можно было назвать если не задушевной, то дружеской, была прервана генералом Кеневичем, вызвавшим к себе обоих офицеров.

Комдив оказался личностью весьма примечательной: он поразил Дементьева своими габаритами (генерала с полным правом можно было назвать человеком-горой), огромным животом, тройным подбородком, бешеной энергией, хлещущей через край, обилием русских и польских орденов на просторной груди и неудержимым обжорством.

— Прощу к столу! — сходу предложил он, широко улыбаясь Павлу, словно доброму старому другу.

Дементьев заикнулся было, что уже отобедал у начштабарт, но генерал пропустил его возражения мимо ушей. Он собственноручно вскрыл две банки консервов, накромсал толстыми ломтями хлеб и потребовал у адъютанта чаю, «да покрепче». За трапезой разговор зашел о том, как лучше использовать «катюши» в предстоящей операции для подавления узлов сопротивления противника. Кеневич задавал дельные вопросы и внимательно слушал ответы Дементьева, что, однако, не помешало ему как-то незаметно умять обе банки рыбных консервов, буханку хлеба, запить все это несколькими стаканами чая и продолжать разговор как ни в чем не бывало.

«Вот это да! — подумал Дементьев. — Ну и здоров же он пожрать...».

И только потом Павел узнал от Певикиса, что Кеневич был болен так называемым «волчьим аппетитом» и мог съесть очень много, оставаясь при этом голодным. Но, пожалуй, это был единственный недостаток генерала Кеневича — в дальнейшем Дементьев неплохо сработался и с ним, и с подполковником Певикисом. Хотя первое впечатление «странные люди», сложившееся у Павла о «русских польских офицерах», оказалось верным.

Впрочем, Павел Дементьев уже не был наивным юношей — на войне год идет за три года, а то и за пять лет, — и потому все свои впечатления он предпочитал держать при себе.

* * *

Берлинская операция началась в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое апреля сорок пятого года, в пять часов утра. Началась она уже привычно — с мощнейшей артиллерийской и авиационной подготовки. На немецкие позиции обрушалась лавина железа, начиненного взрывчаткой и превращавшаяся в лавину огня. «Катюши» капитана Дементьева метали свои огненные стрелы на глазах у командующего Первой армией Войска Польского генерал-полковника Поплавского. Этот человек вызывал уважение своим каким-то хладнокровным бесстрашием — Павел видел его на передовой. Генерал был спокоен и тверд: ходил, заложив руки за спину, и не обращал никакого внимания на разрывы немецких снарядов и мин. И показалось Дементьеву, что под распахнутой шинелью генерала Поплавского блеснула на миг кольчуга древнерусского воина...

Немцы огрызались, но за сутки дивизия генерала Кеневича продвинулась вперед на пятнадцать километров и захватила город Врицен. Здесь, в этом городе, Павел Дементьев впервые увидел немцев-смертников, прикованных цепями к пулеметам. Они уже не могли отступить, даже если бы захотели, и оставались среди развалин кучами изодранной плоти, прицепленной к железным обломкам, в которые превращались их пулеметы под ударами русских снарядов...

Дивизион сопровождал и непрерывно поддерживал огнем польскую пехоту — стоило пехотинцам залечь под огнем очередной засады, как Павел тут же разворачивал свои батареи и давал залп. Иногда таких залпов приходилось давать по дюжине в день — такого еще не бывало. Об экономии боеприпасов никто уже не думал: снаряды поступали на фронт бесперебойно и в огромном количестве. Слезы женщин, стоявших у станков и томившихся от неизбежной тревоги за своих мужей, застывали серой массой тротила, а ненависть превращалась в сталь и одевала эти запекшиеся огненные слезы в конические оболочки реактивных мин. И горькие слезы матерей оборачивались бешеными смерчами разрывов,

выжигая нечисть и нелюдь, убившую их сыновей...

* * *

«Опять двадцать пять, — с досадой думал Павел, рассматривая в бинокль немецкий опорный пункт. — Всем хороши «эрэсы», если бы не их рассеяние. Пехота залегла слишком близко от поселка: если я сейчас дам залп по немцам, то накрою и наших — как пить дать».

Ситуация повторялась. Немцы вели огонь не то чтобы яростно, но под конец войны никому не хотелось умирать, и солдаты — и польские, и наши, — не особо охотно шли в атаку, если из вражеских траншей стрелял хотя бы один пулемет. И Павел понимал солдат — зачем рисковать жизнью, когда за твоей спиной такая силища: и тяжелая артиллерия, и «катюши»? Не сорок первый год, в конце концов, когда «любой ценой». На дворе сорок пятый, вот-вот — и конец войне, так зачем искушать судьбу? Лучше уж перележать-пересидеть в окопе, пока «бог войны» не явит свой гнев, и не покажет немцам, где раки зимуют.

«Ладно, ребята, — подумал капитан Дементьев, — из двух зол выбирают меньшее. Бог не выдаст, свинья не съест. Добавим пятьсот метров перелета — авось обойдется».

Обошлось. Поселок заволокло черным облаком дыма, земля затряслась, прибежавшая взрывная волна взвихрила пыль на наблюдательном пункте дивизиона. Польские окопы не зацепило, солдаты поднялись и... побежали в тыл. «Вот это да! — изумился Павел. — Во дают — такого я еще не видел!». Жолнежи пробежали назад с полкилометра, потом остановились, приходя в себя, и пошли уже куда надо — вперед. Близкие разрывы «РС» давили на психику, и Дементьев лишний раз в этом убедился — воочию.

Горящий и растерзанный опорный пункт был взят играючи — он выглядел так, словно по нему прошелся чудовищной силы ураган, причем огнедышащий. А что чувствовали те, по чьим головам прогулялся этот ураган, Павел услышал от очевидца — из первых уст.

...Пленный из полицейской дивизии СС еле держался на ногах. Его трясло, левое веко дергалось, а глаза казались глазами недолеченного психа, выпущенного на свободу по ошибке врача. Обгорелый мундир немца висел клочьями, половина лица была обожжена. Он говорил с трудом, и переводчику пришлось прилагать усилия, чтобы понять его бормотание и более-менее правильно перевести.

— Мы были ужасно потрясены морально и физически силой и мощью залпа «РС», после которого уже не могли оказать какого-либо сопротивления. На нас обрушились разом сотни снарядов, которые подняли гигантские вертикальные огненные столбы, черные клубы дыма поднялись на месте разрывов, и огонь, огонь, огонь... Дымящаяся развороченная земля задрожала и заходила ходуном. Нам показалось, что она вот-вот треснет, расколется и поглотит нас в своих недрах. Тысячи осколков засвистели вокруг. Все строения и техника моментально вспыхнули огромными кострами, а не успевшие укрыться солдаты лежали обезображенными трупами. Это был ад, мы не могли сопротивляться и сдались в плен.

Немец икнул и замолчал. Подполковник Певишкис удовлетворенно крикнул.

«А вы как хотели? — подумал Дементьев, глядя на пленного. — Так, и только так!»

* * *

Двадцатого апреля дивизия Кеневича вышла к северным пригородам Берлина, к Ораниенбургу, расположенному километрах в тридцати от столицы Тисячелетнего Рейха. Мост через небольшую речку был взорван, и дивизион «катюш» остановился, ожидая, пока саперы наведут переправу. Они уже начали забивать сваи и сооружать настил, но Павел, оценив объем и скорость работы и прикинув время, понял, что его дивизион может немного передохнуть. Боевые машины загнали в ближайший лесок — немецкие самолеты нет-нет, да и появлялись еще в воздухе, — а Дементьев с группой офицеров устроился под солнышком, на полянке, откуда хорошо был виден восстанавливаемый мост.

Однако насладиться отдыхом на природе им не пришлось. «Юнкерсы» не прилетели, зато к переправе на кавалькаде из десятка шикарных автомашин пожаловало очень высокое начальство: военный министр Польши, он же командующий польскими войсками пан Роля-Жимерский собственной персоной. Министр был в кожаном пальто и в конфедератке и маршальскими знаками отличия. За главкомом повалила его свита: адъютанты, штабники всех мастей, порученцы в блестящих чистеньких мундирах с аксельбантами, несколько молодых паненок в офицерской форме. Одна из них была личным врачом маршала, другая личным секретарем, остальные неизвестно кто, но тоже личные, и все очень красивые.

К маршалу колобком подкатился с докладом Кеневич. Министр подал комдиву руку, и они начали о чем-то беседовать. Павел наблюдал за этой сценой с неким отстраненным интересом, полагая, что главком прибыл для личного руководства боевыми действиями. Но Дементьев ошибся: министр приехал, чтобы лично наградить самых достойных. Пяти минут пребывания на фронте было явно недостаточно для их выявления, и тогда Роля-Жимерский потребовал от Кеневича список героев. Недолго думая, генерал назвал всех, кому повезло в этот момент оказаться рядом с ним у моста, в основном своих штабных офицеров. Адъютант почтительно подал список главкому, и тот начертал на нем краткое «Наградить».

А затем министр оставил свиту и в одиночку направился к полянке, где отдыхали офицеры-эрэсники. Павел насторожился — встреча с любым начальством, особенно высоким, всегда чревата непредсказуемыми последствиями — и быстро оглядел своих офицеров: все ли в порядке? Те тоже подтянулись, следя за приближающейся фигурой маршала. Но министр не дошел до полянки: он остановился у ближайших кустов, огляделся по сторонам, оросил кусты сверкающей струей и как ни в чем не бывало пошел обратно, к ожидавшей его свите.

— Товарищи офицеры, — торжественно провозгласил Павел, сдерживая смех, — мы с вами стали свидетелями исторического события. Сегодня, двадцать первого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года, военный министр Польши Роля-Жимерский лично «освятил» кусты в непосредственной близости к фронту, на вражеской территории, внеся тем самым весомый вклад в победу!

Все дружно рассмеялись, а комбат Виленский глубокомысленно изрек:

— Кто какой вклад может внести, тот такой и вносит...

* * *

— Товарищ капитан, — взмолился командир транспортного взвода, — вы бы стреляли побольше! У нас снарядов и так под завязку, у моих машин от перегруза колеса враскорячку, а из тыла все везут и везут!

Снарядов действительно было немеряно. Дивизион без сожаления сыпал их по любой цели, и приходилось даже сожалеть, когда заявок на «поддержку огнем» не поступало. А такое случалось — немецкая оборона была сломана, враг бежал, и русские танки и пехота шли вперед без помех. Немцы отступали по шоссе-ным дорогам, и дороги эти были забиты — уже не беженцами, а колоннами войск. Русские штурмовики яро клевали эти колонны с воздуха, и тогда немцы разбегались по лесам и просачивались на запад мелкими группами, тревожа тылы наступающих, — на шоссе то и дело происходили стычки с остатками разбитых частей вермахта, фольксштурма и даже с охранниками тюрем и лагерей.

Изучая карту, Павел обратил внимание на перекресток двух дорог — рокада и шоссе на Берлин сходились тут почти под прямым углом. Никаких данных о наличии немецких войск на перекрестке не было, но перед глазами Дементьева на фоне карты вдруг возникли, как на экране кино, танки и машины, которые — он знал это совершенно точно! — гигантской пробкой забили весь перекресток. «А вдруг там гражданские?» — подумал комдив, борясь с соблазном шарахнуть по такой заманчивой цели всем дивизионом, и услышал знакомый призрачный голос: «Там нет женщин и детей, воин, — там только солдаты, слуги Зверя: много солдат. Убей их!». И капитан Дементьев отдал приказ готовиться к залпу.

А полтора часами позже дивизион «РС», следуя за наступающими частями, прошел через этот перекресток, и Павел увидел последствия своего удара.

Перед ним была страшная картина сплошного разрушения. Наитие не обмануло, и голос ведуна сказал правду: удар дивизиона пришелся по скоплению немецких войск. Лес и дома небольшой деревушки горели пышными огненными гирляндами, скопившиеся на перекрестке несколько сот машин, орудий, минометов, повозок, броневиков были разбиты, разбросаны взрывами по всей дороге и по ее обочинам и горели черными кострами. Дымилась и плакала развороченная взрывами земля, выжженную траву покрывали длинные черные полотнища вырванной земли. На шоссе и в поле лежали в самых невероятных позах обгоревшие, обезображенные трупы, много трупов. Многие из бойцов дивизиона впервые увидели, что творят реактивные мины, и молчали, пораженные увиденным, — им, много раз стрелявшим по врагу, редко приходилось видеть пораженную цель вблизи и воочию, да еще вскоре после стрельбы. На перекрестке в пробке из встречных колонн застряли сотни машин и тысячи солдат и офицеров, и реактивные мины накрыли их внезапно: немцы, не ожидая огневого налета, не успели ни укрыться, ни даже рассредоточиться. «Залп дивизиона «катюш», — подумал Дементьев, — это Страшный Суд, кара небесная, от которой на открытом месте никому нет спасения».

А когда двадцать второго апреля 4-я дивизия взяла Ораниенбург и освободила лагерь смерти Заксенхаузен, Павел и другие офицеры дивизиона, побывав в этом лагере, увидев его узников и узнав, что тут с ними делали, лишний раз убедились в том, что вправе вершить земной суд над нелюдью, способной на такое.

* * *

Близились победа, но война продолжала собирать свою кровавую дань — немецкий осколок настиг Василия Полеводина. Его ранение, к счастью, оказалось не смертельным, но Вася, прощаясь с Дементьевым, чуть не плакал, сожалел, что так и не дошел до Берлина. А Павел жалел, что потерял боевого товарища, а также о том, что не взял у Полеводина адрес. На фронте не принято было обмениваться адресами — плохая примета. Если дашь кому-то свой адрес, значит, скоро тебя убьют, и твой друг сообщит об этом твоим родным.

Двигаясь к Эльбе, заночевали в очередном взятом поселке. Кеневич и артиллеристы разместились в большом каменном здании: генерал со своим штабом занял одно крыло дома, а в другом крыле расположились управленцы-эрэсники Дементьева и штаб артиллерийского полка 4-й дивизии. Полком этим командовал полковник Расков — муж знаменитой летчицы Марины Расковой, Героя Советского Союза. Дивизион «катюш» шел бок о бок с полком Раскова две недели, Павел успел подружиться с полковником-артиллеристом, оказавшимся умным и душевным человеком, и был рад такому соседству.

— Вы ведь уже знаете, — сказал ему Расков, когда они, пользуясь минутой затишья, пошли вечером прогуляться по тихим улицам немецкого поселка, — что Марина командовала полком легких ночных бомбардировщиков и погибла еще в январе сорок третьего. У нас есть дочь, ей всего пять лет, и я по ней страшно соскучился. Вот кончится война, я приеду домой и скажу: «Здравствуй, доча, я вернулся! Пойдем гулять — война кончилась, уже не стреляют».

Погоуляв и поговорив о том, как хорошо будет жить после войны, они разошлись по своим комнатам — война еще не кончилась, и завтра обоих ждал очередной трудный день. Дементьев прилег на койку, не раздеваясь, только снял сапоги, ослабил ремни и расстегнул гимнастерку. Из открытого окна пахло сиренью, тишину нарушали только шаги часовых, и Павел уснул.

Проснулся он от сильного грохота и от кирпичной пыли, лезущей в ноздри. В доме суетились и бегали офицеры; кто-то, прихватив автомат, выпрыгнул в окно. Кеневич куда-то пропал (вскоре он обнаружился в соседнем доме — стоял у телефона без кителя и матерился в трубку); полдома было разрушено, из-под развалин вытаскивали убитых и раненых. Все

уже ожидали атаки немцев, но ее не последовало. В дом попал один-единственный шальный снаряд — наверно, какой-то немецкий наводчик то ли от злости-отчаяния, то ли залившись шнапсом, выпалил наугад в ночную тьму.

Последним из дома вынесли полковника Раскова. У него была разбита голова — он умер сразу, не мучаясь. «Вот так, — подумал Павел, глядя на мертвое тело командира полка. — Его маленькая дочка уже никогда не услышит отцовское «Я вернулся! Пойдем гулять, война кончилась»... Какая нелепость — погибнуть от дурацкого шального снаряда в самом конце войны! А какой был человек...».

* * *

Берлин горел — очистительное пламя пожирало логово Зверя. Но среди его пылающих руин шли ожесточенные бои: последние фанатики Коричневого Дракона все еще защищали свою издыхающую химеру. Эта последняя битва Великой Войны была не менее яростной, чем бои на Висле и Одере — во время общего штурма Берлина дивизион капитана Дементьева стрелял по несколько раз в день. И рядом сражались его старые боевые товарищи — Первая гвардейская танковая армия Катукова. Двадцать девятого апреля жестокие бои развернулись в районе Зоологического сада, у парка Тиргартен, у Ангальтского и Потсдамского вокзалов, у рейхсканцелярии. А с запада к столице Германии рвались-торопились союзники, причем почти не встречая сопротивления — Ганновер был взят без боя одной ротой американцев, город Маннхейм сдался американцам по телефону.

Тридцатого апреля танки Катукова и 1-я польская армия вышли к Спортплощадке и отрезали юго-западную группировку немецких войск от северо-восточной. И здесь, в районе Спортплощадки, первого мая сорок пятого, уже после смерти Гитлера, капитан Дементьев в последний раз отдал дивизиону команду «Огонь!» и увидел в последний раз, как срываются с направляющих его боевых машин огненные стрелы возмездия, и запомнил этот последний залп на всю жизнь.

...Черный дым окутывал развалины Берлина. И Павел увидел, как дым этот принял форму драконьей головы — совсем как когда-то, в Придонье, в далеком сорок втором году, отделенном от года сорок пятого сотнями дней, тысячами километров фронтовых дорог и миллионами людских смертей. Дракон умирал, и умер на глазах русского офицера Павла Дементьева, пронзенный беспощадными огненными стрелами реактивных мин, — дымный силуэт Дракона был виден совсем недолго, и быстро исчез, распался, развеялся рваными темными лоскутьями, растекся струями дыма среди развалин опустевшего логова Зверя...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СЛУГИ ДРАКОНА И РАБЫ КОЩЕЯ

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.
Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.
Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол -
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»
Никто солдату не ответил,*

*Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.
Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.
«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.
Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.
Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт
1945 год*

Михаил Исаковский, «Враги сожгли родную хату»

Подполковник Певишкис выглядел торжественно, словно свадебный генерал.

— Ну, капитан, спасибо вам за боевую работу, — начал он, вызвав к себе Дементьева. — Мы представили вас к польскому ордену «Виртути Милитари» — это у поляков вроде нашего Красного Знамени, — только получите вы его не так скоро: процедура награждения довольно сложная. А сейчас напишите-ка мне проект отзыва о боевых действиях вашего дивизиона за время наших совместных сражений в апреле-мае.

Павел добросовестно выполнил задание — перечислил все бои дивизиона «РС», не забыв при этом упомянуть своих батарейцев, отличившихся в этих боях: чем черт не шутит, а вдруг и им перепадут польские ордена?

Пробежав глазами дементьевское сочинение, Певишкис хмыкнул и заявил:

— Скромничаете, капитан, — не учитываете остроты момента. У нас в штабе о вашей работе сложилось несколько иное мнение. Ладно, зайдите ко мне через часок, я тут кое-что подработаю.

Когда Павел ознакомился с «подработанным» вариантом своего боевого донесения, у него отвисла челюсть, а глаза приняли выражение слегка контуженного близким разрывом тяжелого снаряда.

— Что вас не устраивает? — спросил подполковник, наблюдавший за его реакцией, и расхохотался.

— Да тут как-то, — осторожно заметил Дементьев, — слегка преувеличено вроде бы. Уж больно много всего я уничтожил у фашистов.

— Нет, — назидательно произнес начштабарт, — мы хорошо и правильно оценили твою работу, и нам виднее, что ты для нас сделал, особенно в острые, решающие моменты боя. Все правильно и спасибо тебе, брат капитан, за смелые и решительные действия. А теперь, — он сделал приглашающий жест рукой, — давай отметим это дело обедом с коньячком.

Поскольку дивизион уже вышел из временного подчинения 4-й пехотной дивизии 1-й армии Войска Польского, Дементьев предъявил отзыв Певишкиса полковнику Пуховкину,

вновь ставшему для него непосредственным начальством. Реакция комполка на эту реляцию была примерно такой же, как у самого Павла при первом прочтении означенного документа, и даже покруче — полковник минут пять молчал, собираясь с мыслями.

— И это все сделал один твой дивизион? — изрек он наконец.

— Тот же вопрос я задал полякам, товарищ полковник, и они подтвердили написанное.

— Ну, ты и даешь... — подытожил Пуховкин со смесью недоверия и восхищения.

Павел понимал сложные чувства отца-командира: в отзыве, кроме всяких лестных слов, было написано, что «дивизионом «РС» под командованием капитана Дементьева П. М. уничтожено до четырех тысяч (больше полка) солдат противника, около пятисот автомашин, двести повозок, более сотни орудий и минометов, десятки ДОТов, ДЗОТов, пулеметов и пр.», причем «пр.» могло означать все что угодно, вплоть до бункера Гитлера в подземельях Имперской канцелярии.

Как бы то ни было, но за Берлинскую операцию Павел Дементьев, несмотря даже на неважное отношение к нему полковника Пуховкина, был награжден орденом Александра Невского и представлен к очередному воинскому званию.

— Готовь себе майорские погоны, капитан, — сообщил ему комполка, кисло улыбаясь, — приказ будет на днях.

В глубине души Павел понимал, что его роль в разгроме вермахта и взятии Берлина не столь велика, как было сказано в «подкорректированном» отзыве Певишкиса. Но Павел знал также, что сделал для победы все, что мог, и утешил свою совесть силлогизмом: «Меня сейчас перехвалили, а сколько честно заслуженных наград я не получил? Значит, в конечном счете, все вышло по справедливости».

* * *

С небольшим городком Науэн, расположенным в лесистой местности чуть севернее Берлина, война обошлась милостиво — не искалечила, а только слегка обожгла его своим огненным дыханием. Большинство домов стояли неповрежденными во всей своей немецкой аккуратности, чистенькие и опрятные — уцелели даже оконные стекла. Но жители городка попрятались и разбежались, спасаясь от «русских варваров», — улицы были пустынные.

41-й минометный полк, выполнив свою задачу по поддержке Войска Польского, расквартировывался в лесах южнее Науэна, а в сам городок были отправлены квартиры для разыскания подходящих помещений для штаба полка и его тыловых служб. Оказался в Науэне и майор Дементьев.

Командир дивизиона «катюш» мог не заботиться о своем жилье — на то есть люди, коим такое занятие по штату положено, а у него, в конце концов, есть дом на колесах: будка, смонтированная на полуторке ГАЗ с печуркой, двумя койками, столиком и умывальником. Стараниями Василия Полеводина будка эта стала похожей на настоящую комнату, и даже с претензией на роскошь: пол и стены были обиты трофейными коврами, на которых висело оружие, в том числе кавалерийская шашка — память о начале войны, когда пушки возили конной тягой. Все так, но Павлу хотелось взглянуть на осколок чужого быта, хоть он и бывал уже в немецких домах во взятых ранее городах.

Дверь добротного двухэтажного кирпичного дома оказалась незапертой. Дементьев толкнул ее и вошел.

Ничем особенным внутреннее убранство дома его не поразило — дом как дом, мебель, фотографии на стенах, занавесочки, незатоптанный сапогами пол. Он уже собрался уходить, когда вдруг наверху, на втором этаже, раздался стук — словно упало что-то. Правильнее было бы тут же уйти и вернуться, прихватив с собой пару автоматчиков, — кто его знает, вдруг там прячется какой-нибудь недобиток-эсэсовец или безмозглый пацан из «гитлерюгенда». Этим капитуляция до известного места — как-то глупо нарваться на пулю уже после того, как война закончилась. Но Павел почему-то стал подниматься по ведущей вверх лестнице — правда, стараясь при этом не шуметь и вынув на всякий случай пистолет.

А когда он оказался на втором этаже, то нос к носу столкнулся с молодой немкой, прижимавшей к груди какие-то тряпки.

Пару бесконечно долгих секунд они стояли и смотрели друг на друга — молодой русский майор с пистолетом в руке и светловолосая немка лет двадцати пяти в коротком легком платье и жакете. А потом губы женщины дрогнули, и она пролепетала: «Heiß Offizier... Ich...»

«Вот дура... Наверно, пришла домой за милыми сердцу ложками-штанишками, а тут... И о чем она, интересно, сейчас думает? Что этот большевик сейчас ее пристрелит? Или завалит на широкую кровать — вон она, за ее спиной, самое то! — задерет подол, и... А что — он победитель, кто его осудит? Немцы-то в наших местах что вытворяли, сколько баб да девок поизнасиловали! А может, она и сама не против? Бабенка-то ладная, вон какие икры, да и груди из жакетки так и выпрыгивают... Замаялась без мужика, а может, мужик ее и лег давно в землю где-нибудь в Белоруссии — вдовствует... Ишь ты, какая кобылка гладкая...». Но Павел, несмотря на все эти свои мысли, просто стоял и смотрел на женщину — только пистолет опустил: чего зря бабу пугать?

Ситуация сделалась и вовсе дурацкой — или уходи, или уж... А майор все смотрел и смотрел на немку, не в силах оторвать глаз от ее шеи и от груди, хорошо различимой в широком вырезе платья. И она тоже смотрела на него, и испуг в ее глазах мало-помалу уступал место обыкновенному человеческому любопытству.

Как нельзя кстати внизу раздались голоса.

— Во, смотри, чистая хата! Комбату — то, что надо!

— Да тут и не ему одному места хватит...

— Эй, орлы! — крикнул Павел, поворачиваясь к лестнице. — Квартира уже занята — так что поищите для своего комбата другое место!

И уже спускаясь вниз, он еще раз встретился глазами с так и оставшейся стоять немкой и неожиданно для себя самого вдруг улыбнулся ей. И она ответила ему несмелой улыбкой...

* * *

Пришедшая в рейх война разрушила Германию — крупные города, в которых шли тяжелые бои, представляли собой сплошные развалины. Но городки и поселки пострадали меньше, и по ним можно было судить, как жили немцы.

Германия производила двойное впечатление. Вся она была из серого камня, и имела какой-то арестантский цвет с зеленоватым оттенком, наводящим грусть и уныние. Дома с остроконечными крышами, крытые черепицей и железом, могучие, просторные, стояли как солдаты в латах, тесно прижавшись друг к другу, и напоминали близнецов. Все деревни, поселки были очень похожи друг на друга, на одно лицо. И комнаты, и мебель, и сараи, и постройки, и сады, и дороги — все стандартное, одинаковое. Зажиточные дома (а таких было большинство) и особняки выглядели богато: все электрифицировано, для разного рода работ имелось множество машин и механических приспособлений. Внутри домов полно всякого добра, мебель тяжелая, крепкая, изукрашенная; на кухне много шкафов, полочек, на которых в продуманном порядке стоит и лежит многочисленная посуда; в подвалах хранится большое количество разносолов, компотов, маринадов. Одним словом — немцы: те самые, которые в большинстве своем были безжалостны по своей натуре, эгоистичны, и если им дана была власть над другими, они использовали ее со всей жестокостью, выколачивая из людей все, что возможно. Они были верными слугами Коричневого Дракона, а теперь из всех окон, из всех щелей свисали белые тряпки — мы сдаемся!

«Зачем они пришли к нам? — спрашивали себя русские воины. — Чего им не хватало, при такой-то роскоши? Что забыли они в наших нищих деревнях, где о такой жизни мы и не мечтали?».

В скотных дворах, похожих на крепости, было по пятнадцать-двадцать коров, много лошадей, а свиней, коз, овец, кур, уток — без счета. Каждый зажиточный бауэр имел

наемных работников, а с началом войны — и рабов, привезенных со всей Европы. С приходом наших войск все эти господа притихли, многие сбежали на запад. Оставшиеся вели себя смирно, при встрече в глаза не смотрели, глядели в землю или в сторону, покорно склонив голову, жалко улыбаясь и, видимо, гадая, что же будет, как поступят с ними эти веселые, с виду добрые русские солдаты? Пронесет или надо будет держать ответ — хотя бы за сыновей, которые шли на восток с оружием? Страх страхом, а жадность брала свое — все они зорко следили за своим добром, при случае стараясь защитить его грудью или угодничеством. И они охотно предлагали победителям своих белокурых дочерей — на час, на ночь, — лишь бы сохранить нажитое.

Почитание военной касты вообще было у немцев в крови — они быстро научились разбираться в знаках различия русских офицеров, и «герр майор» (даже если майору этому — Павлу Дементьеву — всего-то неполных двадцать четыре года) был для них очень важной персоной, перед которой любой немец становился по стойке «смирно».

И русские солдаты принимали подношения и ласки немок — это было. И были среди этих солдат «кладоискатели» — в подозрительных участках они тыкали землю металлическим щупом и поднаторели в поисках закопанного. И приезжали в Германию многочисленные «проверяющие» с большими звездами на погонах, одержимые жаждой «подтрофеить» (это называлось «негласной репарацией»), и шли на восток груженные машины и целые эшелоны с «трофеями».

Во многих домах солдаты видели наши советские вещи и имущество с фабричными клеймами, русскими надписями: мебель, картины, зеркала, ковры, одежду, детские вещи и игрушки. И тогда уже хозяевам не помогали никакие ухищрения — ни угощение, ни шнапс, ни готовые на все женщины. При виде родных вещей русские солдаты зверели и крушили все немецкое подряд — они вспоминали горькие дни начала войны. И трудно их было за это осуждать.

А Павел Дементьев смотрел на все это добротное, богатое, но какое-то прилизанное чужое и ловил себя на мысли, что все здесь как-то не так, не по-нашему, и ничто не радует глаз: нет нашего русского простора, все обработано, освоено, сжато. Даже лес и тот не как у нас — сосны посажены человеком, натканы строгими рядами и стоят тощие, как спички; на земле ни травинки, ни листика, ни палочки, весь подлесок вырублен. Лугов мало, трава и цветы как будто искусственные, не живые. «Вот ты какая, Германия...» — думал он.

* * *

Обе девушки плакали — они никак не могли поверить, что все, кончилось их рабское житье, в Германию пришли солдаты со звездами на пилотках, и они говорят по-русски — на языке, от которого рабыни почти отвыкли за несколько лет неволи, привыкнув к немецкому.

— Накажите их, пожалуйста! — умоляла одна из них, стройная и темноволосая. Ей было года двадцать два, не больше, но на вид девушке можно было дать и все сорок: по одному этому можно было сказать, что жилось ей тут совсем не сладко. — Они ведь с нами как со скотиной: работа не по силам, а хозяйка била, морила голодом, держала связанными в темной комнате, пока руки-ноги не затекали. А хозяин... — она запнулась, но жажда мести пересилила чувство стыда. — Он хоть и старый уже, но здоровый бугай — откормленный. Придет вечером к нам в сарай, где мы спали, выберет одну из нас четверых, стащит с сенника за волосы, прижмет к углу, задерет подол, и... При всех... — она замолчала и опустила голову, пряча покрасневшее лицо. Вторая девушка тоже молча потупилась.

— А фрау его что же? — негромко спросил кто-то. — Она как смотрела на это дело?

— Фрау? — девушка вскинула голову, и голос ее зазвенел от ненависти. — Фрау его так говорила: «Если мой Пауль захочет покрыть свиноматку — это, конечно, извращение, но это не повод для ревности. Так почему же я должна ревновать, если моему Паулю вздумалось покрыть самку недочеловека? Наоборот, это по-хозяйски: если эта самка принесет приплод, он в будущем может нам пригодиться».

— Товарищ майор, — услышал Павел, обернулся и увидел совершенно бешеные глаза смотревших на него троих солдат и сержанта. — Разрешите разобраться, а?

— Разрешаю, — сказал Дементьев и не узнал собственный голос: так ему свело скулы. — Только без мучительства ненужного, ясно?

— Так точно, товарищ майор, — сержант скинул с плеча автомат и взял его наперевес. — Есть без мучительства!

Солдаты вернулись через час и привели с собой еще двух освобожденных девчонок: изможденных, но радостных. Как они разобрались с рабовладельцами, Павел спрашивать не стал — он видел, как сержант, присев на травяной бугорок, пополнял патронами диск своего ППШ...

Такие случаи были не единичными. Бывало и так, что бывшие невольники сами (и жестоко) расправлялись со своими бывшими хозяевами — кто сможет за это их осудить?

* * *

Пятого мая группа офицеров 41-го полка отправилась в Берлин. В их числе был и майор Дементьев — разве мог он упустить такую возможность?

Город был разрушен — руины и щебень; дороги завалены обломками, подбитыми танками, сгоревшими машинами и перекрыты баррикадами. Деревья в парках и садах почти полностью уничтожены. Дома стояли черными скелетами, с проломленными перекрытиями, выбитыми окнами, разрушенными крышами и дверями.

Под ногами хрустело битое стекло. Наверно, во всем огромном городе не осталось ни одного целого окна. И неудивительно — сколько дней по нему гвоздили тысячи орудий всех калибров, да еще с воздуха сыпались тяжелые авиабомбы. Война вернулась туда, откуда она выползла, и над фасадами разбитых домов полной противоположностью истошному призыву «Wir kapitulieren nicht!», намалеванному белой краской на издырявленных стенах, висели белые полотнища.

Угрюмо выглядели Бранденбургские ворота с поврежденными колоннами и побитой снарядами четверкой коней наверху; почти все деревья в Тиргартене были срезаны бомбами и минами, и нелепым гротеском выглядела высившаяся там семидесятиметровая колонна победы над французами, сделанная из стволов трофейных французских пушек. Главная улица Унтер ден Линден — сплошное поле, изрытое воронками. Всюду развалины, смятое железо и мусор, мусор, мусор. Но потихоньку уже выползали из подвалов и бомбоубежищ уцелевшие жители — убирали трупы, расчищали завалы.

Павел жадно смотрел по сторонам. Не верилось, что все кончилось — стрелять больше не будут, и недавняя суматошная пальба из всех видов оружия была уже победным салютом. И еще не верилось, что он все-таки остался в живых; не верилось, что больше не надо пригибаться, заслышав мерзкий вой налетающего снаряда. И что можно бездумно шагать по искореженным улицам побежденного чужого города, фотографироваться у испещренных осколочными отметинами статуй львов и каких-то средневековых рыцарей и думать о том, что уж теперь-то, после такой Победы, все будет просто замечательно. Жаль вот только, что очень многие его боевые товарищи не дожили до этого дня и не смогли расписаться на стене рейхстага, как это сделал он, майор-артиллерист Павел Дементьев.

Шагая по улицам Берлина, Дементьев вспоминал тех, кто остановил Зло, но не дошел до этих улиц, — Богатырева, Гордина, Мироненко, Подгорбунского, Липатенкова, Горелова, Раскова. И лентой кинохроники прокатывались перед его внутренним взором воспоминания: первый бой подо Мгой, небо Придонья с воющими «юнкерсами», руки его артиллеристов, обожженные раскаленным от непрерывной стрельбы металлом орудий, разоренные села Подмосковья, горящие танки под Обоянью, непролазная грязь фронтовых дорог Западной Украины, плюющиеся огнем серые колпаки «панцерверке» и огненные трассы «РС».

«Мы заплатили за Победу страшно высокую цену, — думал Павел, — такую, которую не смогли заплатить другие народы. Дракон подмял под себя всю Европу, и она сдалась. А

ведь были и там и умелые полководцы, и современное оружие, и развитая промышленность, и людские резервы. И ладно бы еще малые страны, про которых можно сказать «их задавили числом», но Франция? Франция, страна с многовековыми воинскими традициями, не раз сражавшаяся с немцами и побеждавшая; страна, явившая миру военный гений Наполеона, — и та покорно легла под Зверя! И Англия дрожала, спасенная только Ла-Маншем и флотом, и снились ей в ночных кошмарах танки Гитлера, перепрыгивающие пролив. А мы — выстояли. Выстояли, неся огромные потери и в кроваво-дымной сумятице первых месяцев войны, и на переломе, и потом, во время нашего наступления, штурмуя немецкие укрепления. Выстояли, несмотря ни на что, выстояли и победили! Мы остановили Зло, вознамерившееся пожрать весь этот мир, — остановили, повернули вспять и уничтожили.

Недоедавший и недосыпавший тыл дал фронту все, что было нужно; железная воля Сталина объединила страну; мы научились воевать, но всего этого мало. У нас было много людей, которых слишком часто не жалели, а зря, потому что именно они, эти люди и смогли выстоять и победить. Они все, все без исключения, очень хотели жить, но было — и есть! — в них что-то такое, чего нет у других. Солдаты вермахта тоже дрались отчаянно и умело, и все-таки победили мы, а не они. Победили, потому что есть у русской души одна такая странная особенность: в минуту страшных испытаний «я», бесценное «я», отходит и прячется, уступая место общему «мы» — тому самому «мы», благодаря которому и выжили первобытные люди, и построили города, и создали науку и произведения искусства. И пока живо это «мы», будут жить и все многочисленные «я». Но если «я» презрительно отвергнет «мы» и будет думать только о себе...».

А много лет спустя полковник Павел Михайлович Дементьев так ответил на вопрос «Почему мы все-таки победили? Ведь мы жили плохо — зачем было нужно защищать такую страну и такой строй, бросаясь под танки и в безнадежные атаки?».

«Мы защищали Русь. А то, что происходило и происходит в нашей стране — это наше внутреннее дело. Плох тот хозяин, который ждет чужого дядю-соседа, чтобы дядя пришел к нему в дом, починил крышу, поправил забор, вывел тараканов, приструнил строптивую жену и озорных детей и навел бы в доме хозяина-неумехи полный порядок. Не было в истории человечества случая, чтобы пришельцы просто так, из любви к ближнему, благоустроили бы чужую страну по своему образу и подобию, и ушли, предоставив местным жителям жить да радоваться. Чужой дядя не уйдет — он будет спать с твоей женой, и твои дети будут звать его «папой». А ты сам станешь его слугой, и будешь подметать двор у нового хозяина твоего бывшего дома — если тебя вообще не погонят со двора, и ты не превратишься в бездомного бродягу».

* * *

У рейхстага бушевало человеческое море: здесь были солдаты и офицеры русской, американской, английской, французской армий. «Вавилонское столпотворение» — подумал Павел, рассматривая незнакомую форму союзников. Общались на невообразимой смеси языков, основанной на скудном запасе немецких слов и подкрепленной универсальным языком жестов.

Американцы уже вовсю предавались своему любимому занятию — бизнесу, продавая все, что можно продать: фотоаппараты, одежду, продукты, лекарства, женские украшения, картины, оружие. Поддавшись соблазну, Дементьев приобрел у здорового американского сержанта, обвешанного с ног до головы фотоаппаратами всех марок, немецкую «лейку» — ему давно хотелось ее иметь. Сержант улыбался до ушей, излучая довольство жизнью и успешной торговлей. «Кому война, — неприязненно подумал майор, — а кому мать родна. Вот ведь ушлые ребята...».

— Интересно, — задумчиво произнес кто-то из офицеров, — а танк у них купить можно? Их, американский: «шерман» называется.

— А вот это мы сейчас проверим! — поддержал его другой.

Сержант быстро сообразил, что от него хотят. Уточнить детали было затруднительно, но тут помог оказавшийся рядом военный переводчик, немного знавший английский.

— Вопрос цены, — сообщил он.

— А сколько он хочет?

Американец подумал, поискал кого-то глазами, отошел и вскоре вернулся в компании с другим американцем, офицером.

В результате долгого торга и скрупулезного пересчета американских долларов в рейхсмарки сошлись на двенадцати тысячах долларов. Глаза американцев алчно блеснули, и Павел мог поклясться, что понимает их мысли без всякого перевода.

«Война еще не кончилась — спишем на боевые потери. Придется подкинуть кое-кому кое-что, но ради такого куша можно пожертвовать несколькими сотнями. А в целом — нет проблем. Только надо слить горючее — оставить немного для товарного вида, и все. Горючее — оно ведь тоже стоит денег».

Поверив в серьезность намерений этих странных русских, которым зачем-то нужен американский танк, союзники все-таки решили проверить их кредитоспособность.

— Они интересуются, сколько вам платят, — сказал переводчик.

Офицеры переглянулись. Вопрос был скользким, но молодых парней уже взял азарт, и они решили довести дело до конца. Воины ответили, но, похоже, их ответ не удовлетворил торговцев.

— Аттестат, или оклад, — добросовестно перевел толмач, — это они понимают. А кроме того? У них, например, есть разные надбавки — за подбитые танки, за взятых пленных, и так далее. Я их не очень хорошо понимаю, — добавил он извиняющимся тоном, — я ведь все-таки на немецком специализируюсь. И еще они говорят, что война — это опасная работа, и что им за эту работу хорошо платят. И что, — он запнулся, вслушиваясь в речь американцев, — им и в голову не придет воевать, если за это не будут платить.

«Ничего себе, — подумал Дементьев. — Платят, значит... Нам тоже платят, но хорош бы я был, если бы приказал своим батареям на Курской дуге: «Огонь по немецким танкам! Вам за это платят, сучьи дети!». Что же вы за люди такие, союзники?».

«Рабы Кощея, — прозвучало в его сознании, — уверенные в том, что все продается, и все покупается. Дракон хотел взять этот Мир силой, Кощей готовится его купить. Творец Зверя страшнее самого Зверя — чары Кощея разъедают души».

Голос ведуна смолк, и мысленным эхом ответил ему голос кареглазой ведуньи Анны: «Кощей Бессмертный страшней Змея Горыныча. Вы убили Зверя-Дракона, но Зверь-Демон не успокоится — колдовскими своими чарами он опутает души людские Соблазном, обращая род людской в своих рабов, и снова земля русская и весь этот Мир будут стоять на краю гибели...».

А Павел вспомнил, сколько русских людей — из тех, которых он знал, от старшего лейтенанта Озерова до генерала Попеля, — уже стали рабами алчности, рабами Кощея. Майор Павел Дементьев, честный русский офицер, не знал, что будет с его страной через полвека, и как распорядятся судьбой России, спасенной рожденными в двадцатые, люди, рожденные в пятидесятые и шестидесятые, но сердце его вдруг сжалось от недоброго предчувствия...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ТЕНЬ МЕЧА

*Сбивают из досок столы во дворе,
Пока не накрыли — стучат в домино.
Дни в мае длиннее ночей в декабре,
Но тянется время, и все решено
Вот уже довоенные лампы горят вполнакала,
И из окон на пленных глазела Москва свысока...
А где-то солдат еще в сердце осколком, осколком толкало,*

*А где-то разведчикам надо добыть «языка»
Вот уже обновляют знамена, и строят в колонны,
И булыжник на площади чист, как паркет на полу.
А все же на Запад идут, и идут, и идут эшелоны,
И над похоронкой заходятся бабы в тылу
Не выпито всласть родниковой воды,
Не куплено впрок обручальных колец -
Все смыло потоком великой беды,
Которой приходит конец наконец.
Вот со стекол содрали кресты из полосок бумаги,
Вот и шторы — долой! Затемнение уже ни к чему
А где-нибудь спирт раздают перед боем из фляги,
Он все выгоняет — и холод, и страх, и чуму
Вот от копоти свечек уже очищают иконы
И душа и уста — и молитву творят, и стихи
Но с красным крестом все идут, и идут, и идут эшелоны,
Хотя вроде по сводкам потери не так велики
Уже зацветают повсюду сады,
И землю прогрело, и воду во рвах
И скоро награда за ратны труды -
Подушка из свежей травы в головах
Уже не маячат над городом аэростаты,
Замолкли сирены, готовясь победу трубить...
Но ротные все еще выйти успеют, успеют в комбаты,
Которых пока еще запросто могут убить
Вот уже зазвучали трофейные аккордеоны,
Вот и клятвы слышны жить в согласье, любви, без долгов
А все же на Запад идут, и идут, и идут батальоны,
А нам показалось, почти не осталось врагов...
Владимир Высоцкий, «Песня о конце войны»*

Берлинский гарнизон сложил оружие второго мая, и после взятия столицы Третьего Рейха многие уже расслабились, полагая, что война закончена. Но по лесам еще бродили крупные группы фашистов (до полка, иногда с танками и артиллерией). Некоторые из них не знали о приказе генерала Вейдлинга о сдаче в плен гарнизона Берлина, некоторые ему не подчинились, а некоторые не хотели сдаваться русским и стремились прорваться на запад. И продолжала литься кровь...

Вернувшись из поездки в Берлин, Дементьев заночевал в Науэне, в приглянувшемся ему доме: темноло, и ехать ночью в расположение своего дивизиона через лес, где все еще постреливали, он счел неразумным. Дом был пуст, однако Павел не пошел на второй этаж, в спальню, — обосновался в одной из комнат первого этажа, где стояла старинная мягкая тахта. Скоротав вечер с офицерами полка, ездившими вместе с ним на экскурсию в поверженную столицу Германии, он уже собирался мирно лечь спать, когда в дверь его комнаты негромко постучали.

— Да! — отозвался Павел, бросив взгляд на кобуру с пистолетом, лежавшую на кресле возле тахты, где он приготовил себе постель. Дверь тихонько приоткрылась.

На пороге стояла та самая немка, которую он застал вчера в этом доме.

— Guten Abend, Herr Major, — сказала она, вежливо наклоняя голову.

— Добрый вечер, то есть гутен абенд, фрау. Или вы фройляйн? — ответил Дементьев, рассматривая гостью. Молодая женщина принарядилась: на ней была длинная темная юбка и белая блузка с кружевными рукавами, волосы аккуратно уложены.

Познаний Павла в немецком было явно недостаточно для беседы с дамой в интимном полумраке — вряд ли сейчас были уместны хорошо известные Дементьеву выражения «Хенде хох!» и «Гитлер капут!», однако ситуация как-то не вызывала у него желания

прибегнуть к услугам переводчика (да и где его искать на ночь глядя?). Он узнал, что немку зовут Эльза, понял, что она благодарит «господина майора» за доброе отношение, а потом разговор зашел в тупик — слов не хватало. Но Эльза вышла из затруднительного положения без слов: глядя на Павла круглыми синими глазами, опущенными длинными ресницами, и чуть покраснев, она медленно и аккуратно начала расстегивать свою нарядную белую блузку...

Ночь была жаркой. Эльза сладко стонала, закидывая за голову руки, шептала «майн либер Пауль» и вообще вела себя как истосковавшаяся жена, наконец-то дождавшаяся мужа. Ее ласки были искренними, но было в них и еще что-то — женщина очень старалась и делала все, чтобы понравиться «герру майору». Жил в немцах страх перед «русскими варварами», и жила в подсознании немок память прапрабабок, по городам и селам которых прокатывались волны бесконечных европейских войн. И эта память диктовала их праправнучкам простую модель поведения: лучше переспать с приглянувшимся офицером и ублажить его, чем быть изнасилованной в сарае пятью солдатами — немки не ожидали другого к себе отношения со стороны победителей.

Павел остро жаждал женщину — его молодое, здоровое, сильное тело требовало ее, — и был благодарен Эльзе за эту пьянящую ночь. Но ощущал он и оттенок фальши в страстных ласках молодой немки, и поэтому утром он расстался с ней без сожаления и уехал к себе в дивизион — война еще не кончилась.

* * *

Дивизион стоял под Науэном в небольшом селе. В этом же селе вместе с «катюшами» разместились зенитный дивизион и противотанковая батарея какой-то другой нашей части. На даче крупного немецкого заводчика разведчики дивизиона обнаружили самую шикарную машину того времени: «опель-адмирал». Увидев «опель», Дементьев сразу же понял, что его придется отдать начальству, но не мог отказать себе в удовольствии сначала хоть немного покататься на таком красавце.

Он возился возле машины, когда к нему подошел замполит дивизиона.

— Поговорить бы надо, Павел Михайлович, — кашлянув, сказал комиссар.

«О чем это, интересно знать?» — подумал Дементьев и решил совместить приятное с полезным.

— Так давайте прокатимся, — предложил он, — машина-то какая! Заодно и поговорим.

Они мчались по полевой дороге, ведущей в тенистый зеленый лес, и майской солнце обстреливало ветровое стекло «опеля» тысячами золотых бликов. Машина играючи давала сто восемьдесят километров в час, и Павел впервые понял, что такое настоящий автомобиль. Дементьев наслаждался скоростью и послушной ему мощностью, но тут замполит подпортил ему настроение.

— Ты, говорят, с немкой завел шуры-муры? — спросил он без обиняков.

«Ого! — Павел мысленно ахнул. — И двух дней не прошло, а они уже все знают: и чего было, и чего не было. У политработников глаза и уши даже на заднице имеются, не иначе!».

— Нет, — продолжал между тем комиссар, — если ты так, мимоходом ее прижал, да не силком, а по согласию, то ничего страшного. Сейчас многие этим грешат — все мы люди, а немки перед нами юбки задирают охотно. Но вот если у тебя с ней что-то серьезное, то лучше не надо — помни про капиталистическое окружение. Наш Иванов тебе спуска не даст — мигом доложит куда следует. Нужны тебе эти неприятности, командир?

— Не беспокойся, комиссар, — сухо ответил Павел, глядя на дорогу. — Не собираюсь я не ней жениться, так что пусть товарищ Иванов спит спокойно.

— Ты лучше о своем спокойном сне побеспокойся. В общем, я тебя предупредил, а дальше ты уж сам думай, товарищ майор, — у тебя своя голова на плечах.

Проехав километров пять, развернулись и понеслись обратно. Машина шла мягко, мотор ласково урчал, и Дементьев вскоре выбросил из головы слова замполита. Было бы о

чем думать — Павел ведь и в самом деле не собирался не то что жениться, но даже сколько-нибудь долго хороводиться с Эльзой, и дело тут было вовсе не комиссаре полка Иванове, а в нем самом, майоре Павле Дементьеве.

Когда они вернулись, Павел предложил замполиту еще раз проехаться по тому же маршруту — в лесу начальство не увидит. Но тот вздохнул (с явным сожалением) и отказался.

— Мне надо собрать совещание офицеров по вопросу поведения солдат по отношению к местному населению на оккупированной территории. С тобой-то я уже, — он усмехнулся, — провел разъяснительную работу, можешь не приходить, но у меня еще три сотни гавриков, и все они так и водят носами по сторонам, как коты мартовские: где бы чего урвать сладкого. У многих сердца злобой горят, да и подтрофеить в особо крупных размерах ручонки кое у кого сильно чешутся. Так что — не могу.

Ехать одному Павлу почему-то не хотелось, не хотелось и идти на политбеседу — что нового он там услышит? Майор забрался в свой дом на колесах, и взгляд его упал на шашку, висевшую на ковре. Эта шашка, положенная по штату артиллерийским офицерам батарей на конной тяге, прошла с ним всю войну — он не бросил ее даже тогда, когда бежал от немцев подо Мгой. Павлу ни разу не пришлось пользоваться шашкой как оружием — не танки же ею рубить, — лишь иногда он показывал ею, как жезлом, дорогу своим машинам.

«А ведь скоро будет победный парад полка, — подумал Дементьев, — и я пойду с этой шашкой перед строем моего дивизиона. Надо бы ее почистить — клинок должен блестеть». Он мог бы, конечно, поручить эту работу ординарцу, но какой истинный воин доверит свое оружие или любимую наложницу чужим рукам? Павел вынул шашку из ножен, оглядел ее от медного темляка до острия клинка, и разыскал точильный брусок. Выбравшись из машины, он сел на траву и начал точить слегка изогнутое матовое лезвие.

Всегда, когда Павел Дементьев брал в руки холодное оружие, творилось с ним что-то странное. Может быть, виной тому была древняя память его рязанских предков, семьсот лет назад принявших на себя первый удар батыевых орд, а потом веками скрещивавших мечи с разбойными степняками, налетавшими на Русь? Или память эта тянулась еще дальше, в глубь тысячелетий, ко временам ведуна, стоявшего на холме среди ковыльной степи? Ответа на этот вопрос Павел не знал, но он чувствовал запах древней магии, сочившийся с клинка, и наслаждался этим ощущением.

«Ну, вот, — подумал он, закончив работу и пробуя пальцем остроту клинка, — теперь это оружие, а не кусок железа». И тут вокруг засуетились и забежали люди; раздались крики и выстрелы.

Из леса — из того самого, откуда Дементьев с замполитом вернулись полчаса назад, и куда Павел хотел ехать снова, — валила толпа вооруженных немцев. Их было тысячи две, не меньше, и они уже разворачивались цепью, готовясь к атаке.

«Их же в несколько раз больше, чем нас, — подумал Павел, холодея, — и нет времени подкопать колеса «БМ», чтобы опустить направляющие на прямую наводку. А в рукопашной они нас сомнут — и это теперь, когда война уже почти кончилась!».

— Занять оборону! — закричал он, плюхаясь на живот за невысоким бугорком, бросая шашку и вытаскивая из кобуры пистолет. Справа и слева залегли его солдаты, готовясь к стрельбе. — Огонь!

Ахнули противотанковые орудия, в немецких цепях встали черные кусты разрывов. Но немцы продолжали идти вперед — уже можно было различить их перекошенные лица и орущие рты. Они шли в атаку так же остервенело, как ходили в самоубийственные атаки русские солдаты в начале войны, стреляя на ходу и автоматов и карабинов. Над головой Павла часто свистели пули: война напомнила о себе — она не спешила выпускать людей из своих смертных объятий. И этот один из последних боев Великой Войны стал бы последним боем майора Дементьева, если бы не зенитный дивизион, вовремя заметивший врага.

Тридцатисемимиллиметровые автоматические зенитные пушки, бьющие почти в упор по густым пехотным цепям, — штука страшная. Ливень снарядов величиной с хороший

огурец выкашивал ряды немцев; снаряды рвали людей на куски — во все стороны летели руки, ноги, головы. Толпа атакующих редела на глазах, а немцы все шли, и самые оголтелые из них падали в двадцати-пятнадцати шагах от лежавшей цепи бойцов майора Дементьева. Павел понял, что атака врага вот-вот захлебнется, и тут из клубов дыма и пыли, поднятой разрывами снарядов, прямо не него выскочил здоровенный эсэсовец в изодранном мундире.

За все четыре года войны Павел никогда не видел врага так близко — не пленного, а в бою, с оружием в руках. Дивизионные орудия «ЗИС-3» и тем более «катюши» убивали на расстоянии сотен метров и нескольких километров, а врукопашную артиллеристы дрались редко, разве что в критических случаях, когда немцы врывались на их огневые позиции. Павлу повезло — уберег его от такого Всевышний, и вот теперь, накануне победы, судьба, словно в насмешку, решила восполнить этот пробел в боевой биографии майора Дементьева.

За несколько очень коротких секунд, пока немец набегал на него, Павел успел, как при вспышке молнии в ночной темноте, разглядеть его лицо: резкие черты, прямой тонкий нос, пепельный ежик то ли белесых, то ли седых, то ли покрытых пылью и копотью коротких волос — на голове у эсэсовца не было ни пилотки, ни каски, ни фуражки. И глаза — глаза безумца, викинга-берсерка, с черными дырами зрачков, вытеснивших почти всю радужную оболочку. В правой руке немец сжимал эсэсовский нож-кинжал — Дементьеву среди трофеев такие уже попадались.

Павел вскинул пистолет и нажал на спуск, но услышал только сухой щелчок бойка — он и не заметил, как расстрелял по атакующим всю обойму. А немец был уже рядом, он уже отводил руку с ножом, готовясь нанести удар, и зловеще отсвечивало багровым лезвие его кинжала. И тогда Дементьев разжал пальцы, бросил пистолет, одним движением подхватил с земли лежавшую шашку и встал навстречу эсэсовцу.

Время остановилось. Пропали звуки боя — в уши ударила тишина.

Никто и никогда не учил Павла Дементьева владеть шашкой — не считать же учебой детские игры, в которых он мальчишкой самозабвенно рубил палкой крапиву и репейник, или строевые приемы в спецшколе и в артиллерийском училище. Но сейчас его рукой словно управлял кто-то другой, впитавший умение владеть мечом с молоком матери и очень хорошо усвоивший уроки седых воинов-рубак.

Шашка взлетела и упала, мимоходом срезав пальцы левой руки немца, выброшенной навстречу клинку в тщетной надежде остановить разящий удар, и ее лезвие разделило надвое лицо эсэсовца — точно посередине, между глазами, горящими темным огнем безумия.

Немец упал, а Павел увидел, как шашка превратилось на миг в широкий голубой меч — в Меч из древнего предания.

А потом в уши снова ворвался грохот боя, и в руке майора Дементьева снова была его старая кавалерийская шашка с лезвием, густо замазанным красным.

Немцы дрогнули.

— Вперед! — хрипло выкрикнул Павел. — За мной, в атаку, ура!

Поле боя было завалено многими сотнями немецких трупов. Немногие из уцелевших бежали в лес, остальные бросили оружие. «Эрэсники» потеряли троих убитыми и нескольких ранеными — среди убитых был восемнадцатилетний парень, прибывший в часть с последним пополнением, перед самым началом Берлинской операции

— Ты, Павел Михайлович, прямо Добрыня Никитич, — уважительно сказал замполит, глядя на Павла, как на былинного богатыря. И добавил, посмотрев на погоны зарубленного эсэсовца: — Штурмбанфюрер — вроде как майор, по-нашему.

* * *

«Опеля» Дементьев подарил командиру полка Пуховкину (сначала напугав его своим появлением — тот подумал, что на такой шикарной машине приехало большое начальство).

Потом машину увидел командующий артиллерией польской армии генерал Чернявский¹² и хотел отобрать. Пуховкин не отдал — мол, мы вам больше не подчинены. За это Чернявский задробил награждение всех офицеров полка польскими орденами, и комдивы шипели потом на Павла: «Свинью ты нам подложил — угораздило же тебя подарить эту машину комполка».

Но красавец «опель» все равно не остался у Пуховкина. Из Москвы «с инспекцией» (а точнее — за трофеями) прилетел генерал-лейтенант Дегтярев, командующий гвардейскими минометными частями Красной Армии, увидел роскошную машину и тут же потребовал: «Кто, чья, подать его сюда!». И когда растерянный командир полка предстал перед грозным начальством, разговор был коротким: «Не по чину машину имеешь, полковник. Возьмешь полуторку, она довезет тебя до дома. А «опель» оставь здесь, и шофера не забудь оставить».

Система феодальных привилегий армейской иерархической лестницы работала четко.

* * *

Ночью девятого мая началась стрельба. Сначала Павел подумал, что опять наскочила какая-то группа недобитков, но оказалась — Победа: эту новость узнали разведчики полка от проходившей по шоссе и палившей в небо колонны наших войск. Поднялось невообразимое: солдаты и офицеры обнимались, пели, кричали, плясали, плакали, били вверх из всех видов оружия и почему-то совсем не боялись падающих с неба пуль. Не боялся их и Дементьев — даже тогда, когда рядом с его головой в ствол дерева цокнула пуля, а он только за миг перед этим чуть откатнулся в сторону. Поняв, что остановить безудержное ликование воинов не удастся даже угрозой трибунала, майор вынул свой «ТТ» и с удовольствием разрядил в темное ночное небо всю обойму.

А утром из штаба ГМЧ фронта прибыл (правда, уже не на шикарном «адмирале», а на простой армейской полуторке) Пуховкин и сообщил, что вчера, девятого мая в пригороде Берлина Карлсхорсте генерал-полковник Кейтель от имени фашистской Германии подписал акт о безоговорочной капитуляции; от имени советского правительства капитуляцию принял маршал Жуков. А в довершение всего полковник объявил, что офицеры полка приглашаются на торжественный обед по случаю победы над гитлеровской Германией.

Столы накрыли прямо на широкой лесной поляне. Хрусталия и столового серебра на столах, правда, не наблюдалось, но солдатскими мисками, кружками и гранеными стаканами обеспечили всех. Хозяйственники расстарались и не пожалели трофейных деликатесов; хуже было с выпивкой — изыскали только слабое красное вино (вина было мало и его разлили по графинам) и спирт-сырец (спирта было много).

Павел Дементьев имел заслуженную репутацию трезвенника. Всю войну он почти не пил, хотя гостей принимал хлебосольно, а на вопросы отвечал так: вот война кончится, тогда я с вами и напьюсь — впервые в жизни. И в День Победы Павел сдержал свое обещание.

К исполнению клятвы майор подготовился основательно. Не будучи ни разу пьяным, он не знал, как будет вести себя во хмелю, а потому заранее принял меры предосторожности, подобные тем, какие принимались на пирах викингов и славян. Он вызвал ординарца и шофера, отдал им свой пистолет и приказал следить за ним на банкете, а самим — ни-ни. В качестве компенсации за стоическое воздержание в такой день солдатам было обещано, что после того, как начальство оклемается, они смогут пить хоть несколько дней подряд. Бойцы

¹² Генерал Чернявский, командующий артиллерией Войска Польского, после войны почувствовал себя по меньшей мере графом Потоцким. У него были магазины в разных городах Польши, имения, скот, пахотная земля. На него работали сотни крестьян — русский генерал стал польским помещиком, причем в уже социалистической Польше. Наконец, — как положено, — кто-то капнул на него в ЦК. Чернявского отозвали из Польши в СССР, все отобрали, наложили партийное взыскание и понизили в должности. И стал бывший «ясновельможный пан» командовать артиллерией Одесского военного округа. Чары Кошца Бессмертного действовали на многих — на очень многих...

дружно ответили «Есть!» и добросовестно выполнили приказ (как в первой, так и во второй его части).

Спирт-сырец — это неочищенная от сивушных масел жидкость с преотвратительным смешанным запахом помойки и дерьма. Чтобы как-то нейтрализовать столь экзотическое амбре, Дементьев разбавил спирт вином, и когда комполка провозгласил тост «За Победу!», отважно (и не дыша) опрокинул в себя стакан с получившейся адской смесью.

По пищеводу пронесся огненный смерч, и если бы не огурец, заботливо подсунутый начальником штаба дивизиона старшим лейтенантом Гизетли, Павел рисковал умереть на месте в страшных судорогах. К нему подходили, напоминали о его обещании, предлагали выпить за Победу, за боевых товарищей, за дом родной, просто выпить, и он пил со всеми, но уже рюмочками. Голова у него все сильнее шла кругом, где-то далеко зазвучала какая-то музыка, отяжелели и стали непослушными ноги.

Потом подошел Пуховкин и сказал, что выпить — оно, конечно, надо, но зачем же рюмки бить? Павел серьезно подумал и очень серьезно ответил, что рюмок не бил: просто когда он ставит их на стол, они почему-то ломаются. Полковник засмеялся и куда-то исчез, а Дементьева позвали фотографироваться на память. Он собрался с силами и двинулся было к заданной точке, но до места фотографирования не дошел.

Деревья качались и плыли перед глазами Павла, но он увидел на краю поляны, под сенью листвы, женщину и сразу же, несмотря на туман в голове, узнал ее. Это была Анюта.

Кареглазая казачка-колдунья стояла, прислонившись спиной к березе, и смотрела на него с доброй, мудрой и грустной улыбкой, словно она видела и знала то, что не мог видеть и знать русский офицер Павел Дементьев. Длинные темные волосы свободно стекали на плечи ведуньи; на ней было длинное, до пят, светлое полотняное платье, вышитое на груди. А в руках она бережно держала какой-то сверток.

Павел с трудом сделал к ней несколько шагов, и вдруг увидел крохотное личико и понял, что в свертке, который держит Анна, — грудной ребенок, совсем еще маленький.

— Твоя дочь, — тихо сказала ведунья, — я назвала ее Ольгой. Я сохранила твое семя, и наша дочь продолжит древний род воинов. А я пришла проститься. Мы с тобой больше не увидимся — я и так нарушила запрет и шла с тобой рядом. Вы убили Зверя, Великая Война окончена, и теперь я могу уйти. Будь счастлив, и живи долго, воин.

— Аню... та... — пробормотал Павел, еле ворочая языком. — Под-д-дожди... Я... Не уходи...

Анна отрицательно покачала головой, а рядом с ней появилась еще одна фигура, на этот раз мужская, и Павел узнал этого седовласого человека в длинном белом одеянии.

— Ты простилась? — спросил старик, мельком посмотрев на Дементьева. — Нам пора идти — оставь этого воина его судьбе.

— Мне грустно, отец, — Анюта склонила голову, и Павлу показалось, что в глазах ее блеснули слезы. — Я трижды спасла ему жизнь — на переправе через Вислу; два дня назад, в его последнем бою; и вчера ночью, когда с неба шел свинцовый дождь, — и я хочу, чтобы он прожил долгую жизнь.

— А надо ли ему жить долгую жизнь? — задумчиво сказал ведун. — Ведь жизнь его будет полна горьких разочарований и потерь. Ожидания победителей не оправдаются — на Руси ничего не изменится к лучшему. Он похоронит всех своих боевых друзей, и он увидит, как рассыплются трухой идеалы, в которые искренне верили и он, и его друзья. Он увидит, как боевые мечи, сокрушившие Зверя-Дракона, будут опущены в кислоту жадности и лжи и подернутся золотой ржавчиной. Он увидит, как его народ извернется в светлом будущем и устанет жить в состоянии вечного подвига — так жить не могут даже русичи. И он увидит, как гордое слово «воин» потускнеет перед жирным словом «торговец», а о Великой Войне поганые языки будут рассказывать небылицы всему миру. Он выполнил свой долг воина: спас свою страну и свой народ, так за что его мучить разочарованием? Ты сохранила его семя, и род его не прервется — не милосерднее ли будет подарить ему короткую жизнь и легкую смерть?

— Я хочу, чтобы этот воин прожил долгую жизнь, — упрямо повторила Анна, — он ее заслужил. А насчет разочарований — он сильный, он выдержит. И он, может быть, расскажет своим и чужим внукам правду о Великой Войне — кто-то ведь должен это сделать?

— Хорошо, — согласился старый колдун, — будь по-твоему. Идем, нам пора.

Они говорили так, словно Павла тут и не было, и Дементьев почувствовал злость — этот старик, будь он трижды ведун, не смеет уводить Анюту, его невенчанную жену, не дав отцу даже толком взглянуть на свою дочь!

— С-стой! — через силу выдавил из себя майор, нашаривая непослушными пальцами кобуру пистолета. — З-застрелю! Не т-тронь ее, стар... ик!

Он сделал еще несколько шагов к деревьям, под которыми стояли ведуны (или это были только их призраки?), но не дошел до опушки.

Фигуры Анны и старого ведуна дрогнули и начали таять легкой дымкой, растворяясь в яркой зелени листвы. Павел Дементьев протянул руки к исчезающим силуэтам, ставшим уже слабо различимыми тенями, но тут земля бросилась ему в лицо, ноги подкосились, и он упал в траву, пахнущую весной и жизнью.

Сознание погасло.

* * *

Проснувшись утром, Павел далеко не сразу сообразил, где находится. Наконец, когда из колышущегося вокруг тумана сформировались знакомые стены, ковры и развешенное на них оружие, он догадался, что лежит в своем доме на колесах.

Голова раскалывалась от боли, во рту скопилась горькая слюна с привкусом желчи, и Дементьеву страстно хотелось или немедленно застрелиться, или вести в дальнейшем только трезвый образ жизни. После довольно продолжительного обдумывания он пришел к выводу, что второй вариант несколько более заманчив, и попытался встать, но попытка не удалась: его мутило.

На слабый зов страдальца тут же явился его бдительный ординарец, окинул майора опытным оком, исчез, но вскоре вернулся и принес полстакана водки. Павел возражал — его тошнило от одного запаха спиртного, — однако ординарец настоял, ссылаясь на народную мудрость, проверенную веками и поколениями и гласившую: «Поможет».

Помогло. Дементьев, пошатываясь, встал, попил чаю, и ему полегчало. Восстановив координацию движений и вновь обретя способность мыслить, Павел потребовал от своих «телохранителей» подробностей своего вчерашнего безобразия, поскольку сам почти ничего не помнил: в памяти образовался зияющий провал.

Солдаты рассказали ему все по порядку — мол, вы встали из-за стола и пошли к лесу. Не доходя опушки, остановились и вроде бы с кем-то разговаривали; потом начали хвататься за кобуру, а затем, вытянув вперед руки и выписывая ногами, извините, кренделя, бросились в чашу, но тут же рухнули наземь и захрапели.

— А мы вас подняли и доставили сюда, в ваши апартаменты, — закончил свой рассказ ординарец.

Павел слушал, и в памяти его всплывали какие-то смутные воспоминания: да, он с кем-то разговаривал, под деревьями и в самом деле кто-то стоял, и встреча с этим «кем-то» была очень важной для майора Павла Дементьева. Он силился припомнить, кто же все-таки это был, и почему это так важно, но воспоминания не поддавались — они ускользали, как меж пальцев вода.

И как сквозь вату, он услышал далекий, еле различимый голос ведуна:

— Ты будешь помнить только то, что тебе можно помнить. Остальное — забудь...

Война кончилась.

Эпилог. Год 1990-й

Автобус был не то чтобы переполнен, но народу хватало. И в последнее время — с началом перестройки со всеми ее прелестями вроде гласности и экономических неурядиц — разговоры в транспорте сменили окраску, приобретая порой характер чуть ли не стихийного митинга. Глядя в окно на огни домов, Павел Михайлович думал о своем и не заметил, когда в автобусе появилась шумная молодежная компания. Нет, парни и девчонки вовсе не вели себя развязно и нагло, а если они и были чуток под хмельком, то именно чуток — для веселья, что называется. Однако говорили ребята громко, и он невольно прислушивался к их разговору. Перипетии студенческой жизни и подробности многочисленных любовных треугольников Павла Михайловича не очень интересовали, — разговор стал частью звукового фона, подобно ворчанью автобусного двигателя, — но тут тема дискуссии неожиданно изменилась: новое поколение волновали не только вечные молодежные проблемы.

— Наш военно-промышленный комплекс... Да ты хоть представляешь, сколько денег пожирает этот монстр? И кому это все надо? Нам и нашим братьям-неграм в развивающихся по социалистическому пути странах? Нам — не надо! Да если бы мы не тратили столько на ракеты и самолеты, мы давно бы... — увлеченно доказывал какой-то парень.

— ...жили бы не хуже, чем в Америке, — встрял уверенный девичий голос, — это точно!

— А если война? — возразил пацифисту ломающийся басок. — Ты чем, оглоблей отбиваться будешь, да?

— Да какая война! Кому мы нужны — Америке? Германии? Они вон, помощь нам гуманитарную шлют. Война... Прямо, у американских морских пехотинцев другой мечты нет, кроме как пройти парадом по Невскому проспекту! Весь мир застрашали своим железом, а сами сидим с голой задницей на морозе. Ты что, сильно служить рвешься? Только не надо ля-ля про патриотизм и гражданский долг! Мне эта армия — как чайке вытяжной парашют!

— Так чего ж вы тогда с Ленкой мышей не ловите? Склепали бы детеныша на скоротушечку, и все дела — вот тебе и отсрочка! А то уже скоро год, как зря простынки мнете... — взрыв молодого хохота подтвердил позитивное отношение всей честной компании к высказанному парочке (вероятно, молодоженов) предложению.

— Слушайте, а если бы немцы победили? Ну, тогда, в войне? Повесили бы Сталина и построили у нас нормальный капитализм «с человеческим лицом», как наш «минеральный секретарь» говорит. И жили бы мы, как весь мир живет — без бредней о светлом будущем и прочих заморочек...

Сердце кольнуло. Павел Михайлович хотел встать и сказать этим глупым детям — пусть даже считающим себя очень умными и эрудированными — все, что он об этом думает, но передумал. Кому и что он докажет? А выглядеть нелепым и смешным ему совсем не хотелось...

На следующей остановке веселая компания вышла. Провожая взглядом обнявшиеся парочки, Павел Михайлович подумал: «А сколько таких парнишек «выбитого поколения» двадцатых, в котором выжил один из десяти, — из тех, что остались лежать по обочинам моей долгой дороги от Ленинграда до Берлина, — и девчонку-то толком по сеновалу повалить не успели... Ребята-ребята, неужели вы и в самом деле думаете, что немцы пришли к нам тогда только лишь для того, чтобы угостить нас своим баварским пивом? Или что наши нынешние новоявленные «друзья» — победители в «холодной войне» — питают к нам исключительно теплые дружеские чувства? Эх, ребята...»

...Вернувшись домой, он долго смотрел на висевшую на стенном ковре старую шашку с медным темляком, спасшую ему жизнь в мае сорок пятого. И на миг ему вдруг почудилось, что исчезли потертые ножны, а вместо потускневшего узкого лезвия шашки полыхнул ослепительным голубым огнем широкий клинок колдовского Меча из древнего предания.

И тихо прозвучал-прошелестел в его сознании давно забытый голос, который Павел Михайлович Дементьев не слышал с одиннадцатого мая тысяча девятьсот сорок пятого года:

— Война не кончилась... Последняя Битва еще впереди...

